

Алик Толчинский

ТЕНИ
НА СТЕНЕ

Алик Толчинский

**ТЭНИ
НА СТЕНЕ**

БОСТОН • 2020 • BOSTON

Алик Толчинский Тени на стене. *Рассказы*
Alik Tolchinsky Shadows on the Wall. *Short Stories*
(Тени на стене. *Rassказы*)

Публикуется в авторской редакции

Copyright © 2020 by Alik Tolchinsky

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-950319237

Library of Congress Control Number: 2020940879

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 mgraphics.books@gmail.com

 mgraphics-publishing.com

Фотографии и рисунки в тексте: А. Толчинский

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator**[™] (www.batov.ru)

Отпечатано в США

Моему другу и издателю

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Жизнь Олега Минкина в почтовом ящике	
О, Шилаев!	11
Странный мужик	26
Беззаботная Валька	47
Когда б имел золотые горы	67
За аметистами	87
Баллада о деревенской уборной	118
Жизнь в лесу	135
Кобелино	153
Откровение от...	169
Диссиденты	
Слава героям	193
Очень живой Довлатов	204
Осколки	
Сонет Дон Жуана	227
Мои стихи тебе	228
Сны накануне 15 декабря	230
Танцуют все	232
Спасительный анекдот	233

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вдали от суеты свой путь преодолевая...

Я посвящаю этот небольшой сборник тем ребятам, с которыми дружил, начиная со студенческого возраста, около сорока лет. Позвольте представить их:

Михаил Зинде, литературный переводчик с английского, доцент кафедры иностранных языков, преподавал английскую литературу. Умер в 65 лет в Москве.

Александр Сергеев, старший научный сотрудник, кандидат химических наук, специалист по термостойким резинам, эмигрировал в Израиль, пока жив.

Александр Соколовский, старший научный сотрудник, кандидат химических наук, тоже специалист по резинам, но выше рангом: участник знаменитого эксперимента «Союз-Аполлон», живет в Москве.

У каждого человека свой круг друзей. Это вопрос и гормональный и социальный. В первом вопросе мы совершенно не можем определить, почему мы дружим с тем, а не с другим. Ответ на второй вопрос куда проще. Как правило, в социальные дружеские связи люди вступают из ощущения социального равенства. Профессор вряд ли станет дружить с водопроводчиком.

У моего шефа, Льва Александровича Грибова, знакомые и друзья были куда выше рангом — все доктора наук, профессора, заведующие кафедрами. Исключением был среди них друг его студенческой юности Игорь Петров, который защи-

тил кандидатскую под руководством дорогого моему сердцу Бориса Николаевича Гречушникова. Грибов ценил Игоря за то, что тот артистически рассказывал анекдоты, но на застолья со знатными друзьями не приглашал.

Я вечно благодарен Игорю за то, что он порекомендовал меня в аспирантуру к шефу. А Сергееву я вечно благодарен за то, что он порекомендовал меня в самый замечательный Институт Кристаллографии АН СССР, где я прошел трехгодичную школу исследований и встретился с Гречушниковым.

В этом сборнике я постараюсь не говорить о старости, которая неизбежна. Я буду говорить о великолепии и разнообразии жизни, хотя сам своё рабочее время посвящал тихому раскапыванию небольших тайн природы в силу моего очень ограниченного разума. А что представляет собой жизнь настоящего искателя приключений или талантливого человека, могу только догадываться. У него, наверное, и книги были бы куда интереснее...

Автор

ЖИЗНЬ ОЛЕГА МИНКИНА В ПОЧТОВОМ ЯЩИКЕ

О, ШИЛЯЕВ!

Ссора между Олегом Минкиным и Толей Шиляевым возникла из ничего. Как выяснилось позже, Толя оказался биологическим антисемитом, хотя никогда до этой ссоры не выступал публично со своим особым мнением, что все беды в СССР возникают от евреев. Если бы не новый сотрудник соседней лаборатории № 314 Толя Федоровский, Олег и не узнал бы о позорной, по его мнению, болезни Шиляева.

Федоровский был ужасно болтлив и неумеренно глуп. Кто его привел в почтовый ящик п/я № А-1813 на должность старшего научного сотрудника (с.н.с.), сейчас уже не вспомнить, но кандидатскую диссертацию он защитил. А кто у нас не защищал диссертацию? — Только патологически ленивый. Поскольку он никому не был нужен, а место, где просиживать штаны, надо было предоставить, его посадили в сектор Минкина. Временно.

Минкин пришел в ящик с кафедры физики, где он числился с.н.с. по научно-исследовательскому сектору (НИС). У него были долги в связи с кооперативом, и он продался за лишние, но совсем-совсем нелишние семьдесят рублей в месяц. Да, раньше он входил в НИС, а теперь НИС входил в него, потому что он пребывал в должности начальника сектора. Принявший его отдел отчаянно нуждался в специалисте, а площади для него не было, и тут начальство отрезало кусок коридора на четвертом этаже и поставило фанерную стенку

А. Толчинский. «Тени на стене»

высотой в два с половиной метра, а в стенке вырезали дверь и поставили замок, который легендарный Остап Бендер легко открыл бы ногтем мизинца. Вообще-то, кусок коридора он и есть кусок. Комнатой его не назовешь. Направо и налево из него вели двери в нормальные помещения. За этими дверями шла работа двух лабораторий, причем одна была теоретической, и там было тихо, а в другой шли испытания электрооборудования. Время от времени там что-то бахало, после чего начальник начинал орать на подчиненных. Потом начальник уходил, а оставшиеся начинали обсуждать мировые проблемы. Слышимость была идеальной. Наступало время обеда, когда все разбежались куда подальше, как потревоженные тараканы, а часа в три справа грели электрический самовар, который получили в виде приза от Министерства за первое место за участие в выставке «Электротехника в медицине» в павильоне ВДНХ. Если кто забыл, эта аббревиатура читается как Выставка Достижений Народного Хозяйства, а раньше она называлась ВСХВ (не подумайте ничего плохого), потому что она была Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставкой. Да... Довольно часто в это время врывался начальник лаборатории и начинал орать, что запрещает распивать *чаи* на рабочем месте. Короче, в помещении, выкроенном из куска коридора, уснуть не было никакой возможности.

В этих антисанитарных условиях Минкин пытался заниматься исследованием трансформаторных масел, принося в карманах халата дистиллированную воду, отмывал в *хромике* кварцевые кюветы, включал громоздкий отечественный прибор, который выкупил у своей бывшей кафедры физики, и записывал спектры. Федоровский в это время переводил для начальства статью с английского, потому что лучше всех знал английский и, кроме того, довольно быстро печатал на электрической болгарской машинке двумя пальцами.

В конце дня обычно наступала всеобщая расслабуха, женщины наводили последний марафет и, прижав сумки и сумочки к телу, следили за секундной стрелкой, чтобы не

опоздать на выход и в то же время не пройти проходную на минуту раньше, ибо за эту минуту могли и премии лишить.

За дверью слева сидел Юрий Афанасьевич, импозантный, всегда хорошо одетый, со своими немногочисленными сотрудниками, в число которых входил и Шилиев. Его начальник легко общался со всеми, даже с начальником отделения Рубашовым. К Минкину он благоволил, зная, что тот прошел хорошую школу в академическом институте.

Однажды Юрий Афанасьевич, наблюдая, как Минкин трудится возле спектрометра, разоткровенничался на бытовые темы. Минкин узнал, что он очень любит овощные консервы, особенно венгерский зеленый горошек и может в один присест съесть банку. Потом как-то потекла речь в направлении внутренней политики, и Минкин узнал, что евреи после Сталина опять проникли в высшие эшелоны власти. На вопрос Минкина, кто же эти люди пофамильно, собеседник ответил, что Брежнев и многие другие члены политбюро женаты на еврейках, а жена всегда крутит мужем.

«Вот ты какой на самом деле», — подумал Минкин, но промолчал.

Странным было то, что при таком юдофобстве у Юрия Афанасьевича в лаборатории сидела молодая, пышнотелая, вся в черных тяжелых кудрях и очень громко говорящая еврейка Лена. Как же он её терпел? Гораздо позже Минкин узнал, что отец Лены служил в милицейском управлении и даже находился в звании генерала. Бывали и такие чудеса в совковой жизни.

Другие сотрудники лаборатории слева, и Шилиев в том числе, часто задерживались в куске коридора, наверное, потому, что Минкин непрерывно был занят. Поневоле им приходилось общаться и с Федоровским, который быстро начал с ними фамиллярничать. Минкин слушал его дурацкую болтовню в пол-уха, но однажды Шилиев сказал, что его научным руководителем был Моисей Иосифович Гандельсман, а попросту — Мусик. Мусик так измотал нервы Шилиева, что стал его злейшим врагом, тем более, что до защиты Шилиев

так и не дошел. Федоровский взял это на заметку и каждый раз, прощаясь, говорил Шиляеву:

— Передай наш привет Мусику!

Видя, как Шиляев бесится, Минкин иногда улыбался. А что, он должен был плакать? Взял бы и сказал дураку Федоровскому, что даст ему в морду. Всё бы и прекратилось. В конце концов Шиляев не выдержал и сказал, сильно хлопнув дверью:

— Нет житья от синагоги! Прямо хоть с работы увольняйся!

Он перестал здороваться с обитателями куска коридора, открывал замочек в фанерной стенке и, громко топя и кашляя, направлялся в комнату налево. Там он нарочито громко разговаривал с другим сотрудником лаборатории Баутиным, когда-то окончившим физический факультет в Новосибирске. Общительный Федоровский уже знал его биографию. Оказалось, тот серьезно ухаживал во студенчестве за дочкой академика Будкера, однако потом оставил её и женился на обычной русской москвичке, живущей с родителями в двухкомнатной квартире на окраине Москвы. Любопытный Федоровский всё это вытянул из Баутина, а потом часто называл его зятем Будкера. Однако, в отличие от Шиляева, тот был человеком тихим, измученным хронической кишечной болезнью, и на Федоровского не обижался.

Как в известнейшем рассказе Гоголя, начавшись с пустяка, отношения Минкина и Шиляева стали резко ухудшаться, хотя Минкин был совсем ни при чем. Шиляева всё раздражало во владельце куска коридора — тщательно выбритое лицо, короткая бородка, стрижка, галстук, отутюженные брюки и особенно, обращение на вы. Сам Шиляев был одет всегда в что-то серо-черное, лицо некрасивое и даже какое-то непромытое, очки круглые, довоенного образца. Еще до ссоры он пытался взять верх хоть в чем-то над чистеньким интеллигентом. Однажды в легкую минуту предложил в присутствии Федоровского на пари выиграть рестлинг. Минкин сопротивлялся недолго, и Шиляев, получив моральное удовлетворение от победы, прочел нотацию, что мужик должен держать себя в форме.

— Вот, я каждый день на турнике подтягиваюсь двадцать раз. Отсюда и результат.

Пока Минкин сидел в куске коридора, за окнами ни шатко, ни валко шло строительство нового корпуса руками согнанных солдат и младшего состава сотрудников. Каждый отдел получил разнарядку. Рабочих с опытного завода не посылали, они были всем нужны, а инженеры и техники, как люди, мало нужные и мало знающие, ежедневно из разных отделов собирались, чтобы таскать носилки с мусором и работать лопатами. По этому поводу ходил анекдот, как мужик из деревни пришел наниматься на стройку. Его спрашивают:

— Что умеешь делать?

Он отвечает после паузы:

— Могу копать.

— А еще что умеешь делать?

Он долго думает и, наконец, отвечает:

— Могу не копать.

Как долго ни продолжалась стройка, а конец все-таки наступил. Генеральный директор дал приказ заселиться в течение месяца. Лифты при этом были отключены по причине, чтоб не испортили. Бедные сотрудники тащили лабораторные столы и оборудование на руках, когда вчетвером, а когда и вшестером. Минкину повезло тащиться со своей лабораторией (он тогда уже получил небольшое повышение, так как директор отменил сектора) аж на восьмой этаж.

К этому времени Юрий Афанасьевич успел защитить докторскую в собственном п/я и вскоре получил приглашение взять кафедру в институте пожарного дела, о чем новый начальник отделения говорил с нескрываемой завистью:

— Это же новый уровень материального благосостояния, потому что пять сотен за кафедру плюс полставки хоздоговорных — итого семь с половиной сотен в месяц!

Итак, кусок коридора соединился со своей родиной, и Минкин отбыл в новый корпус, оставив Шиляева, теперь уже главного инженера проекта, ненавидеть евреев в одиночку.

Жизнь в п/я была так устроена, что все праздники гуляли широко и самозабвенно. Женщины очень тепло поздравляли мужчин с днем Советской армии и приносили домашние яства, а мужчины дарили цветы на Восьмое марта и произносили приятные для дамского слуха речи. Казенный спирт разбавляли пополам водопроводной водой и ставили в морозильник. Когда Минкин пришел в п/я, он сказал, что это просто порча любимого продукта и что водку надо делать по Менделееву, то есть соблюдать пропорцию: сорок процентов спирта на шестьдесят процентов дистиллированной горячей воды, чтобы водка получилась быстрее. Хорошо также для вкуса добавлять красного перца или душистой травы.

На этот раз решили отметить большую тематическую премию за создание измерительного комплекса, который делали для Московской клиники абдоминальной хирургии. Замначальника по общим вопросам предложил пойти в питейное заведение «Белый аист», где можно культурно посидеть за столиками и где есть большой выбор спиртного. Дам не приглашали, чтобы не тратиться. Неудобно же брать денежки со слабого пола за стакан вина!

В «Белом аисте» даже висел на кронштейне работающий цветной телевизор, так что время проводилось еще и с пользой для посетителей. Придя в состояние легкомыслия, Минкин огляделся и вдруг заметил Шиляева. Тот стоял всё в той же в нелепой шапке-ушанке, что и десять лет назад.

— Как поживаешь, Анатолий Алексеевич? — спросил с теплотой в голосе Минкин. — Всё еще на меня дуешься? А за что?

— За то, что ты с Федоровским издевались надо мной по поводу Мусика, — ответил Шиляев, — а для меня это самый большой вопрос.

— Ты не заметил, наверное, что я по этому поводу и слова не проронил. А слушать этого балабола — я никогда не слушал. Так что все претензии к нему. Слава богу, после того, как мы переехали в новый корпус, я его встречал всего раза два. Вроде бы, он теперь в информационном отделе.

Наличие градусов в крови способствовало сближению и, так как Минкин был полувреем, тяжесть антисемитизма он почти не ощущал, хотя открытых погромщиков ненавидел. В конце концов, почему все должны любить евреев? Русских в массе своей тоже далеко не все любят, а если взять тех рабочих, которые трудятся на их опытном заводе, так это просто пьянь и дрянь. Ничего человеческого. И руки у всех растут не из того места...

Минкин вспомнил, как дядя Гриша учил его, молодого специалиста:

— Никогда не выпивай с рабочими, потому что после этого они тебе не станут подчиняться.

Дядя Гриша проработал начальником цеха на ЗИЛе (бывшем ЗИСе) всю свою жизнь и знал, что говорил.

...И вообще, братство народов — это фикция, лозунг. Если что-нибудь случится в стране, тут же все друг друга начнут грызть, как звери. Исходно в поведенческом смысле одна нация от другой отличается. То, что для одной нации нормально, для другой нации вызывающе оскорбительно. Вот, слышал же, что в Америке негры ведут себя нагло, хотя живут там уже много поколений. Но говорить на эту тему открыто нельзя, иначе обвинят в расизме. И антисемитизм, и расовая сегрегация запрещены во всех цивилизованных странах правильно. Сегодня евреи, завтра армяне, потом татары и пошло-поехало, пока государство не развалится на куски.

Шиляев после слов Минкина подобрел и спросил:

— Не знаешь, где достать справочник по оптическим материалам в инфракрасном диапазоне?

— Не только знаю, но даже имею экземпляр с дарственной надписью.

— Вот, хорошо бы попользоваться...

— Завтра принесу из дому. Только не заныкай! Хотел у тебя спросить, нет ли где фтористоводородной кислоты? Мне срочно нужны очень тонкие кюветы, а заказ на заводе в Питере будут делать год.

— У меня в десятом цехе есть кислота, позвони утром, сходим за ней.

На следующий день Минкин со своим молодым сотрудником Радиком выставили строго горизонтально стеклянную подставку, обмазали края кюветных окошек парафином, положили их на подставку и с осторожностью нанесли плавиковую кислоту в центр каждого окошечка. Через полчаса кислота вытравила около четверти миллиметра.

— А зачем нам такая малая толщина кюветы? — спросил Радик. — Ведь можно разбавить раствор до нужной концентрации и использовать стандартные кюветы.

— Когда вы разбавляете раствор, вы меняете все его физико-химические параметры, и там перестают действовать те силы, которые определяют его поведение в концентрированном состоянии. Мы должны найти способ стабилизировать это состояние как можно дольше, чтобы не выпадал осадок.

Прошло еще лет пять, не менее. В эти пять лет вместились множество событий, включая объявленную свыше перестройку с ускорением. В результате перестройки п/я постигли ужасные перемены. В самом начале в результате отсутствия финансирования урезали заказы от министерства обороны и сместили генерального директора. На его место прислали директора Краснодарского филиала п/я, человека с волевым и умным лицом, а не с бульдожьей харей, как у бывшего. Прибывший был сыном начальника КГБ всей Краснодарской области. Он сходу начал заниматься большой политикой. На третьем году перестройки Горбачев почувствовал, что русская тройка везти русскую экономику по дороге прогресса не в состоянии. От этого генсек перманентно находился в угнетенном состоянии.

Краснодарец ухитрился зазвать генсека на территорию п/я и даже что-то продемонстрировал ему, как новейшие достижения. Горбачев после этого немного посветлел лицом и запомнил нового директора. На самом деле продемонстрировать было абсолютно нечего. За месяц до визита генсека новый директор вызывал поочередно начальников отделов

и требовал представить в живом виде новые изделия, которые уже завтра можно пустить в массовое производство. Тут его постигло тяжкое разочарование. Начальники приносили в карманах образцы батареек и аккумуляторов, но тут же оказывалось, что эти опытные образцы существуют в единичных экземплярах, что их нужно дорабатывать, а проекты технологических линий еще даже не существуют на бумаге. Выстроенное бывшим директором здание, где обитал Минкин со своей лабораторией, соседствовало с недостроенным грандиозным подземным корпусом для испытаний изделий сугубо военного назначения. Этот монстр повис громадным долгом на п/я и, возможно, стал причиной смещения директора. Инициатор этого проекта, заместитель директора по науке, которого Краснодарец хотел отдать под суд за растрату, через три года после объявленной перестройки сбежал в Израиль, так что сажать было некого.

За пять лет страна не только обнищала, но стала кишеть ворами и бандитами, как загаженный диван в коммуналке кишит клопами. Дирекция п/я стала сдавать площади разным фирмочкам, а деньги, полученные от аренды, клали в карман. На огромной площади п/я среди корпусов прятали от контролирующих органов приобретенные автомобили и даже личные грузовики. Воровали все и воровали всё, что еще можно было украсть.

К этому времени Минкину предложили дополнительную огромную комнату в соседнем десятом корпусе. Он согласился взять её и использовать под склад разных приборов и устройств, потому что основная комната лаборатории была перегружена. Когда Минкин пришел осмотреть помещение, он заметил одинокую фигуру, которая оказалась последним инженером в бывшей лаборатории электролиза. Все остальные люди разбежались в поисках пропитания и лучшей доли.

На почве отсутствия жратвы и товаров обстановка внутри страны накалялась, активисты движения *Россия для русских* уже ходили по жилконторам и составляли списки проживаю-

щих евреев, чтобы устроить им всем *ночь длинных ножей* за все беды, в которых были повинны они сами. Минкин в это время кипел на работе. Оказалось, что масса людей нуждается в его услугах, начиная от утилизации серебра и кончая анализом электролита для литиевых батареек, которые в нашем отечестве так и не научились изготавливать. Был даже случай, когда один наглый завлаб из недавно прибывших предлагал ему за большие деньги приготовить с десятков килограммов цианистого калия.

Однажды Минкин зашел в бывший учебный корпус, где всего пять лет назад располагался факультет заочного политехнического института. Там царил тишина, и в этой тишине знакомый химик-синтетик Абрамсон в полном одиночестве возился с какими-то химикалиями в банках. Его ассистентка, славная и способная девчонка, его покинула, потому что на зарплату в сто сорок рублей прожить было просто невозможно. Перебросившись с коллегой парой фраз, Минкин поднялся на последний этаж. Дверь в огромный спортивный зал с сауной, в которой часто парилась дирекция, приглашавшая на мероприятие девочек, была приоткрыта. Каково же было удивление Минкина, когда он увидел группу нестарых мужиков, тягавших штанги и подтягивающихся на турниках, и среди них того инженера из десятого корпуса, и Шиляева. Тот тоже его заметил и подошел.

— Что это вы здесь делаете в рабочее время? — спросил Минкин.

— Мы тренируемся, — ответил Шиляев.

— В каком смысле?

— Ты что, Олег, с люстры упал? Страна разваливается! Ей нужны решительные и физически сильные люди, чтобы спасти её от катастрофы. Мы должны в темпе организовать боевые отряды, готовые прийти на помощь в любую минуту. И первое, что мы сделаем — повесим на Красной площади Абрамовича, Гусинского и друга семьи Ельциных, господина Березовского.

— А потом вернетесь в наш п/я?

— Предстоит огромная работа по очистке Союза от всякой сволочи и всяких там нацменьшинств, которые вконец обнаглели. Присоединяйся к нам.

— Не могу, работы много, мои сотрудники разбежались, кто куда. Остались только Надя и Арслан. Радик собирается подавать на выезд в Австралию. Представляешь?

— Всех бегущих с тонущего корабля мы будем рассматривать, как предателей и поступать будем с ними, как с предателями.

«Чокнулся на почве ксенофобии», — подумал Минкин и, махнув рукой, отправился в свою опустевшую лабораторию, забыв, зачем ходил в учебный корпус. — «Какие-то они все безобразно одетые, а лица, как на кинолентах времен гражданской войны, закопченные и бессмысленные. Неужели весь народ сегодня такой?.. Ведь всего пять лет прошло с начала перестройки, и так одичали!»

Интеллигенция в это смутное время ликовала, читая компрометирующие советскую власть материалы в открытой печати. Однако не только духовным хлебом жив человек. Есть надо каждый день, а продукты стали исчезать с ужасающей скоростью. Минкин отстоял три часа на морозе, чтобы купить два десятка яиц. Через несколько недель, выйдя за хлебом, он увидел страшную молчаливую очередь в булочную, которая, правда, двигалась довольно быстро. В одни руки давали один батон белого и одну булку черного. У прилавка стояла некрасивая молодая женщина с большим кухонным ножом и у каждого просила отрезать ей кусок хлеба.

«Наверное, чокнутая, — подумал Минкин. — Представляю, что творится в двух сотнях километров от Москвы».

Наконец, нарыв лопнул — кучка высших чиновников и военных решила силой отобрать власть у Горбачева, который малодушно удрал на юг, якобы поправлять здоровье. История действительно повторяется дважды — в первый раз, как трагедия, а второй раз, как фарс. Устроители путча не были профессионалами ни в чем, поэтому опереточный путч захлеб-

нулся. Горбачев после провала путча вылез из своей норы и обвинил их всех в злодеянии, как будто он и не предполагал от них такого коварства. Врал, разумеется.

«Враньё началось в 1917 году с подачи большевиков и всё нарастало, пока из-за вранья, всяческого рода приписок и отписок стало невозможно реально планировать хозяйство. Еще удивительно, что отставание растянулось на семьдесят лет. Сейчас, вроде бы, можно уже начать говорить правду о том, где мы сейчас находимся в экономике, но болезнь сидит очень глубоко. Опять же, непонятно почему, объявили перестройку с ускорением, вместо того, чтобы снова объявить НЭП, раздать желающим работать землю и ликвидировать колхозы и совхозы. Земля не терпит безответственности и мстит неурожаями». — Так думал Минкин, вечером возвращаясь домой на метро.

На выходе две бабенки раздавали фашистского типа газетку, и никто не возмущался, не звал милицию и не пытался помешать её распространению. Воздух в Москве вовсе не был воздухом свободы, за которую боролись диссиденты, нет, в нем висела ненависть. Всех ко всем. Виноваты были больше всех, разумеется, коммунисты, но их в стране насчитывалось под двадцать миллионов, то есть вместе с семьями получалось, что их чуть ли не треть населения. Поэтому считать их виновными в развале экономики и деградации властных структур было нелепо, а еврейское меньшинство было тут, под боком. Как говорил Ежи Лец: «Я знаю, откуда идет легенда о богатстве евреев — они за всё расплачиваются».

Уходил Минкин с работы поздно. Дома было скучно, телевизор передавал заседания верховной власти, которая не знала, как вытащить страну из ямы, куда её загнали большевики. Коммунисты мечтали о реванше, а КГБ готовил переворот, потому что способы перехода к нормальному гражданскому обществу им были неизвестны и заранее ненавистны.

Пришедший на должность директора Краснодарец, как вы уже знаете, имел далеко идущие планы. В недрах огромного

п/я что-то зрело и набирало силу. Неоднократно Минкин, проходя по пустым коридорам директорского этажа, видел огромных мужиков в кожаных куртках, которые явно не годились в инженеры или научные сотрудники. Таких крупных особей народ кличет быками. Единственное, что они умеют делать профессионально — избивать, калечить и убивать обыкновенных граждан по приказу начальства, а голова им дана вовсе не для того, чтобы думать, она есть лишь рудимент наподобие аппендикса.

Краснодарец успешно вел избирательную кампанию совместно с генералом Лебедем. Тот был харизматической личностью. Перед электоратом на экранах телевизоров возникал этакий душка-генерал, смешливый, остроумный и с густейшим басом. Программа его была проста и доступна — Закон и Порядок. Очевидно, роли в тандеме были распределены заранее. Краснодарец должен был обеспечивать законность новой власти, а генерал должен был навести в стране порядок.

Парламент в это время набухал ненавистью к Ельцину и тормозил любую реформаторскую деятельность первого законно избранного президента. От чувства бессилия Ельцин напивался каждый день, как последний сапожник. Экономисты-академики жевали сопли, ничего не понимая в сложившейся обстановке. Продукты в магазинах исчезли совсем.

Минкин, до основания постигший непростую стратегию выживания в СССР, заранее приобрел десятки коробок детского питания и пакеты сухих супов в магазине «Диета» напротив своего дома. Из семи столовых и буфетов в п/я осталась в рабочем состоянии одна. Там давились в очередях оставшиеся сотрудники и рабочие с опытного завода, большая часть которых перешла на хлеб и молоко, которое пока регулярно поставляли. Минкин в эти дни готовил себе суп из макарон с сушеными овощами, а черный хлеб подогревал в термошкафу до состояния приятной мягкости, после чего намазывал детской молочной смесью с добавлением порошка какао

из домашних запасов. Он запивал это чудесное ежедневное пирожное крепким индийским чаем, заваренным в колбе дистиллированной воды, и чувствовал уважение к себе, так как никого не обременял своим существованием. В тот, полный мучений и преступлений год, отягченный безжалостной войной в Чечне, ему, как никогда, хорошо работалось. Он решил подбить итоги своих двадцатилетних исследований и защитить докторскую диссертацию. Он был настолько увлечен работой, что не испытывал страха перед возможной катастрофой, а она была вполне реальной. Парламент превратился в укрепленный лагерь, где скрывались вооруженные автоматами Калашникова коммунисты, деклассированные элементы и откровенные бандиты и погромщики.

— Очнись! Какая диссертация? Нужно бежать из этого ада, пока не опустили опять железный занавес! — кричал ему по телефону друг Мишка.

— Боюсь, уже поздно, — отвечал ему Минкин. — Будь, что будет.

И день *Икс* наступил. Одиноким диктор центрального телевидения с бледным испуганным лицом рассказывал, что из здания парламента в город стали выходить вооруженные люди с намерением взять столицу нашей родины под контроль. Оператор телевидения показывал, как генерал Макашов с матом гонит вооруженную толпу на взятие телецентра. Миркин смотрел на погромщиков, и вдруг в кадре появилось лицо Шилаева. Нет, он не мог ошибиться. В руках Шилаев держал кусок стальной трубы и что-то орал.

— О, Шилаев! — простонал Минкин. — Какая же ты сволочь, Шилаев!

Чем кончилась эта драма, знают все, но не все представляют, какая разыгралась бы трагедия, если бы погромщики взяли власть в стране.

СТРАННЫЙ МУЖИК

Как вы уже знаете, силами солдат и малонужных научных сотрудников на территории п/я строился десятиэтажный корпус. В это время Минкин с сотрудниками сидел в куске коридора и пытался быть полезным приютившему его начальству в лице Рубашова. Директор того ценил, но никак не желал давать ему должность замдиректора, наверное, потому, что в его свите уже было девять заместителей. А может быть, ему нравилось число девять, а число десять ему не нравилось. В конце концов Рубашов не выдержал, снюхался с директором другого п/я и ушел к нему со своими ближними сотрудниками строить первый советский томограф. Если вы будете искать это изделие в каталогах медицинского оборудования, то наверняка не найдете. Да это и неважно. Как говорили классики анархизма, движение — это всё, а конечная цель — ничто. Короче, Рубашов с довольно большой группой людей ушел на должность замдиректора, из-за чего образовалась солидная дыра в отделении медицинской электротехники. На место Рубашова директор поставил завлаба М., человека умного, злого и расчетливого, хотя и пьющего, и поручил ему в спешном порядке найти начальника отдела и еще набрать специалистов-электротехников для воплощения высоких замыслов.

М. вскоре нашел одного знающего специалиста, Льва Мариничева, человека тоже пьющего, и поручил ему набрать в срочном порядке персонал лаборатории, чтобы начать разработку систему «САРИК». Расшифровывалась она, как система автоматического регулирования, измерения и контроля, а вовсе не сыночек тети Сары. В это же время М. разыскал в институте Медтехники одного очень энергичного и тоже пьющего мужика по фамилии Березников и поставил

его над начальниками лабораторий, среди которых числился и Минкин, которому было поручено создание аппарата, измеряющего содержание калия, натрия и других ионов в плазме крови пациентов. Пока формировался новый отдел, всех прибывающих размещали в читальном зале библиотеки. В числе прочих прибыли два молодых мужика из Подмосковья, явно от сохи, но в ту пору мужскому полу отдавалось предпочтение, поскольку обязанность посылать сезонную рабочую силу в подшефные совхозы никто не отменял. А с бабы какой спрос? Скажет, что не может оставить детей и всё! Да, к тому же на свежем воздухе была опасность возникновения неуставных отношений и, как следствие, семейных разборок. Однажды в один из дней в читальном зале появился персонаж, который привлек всеобщее внимание. Звали его Алексеем.

Одет был Алексей в резиновые сапоги, неопределенного цвета штаны и синтетическую коричневую куртку. Над нею развеялась длиннющая борода, голова была лысая с длинными прядями редких волос, откуда посверкивали диковатые глаза. Рот был заполнен редкими прокуренными зубами, отчего дикция была весьма неотчетливой.

Мариничев ютился вместе с Минкиным в тот момент в одной комнатке, поскольку директор однажды заглянул на четвертый этаж и разорался, что уродовать коридоры не позволит. Оба завлаба поднимались в читальный зал в обеденный перерыв, где сотрудники яростно рубились в домино. Отдельно от них кучковались любители шахмат. М. тоже был любителем шахмат, но никогда не играл, а садился сбоку и комментировал; наверное, для его самолюбия было бы очень болезненно проиграть. Действительно, какой же он начальник отделения, если играет в шахматы (это первое), да еще и проигрывает (это второе)! Может показаться странным, но в бывшей лаборатории М. из шести подчиненных трое были евреями. Все они занимались теоретическими изысканиями, какими именно, Минкин так и не смог выяснить. Один из теоретиков, Виктор Иванович Чаплий, тоже имел вполне ненормальный облик. Говорили, что Рубашов

взял его после краткого свидания на улице перед забором п/я, куда Чаплий пришел с красной сумкой-авоськой, на дне которой сиротливо болталась одинокая бутылка кефира. Видимо, Рубашов решил, что так и должен выглядеть настоящий физик-теоретик.

Алексей в обеденный перерыв всегда спал, подложив под голову кусок поролона явно не первой свежести. Пока помещение строилось, всем принятым на работу специалистам по электронике было предложено сочинять и рассчитывать схемы, которые потом следовало отлаживать в натуре. Березников тоже не сидел сложа руки. Он бегал и устраивал разных начальников и их родню на лечение к известным врачам. Это избавляло его от общения с дамами, которые занимались экономикой и разработкой технической документации, включая МТТ (медико-технические требования), ВТУ (временные технические условия), ИЭ (инструкции по эксплуатации) и прочую чушь, которую просто переписывали из нормативов едва ли не 1954 года.

Пока дамы водили по бумаге шариковыми ручками, мужики занимались дебатами на общегосударственные темы. Вскоре выяснилось, что Алексей совершенно недоволен российским разгильдяйством и что он много читал про разные системы хозяйствования, включая даже Адама Смита, которого, как мы знаем, предпочитал Евгений Онегин. А хобби у Алексея тоже было необычным. Он был страстным охотником и ходил со своим пойнтером Никой на охоту весной и осенью. Судя по его неухоженности, жена его давно бросила, ушла к другому. Ника была его гордостью и немалую часть своей скромной зарплаты он тратил на неё. О собаках и их воспитании он мог говорить бесконечно, были бы слушатели. Когда ему говорили о забалованных собаках, он не скрывал своего презрения.

— Когда я команду Нике к ноге, я даже не успеваю сказать к но..., а она уже у моей левой ноги, — говорил он.

Мужики слушали его охотничьи байки с удовольствием; действительно, сколько можно курить на лестнице и обсу-

ждать хоккей! А тут живое дело. В конце концов, один из ведущих инженеров, Гена Дуров, соблазнился и попросил Алексея взять его на охоту. Минкин знал Гену со дня прихода в п/я. Человек он был молчаливый, квалифицированный, заканчивал инженерно-физический. Минкин с начальником Гены Виталием вел разработку прибора для института океанологии. Собирались анализировать загрязненность природных вод нефтепродуктами. Гена вернулся после охотничьей вылазки похудевший и всё такой же молчаливый. На вопрос Минкина, как жилось рядом с Алексеем в палатке, Гена ответил:

— Дельный мужик, всё умеет, только очень много говорит о философских проблемах, от этого я устал.

Узнав, что у Минкина есть восьмилетний сын, Алексей спросил однажды:

— Хочешь оптический конструктор для своего пацана? Мой уже наигрался.

В это время сын тяжело болел гриппом, и Минкину хотелось хоть чем-нибудь его отвлечь и порадовать.

— Сколько? — спросил он.

— Полгосцены, пять рубликов.

— Давай, приноси.

Для Минкина, получающего четыре с лишним сотни в месяц, это был не расход.

— Я спрошу у своего, а он тебе, если согласится, то позвонит.

Сын Алексея позвонил в тот же вечер и на вопрос: «Сколько?» — ответил, так же, как его отец: «Полгосцены».

— Это сколько?

— Пять рублей.

Видно в семье с деньгами было туговато. Минкину в голову не могло прийти продавать подержанные конструкторы. Однако принесенный оптический конструктор был совершенно новенький, словно им никогда не пользовались.

Однажды во время обеденного перерыва в читальный зал забрел и Шилаев. Начало общего разговора Минкин не уло-

вил, потому что жадно следил за перипетиями шахматной баталии — играли трехминутки, темп был бешеный. Видимо, у Шиляева был вопрос технического или теоретического плана к М., а тот, не отрывая глаз от шахмат, сказал ему:

— Зайди в нашу лабораторию и спроси Мулера или Чаплия.

Видно, в тот день у Шиляева было очень поганое настроение, потому что он ответил:

— К этой нации я никогда за советом не пойду, потому что обманут и припишут себе все результаты.

М. взглянул на Шиляева с удивлением, но ввязываться в дискуссию не стал. А Шиляева несло. Окружающие слушали сначала с ужасом, а потом даже и с интересом о происках сионизма в их п/я. На всех сидящих и стоящих тридцати с лишним сотрудниках в читальном зале приходилось всего пол-еврея, то есть один Минкин, который уже давно знал о болезненной фобии Шиляева и поставил себе за правило не возникать в таких случаях.

И вдруг мирно спящий на куске поролон Алексей пробудился и разразился пламенной речью против мерзавцев, которые прикрывают собственную бездарность и бессилие происками инородцев.

— Когда ищешь причины собственных неудач, прежде всего, смотри в зеркало! Там увидишь подонка, который тебе портит жизнь, — закончил Алексей свою речь и снова уткнулся в поролон.

После этого никто не проронил и слова. Шиляев потоптался еще с минуту и слинял.

Наконец, настало время переезда в новый корпус. Для того, чтобы отдел медицинской электротехники выглядел солиднее, все лаборатории были набиты всяческим мусорным народом, словно с улицы, или по рекомендации таких же бездарей, что уже работали в п/я. Были там и выделенные из других отделов, от которых давно стремились избавиться. В результате, Минкин получил целый букет мужиков, у которых руки росли не из того места, зато с чувством постоян-

ной жажды выпить казенного спирта. Один из них, Акулов, был особенно опасен, потому что был сыном замдиректора по общим вопросам. Акулов старший в молодости служил в СМЕРШЕ и потому ничего не боялся со стороны любимой советской власти, деньги стекались к нему со всех «законных» мероприятий. Особенно много он имел с избирательных компаний, когда хапал для перепродажи мебель, лампы, ковровые дорожки и всё другое, списывая с баланса и распределяя по клиентам. Это он придумал создать сезонную лабораторию из техников и инженеров, которые большую часть года трудились на садовых участках начальства.

Акулов доставлял Минкину не так уж много хлопот, но где было напасть столько спиртяги, чтобы удовлетворить его аппетиты? Попал в его лабораторию и сын секретарши **самого** генерального директора, Слава. Симпатичный непьющий парень, поклонник карате, фанатичный автолюбитель. В первый же день работы он сказал Минкину:

— Олег Михайлович, я вам скажу честно, что сидеть за столом и писать я люто ненавижу. Вот, если вам нужно что-либо привезти или договориться, или доставить письмо, я всегда к вашим услугам.

Минкин понял, кивнул и протянул ему руку.

— Договорились!

Мариничев со своей лабораторией, состоявшей из одних мужиков, расположился напротив Минкина. Это еще было время навесного монтажа, хотя о печатных платах уже слышали и даже ездили в некий институт, который купил автоматическую венгерскую линию по производству печатных плат, однако для поисковых работ это не годилось. Пришедшие для заполнения кадрового вакуума «специалисты» были людьми темными, малоквалифицированными, паяльники в их руках двигались так, словно они собирались чинить продырявленные кастрюли и тазы. Мариничев гонял их и распекал ежедневно:

— Делаешь исправление в схеме — тут же вноси исправление в чертеже, иначе через пару дней концов не найдешь!

У Минкина положение было потяжелее. Акулова и Славу не погоняешь — сам быстренько вылетишь с работы. Рабочий день у Акулова начинался с обхода знакомых, где ему из солидарности давали глоток-другой спиртяшки. После этого он входил в доброе расположение духа и отправлялся по месту службы, то есть в лабораторию Минкина. Хмельному человеку нечего делать среди занятых исследованиями людей. Поэтому Минкин не озаботился обеспечить Акулова столом. Тот и не претендовал. Вести с ним беседы было некому, так что, покрутившись около Минкина, он спрашивал двадцать пять граммов и если имелось поручение отнести документацию или зайти в цех, удовлетворенный пропадал до обеда.

Живая жизнь начиналась на этаже ровно в 12:00. Двери лаборатории Мариничева раскрывались, и группа жаждущих сразиться в домино устремлялась к столу в центре большой комнаты. Алексей, как всегда, спал, положив голову на кусок поролона. Жаркие сражения имели своих болельщиков и ожидающих очереди, потому что проигравшие вылетали. Акулов сам не играл, но от нечего делать тоже присутствовал и травил сплетни о внутренней жизни п/я. Вообще-то он ждал момента в конце перерыва, чтобы подвалить к ребятам, которые временами протирали платы спиртом (или не протирали, но спирт на эту операцию исправно получали), и выклянчить двадцать грамм. Минкин иногда тоже заходил поглядеть на играющих и думал: «Вот такой бы азарт до полного остервенения да в научных целях!»

Однажды он зашел с томиком англо-русского словарика, и Алексей, который, казалось бы, спал, сразу спросил его:

- Где купил?
- Да в нашем магазине «Студент». Полтора рубля.
- А мне купить сможешь?
- Без проблем.
- Я тебя за это куда хочешь поцелую!
- А полтора рубля?
- Само собой, само собой!
- Ну, тогда обойдемся без поцелуев.

Выйдя от Мариничева в коридор, Минкин представил себе лохматую и бородатую голову Алексея, пытающегося поцеловать его в место *«куда хочешь»*, и захохотал.

Отношения с Мариничевым у Алексея не складывались. Может быть, он и не был специалистом, каким себя мнил. Мы все учились понемногу... В п/я использовали такого рода людишек для исполнения приказов райкома о помощи сельскому хозяйству. Алексей тяготился сидением над схемами, считал всю работу по созданию системы САРИК жульничеством и скучал по чистому воздуху, так что командировок в ближайший совхоз не избегал. Всё-таки разнообразие. Там их как-никак кормили, а он ненавидел приготовление еды и дома мог размочить корку черствого хлеба и жевать с крепким чаем. Чаю он не жалел. С зубами у него были большие проблемы. При этом он мог сидеть целый час над книгой Ницше или Шопенгауэра дореволюционного издания.

Кругом все уже привыкли, что в совхоз поедет он, поскольку не женат и, значит, домашних обязанностей у него нет. Однако случалось, что Мариничеву нужны были люди, умеющие не только держать паяльник в руках, но и контролировать других. По статусу Алексей должен был надзирать за парой таких техников, но этого избегал. В результате между ним и Мариничевым разгорелся скандал. Разгневанный его апофигизмом Мариничев жестко сказал ему:

— Ты у меня на должности ведущего инженера, специалиста и должен соответствовать своей должности. Понятно?

— Я у тебя специалист по вилам и навозу! — прокричал Алексей. — Благодаря тебе я из совхоза не вылезаю!

Об этом скандале Акулов рассказывал Минкину с наслаждением. Акулову в лаборатории Минкина было скучно, все были заняты работой и в основном молчали. Разговоры начались за чаем в три часа пополудни. Никто, кроме Филатова, бывшего сотрудника из лаборатории Виталия, которого Рубашов с собой не взял по причине полной бездарности и страсти к выпивке, — никто никогда и не заикался о спир-

те. По праздникам Минкин угощал сотрудников рюмашкой настойки на травах, этим дело и кончалось.

В лаборатории Мариничева, напротив, к концу рабочего дня нередко разводили ректификат поганой водопроводной водой, отдающей ржавчиной, и хлопали по сто грамм для улучшения настроения. Однако люди тосковали по настоящей холостяцкой вечеринке, когда можно не только выпить, но и поболтать за жизнь. Большинство ютилось в коммуналках или в крошечных квартирках, где жены категорически запрещали приводить гостей с работы.

— Знаем мы ваши деловые встречи, — говорили жены и тещи, — нажрутса, насвинячат, а нам убирай после вас!

Алексей не пил, на приглашения поддержать компанию всегда отвечал, что предпочитает крепкий кофе. О том, что он живет один в отдельной однокомнатной квартире, стало известно и часто его подзуживали, что неплохо бы собраться у него без баб. Наконец, в 70-летнюю годовщину **«великого октября»** его уломали, и он согласился принять гостей.

— Только у меня, мужики, ничего дома нет. Я хозяйство не веду, так что приносите всё с собой.

— Ты не волнуйся, — ответили ему, — нам бы крышу над головой...

Однако поразмыслив, они решили взять Тамарку, бойкую на язык разведенку. Надо же кому-то картошку сварить, огурцы порезать, тарелки на стол поставить. Пусть поработает. А мужикам думать надо, говорить и выпивать.

По случаю круглой даты в магазинах была давка за колбасой и водкой, но мужики разжились спиртом и упростили Минкина сделать водочку по Менделееву. Минкин согласился, хотя сам отказался от застолья. Мариничев тоже не пошел, потому что сильно не любил Алексея. Зато Акулов был тут как тут, и примазался к компании.

Как только гости появились, Алексей сказал им:

— Вы тут располагайтесь, а я пойду собаку прогуляю.

Пришедшим на кухню представилась картина, которую можно описать как апофеоз запустения. Тамарка, взглянув на

черные раковину и газовую плиту, на окаменевшие остатки еды и засаленные до полной непрозрачности стаканы, сказала мужикам сволочным голосом:

— Вы куда меня привели? Здесь неделю надо скоблить грязь! А ну-ка, давайте помогать! У него, небось, и мыла нет. А кастрюля, боже мой! Что он в ней варил? Кошмар, кошмар! Акулов, вот тебе рублик, сходи-ка в хозмаг. Где? На углу, он еще открыт. Возьми пачку стирального порошка подешевле и главное — жесткую щетку, хоть проволочную. Картошку варить не в чем.

Алексей пришел со двора, протер тряпкой лапы собаке, взял с полки книгу афоризмов и пока мужики томились в ожидании выпивки, прочел им:

— Первый стакан — за себя, второй — за друзей, третий — за хорошее настроение, а четвертый — за врагов.

— Кто это написал? — спросил Зеночкин. Остальные курили и вполголоса обсуждали последний хоккейный матч.

— Джозеф Аддисон, родившийся в 1672 году. И тогда умные люди были.

— А что тут умного?

— Ну, послушай еще один: «По кладбищам, могильным плитам и эпитафиям можно судить о нации, её невежестве или благородстве».

— Скучно! — Зеночкин зевнул.

Наконец появился Акулов. Тамарка быстро надраила кастрюлю проволочной мочалкой с порошком и забросила в неё почищенную картошку. Потом принялась за вилки, ложки и ножи, потом отмыла всё, из чего можно пить водку. Тут выяснилось, что на всех стопок не хватит.

— А мы сейчас сделаем стаканы. Есть пустые бутылки? Изпод минералки? Отлично, давай их сюда! — Акулов подошел к Алексею.

— У тебя есть шпагат?

— Где-то был.

— Давай сюда. И еще — найди-ка кусок наждачной бумаги. Будем делать стаканы.

Мужики заинтересовались и подошли. Акулов обернул вокруг бутылки свой брючный ремень, потом рядом намотал кусок шпагата, взял один конец в руку и заставил Алексея взяться за второй.

— Теперь начали пилить, как пилой. Быстро! Быстрее! Тамара, открой кран холодной воды посильней.

После минуты интенсивной пилёжки Алексей сбросил шпагат и сунул бутылку под воду. Через секунду бутылка раскололась на две части, одна из которых представляла собой красивый тёмно-зелёный стакан. Зрители ахнули. Акулов взял кусок наждачной бумаги и обработал острые края стакана.

— Фирма веников не вяжет! — сказал он с торжеством

Тут же все решили повторить подвиг Акулова, который стоял гордый рядом и давал наставления. Рукотворных стаканов наделали кучу и они украсили стол.

Пока кипела картошка, Тамара разделала пару селедок. Хотела было украсить их лучком, но в хозяйстве Алексея было буквально шаром покати.

— Как же он живет, бедный, — изумилась Тамара. — Вот что значит у мужика нету бабы! Ни капли масла, ни уксуса, ни молока, — ничего! Эй, придет кто-нибудь колбасу-хлеб нарезать, корейку купили — одно сало. Ничего вы, мужчины делать по хозяйству не умеете. Как вас только жены терпят!

Наконец, из разномастных тарелок и вилок соорудили праздничный стол, разлили водочку, которую кто-то удачно назвал Минковской в честь Минкина, хлопнули грамм по 50 и жадно закусили хлебом с селедкой. Алексей от водки отказался:

— Не, я предпочитаю из всех крепких напитков крепкий кофе или, по крайней мере, очень крепкий чай.

После четвертого захода все, кроме Зеночкина, дружно закурили, голоса стали громче, слова отчетливее, но смысла в них убавилось. Акулов даже попытался ухаживать за Тамарой, но та высокомерно сказала:

— О! Еще один кавалер объявился! А ну отстань! Не для тебя предназначена! Вон, на столе твоя радость!

После шестого захода захотелось петь. Высоцкого не пели из уважения. Зачем пакостить песню? Зато старья накопилось за семьдесят лет немало. Кто-то вспомнил:

— На радость нам живет товарищ Сталин, Наш мудрый вождь, учитель дорогой...

На этом месте Алексей вскочил и заорал:

— Не смейте в моем доме петь про этого мерзавца и убийцу. Он моего отца инвалидом сделал.

Певший хотел смертельно обидеться и начал возникать, но собака, почуявшая смену тональности, спрыгнула с кушетки и стала оглушительно лаять. Все пьющие покатались со смеху. Между тем, сидевшие рядом с Алексеем всё продолжали его уговаривать выпить Минковской.

— Ты, Алексей, не понимаешь! Минкин — это человек! С большой буквы. Ты никогда такой вкуснятины не пробовал! Выпей! Потом скажешь. И компанию не обижай. Мы к тебе всей душой, потому что ты наш.

В конце концов, они уломали Алексея, и он махнул сразу сто грамм.

То, что произошло дальше, никто не мог предвидеть. Алексей встал на табурет и стал проповедовать пьющим на совершенно непонятном русском языке подобно святому Михаэлю на острове Пингвинов.

— *Натура Эним Нон Патитур Вакуум!* Слушайте меня! Природа поистине не терпит пустоты! — начал он.

— Эй, дайте ему еще стопарик! — крикнул Акулов. — Давай, Алексей, кати речугу!

— У каждого человека голова — это емкость, которая может быть заполнена знанием, любовью ко всему живому, а может стать хранилищем всякой гадости, враждебности и глупости.

Тут Алексей заметил стопку у себя в руке, опрокинул её и не закусил.

— Некоторые стараются забыть грустные мысли о своей жизни постоянным пьянством, а оно действует разрушительно не только на печень, но и на мозг. Люди деградируют

и превращаются в озлобленных неандертальцев, которые жили 50 тысяч лет назад.

— Во, придумал! — закричал Зеночкин. — Посмотри, какие мы все веселые. У нас праздник. А если бы мы не выпили, то с какими бы рожами сидели сейчас?

— С чего бы вам веселиться? Хмель пройдет через пару часов, а вы после праздников опять потащитесь за рабочие столы и будете делать никому не нужную работу с комплектующими, которые уже тридцать лет, как устарели. А новых разработок не ждите. Их вообще нет в стране. Вот, начальство заказало на стороне стойку «Черешня», а что в ней нового? Обыкновенная этажерка на колесах с разводкой проводов. А что вы в неё вставите? Какие измерительные приборы? Мне Минкин рассказывал, как ездил во второй Мединститут смотреть на американскую машину, которая обслуживает триста тысяч населения одна. Делает анализ крови на двадцать или тридцать компонентов, распечатывает результаты на специальной бумаге, где уже внесены данные по нормальному содержанию, так что врач сразу видит, что у больного не так.

А вы веселитесь, как дети, и не понимаете, в каком дерьме мы сидим. И будет только хуже. Скоро наш великий Союз развалится, потому что сгнил экономически. И пойдем мы из нашего Ящика на все четыре стороны..,

— Господи, какой умный мужик! — восхитилась Тамарка — только вид у него больно неухоженный. Пропадает он без бабы совсем.

Тут Алексей взмахнул рукой и чуть не упал с табуретки. Хорошо, что сидящие рядом подхватили. Неожиданно оратор начал плакать в голос. Пытались в него влить еще порцию водки, но он только тряс головой. Тамарка подбежала к нему, приобняла и довела до лежанки.

— Отцепитесь вы от него, окаянные! Не видите что ли, что человеку плохо!

— Испор-рр-тил праздник, дурак, — пробормотал сквозь зубы Акулов. — Так хорошо сидели. Ладно, мужики, п-шш-ли по домам. Нечего тут делать. Тамм-арка, сс-обирайся!

— Идите с богом. Я его в таком состоянии не брошу. Может, надо будет неотложку вызвать.

— Блин, там еще полбутылки осталось, — вспомнил Зеночкин на лестнице. — Пойдем на посошок примем.

Все развернулись, позвонили. Тамарка открыла:

— Ну, что еще забыли?

— Надо при-нять на посошок.

— Допивайте уж и идите с богом.

Алексей лежал, смотря полными слез глазами в потолок, и время от времени глубоко вздыхал.

— Алеша, может вызвать скорую? Скажи, что с тобой?

— Не надо ничего, — хрипло прошептал он. Мне просто нельзя пить. Сразу с головой что-то делается, ничего не соображаю.

— Ну и не пей. Какая радость от этой ханки! Что вы в ней мужики находите?

Пока Тамарка ухаживала за Алексеем, в голове у неё мелькнула мысль, а не стоит ли связать свою разведенную судьбу с умным человеком. Чем дольше она размышляла, тем более утверждалась во мнении, что это хороший вариант на будущее. То, что он выглядит диковатым образом, это легко поправить, но главное — впереди маячило существенное улучшение жилищных условий.

«Обменяем его однокомнатную и мою комнату на двухкомнатную и заживу я, наконец-то, по-человечески. Надо постепенно приручить его, а для начала надо прибраться в квартире, отмыть туалет, ванну, завести порядок на кухне, а потом привести его самого в божеский вид...»

— Лёша, ты не против, что я рядом прилягу? — спросила она, закончив уборку после гостей. — Мне уже поздно домой ехать, метро закрыто, а на улице холод.

Поскольку Алексей молчал, она просто сдвинула его к стене и, сняв верхнюю одежду, положила её под голову и быстро

уснула. В шесть утра Алексей пробудился и был удивлен присутствием Тamarки на своей лежанке, но ничего не сказал, надел ремешок на собаку и пошел её прогулять. К его возвращению она вскипятила воду в кофейнике и сделала бутерброды из остатков вечернего пиршества. Алексей так же молча вылил овсянку с косточками для своей любимицы в миску и только потом сел за стол.

Всё-таки мысль о странном поведении Алексея мучила Тamarку, и она решила осторожно расспросить его, что у него не в порядке. Оно и понятно. Ведь она уже выстроила план, как будет с ним съезжаться в двухкомнатную квартиру. Пока она вымучивала тонкие вопросы, Алексей пошел ей навстречу и сказал, что десять лет назад он шабашил на золотодобыче и отравился парами ртути, когда обрабатывали шихту.

— При чем тут ртуть? — тупо спросила Тamarкаю

— При том, что очистка золота производится путем амальгамирования, — назидательно ответил Алексей. Вот и остался на всю жизнь такой порок. Временами дает о себе знать.

Тamarка кивнула и подумала, что такой порок еще не страшен, а то, что он не пьет, так это даже на пользу семье.

— И сколько же ты заработал на золоте?

— Много.

— Ну, примерно?

— Купил кооперативную квартиру.

— И отдал жене? — ужаснулась Тamarка.

— У нас тогда уже парень рос, а потом мы поругались и разменяли квартиру на две... Что-то ты много спрашиваешь. Не делай этого больше.

Тamarка помолчала. Однако женская природа не позволяет милым дамам долго оставаться без устной речи. Да и планы на жизнь требовали возобновления контактов.

— Ты позволишь, я вычищу ванну и кухню, только мне надо будет кое-что купить в хозмаге?..

— Сколько это будет стоить?

— Думаю, что два рубля хватит.

— Тогда вот тебе пятерка, купи в мясном косточек для Ники, а в овощном купи пару морковок покрупнее и еще купи пачку «Геркулеса».

— Будет сделано, капитан! — Тамарка одной рукой накинула куртку, а другой отдала честь по-военному.

— Какой же ты счастливый человек! — говорила Тамарка, надраивая ванну. — Вот я — тридцать два года прожила и всё в коммуналках. Всю жизнь в коммуналках, сперва в бараке, потом в своей тесной комнате и соседей четверо. И, кажется, всю мою жизнь мечтала иметь свою ванную комнату, чтобы каждое утро принимать горячий душ. Я купила бы себе душистого мыла и приходила бы на работу в отличном настроении. А ты этого не ценишь, потому что не понимаешь. Да и все вы мужики — неряхи. Мыться не любите.

— Я под душем бываю редко, а мыться хожу в Сандуновские или Центральные бани, чтобы париться. Без парилки какое мытьё? Надо поры тела вычищать, а так брызгаться под душем — пустая трата времени.

— Ладно, — прервала Тамарка, — у тебя чистое полотенце есть? Взмокла я на твоей уборке. Разрешешь помыться?

— Давай, — ответил Алексей без особого энтузиазма.

Тамарка вышла из ванной раздумывая и помолодевшая. С удовольствием взглянула на себя в зеркальце.

— Ну как? Нравлюсь? — спросила с вызовом.

— Нормально выглядишь. Лучше, чем на работе.

— Что же это такое, прямо слова из тебя не вытянешь. Поухаживал бы...

— Не. Мне это неинтересно. Да и не умею я...

— Алексей! Послушаешь тебя — совсем глубокий старик. Сколько тебе годков?

— Сорок стукнуло.

— Так еще вся жизнь впереди! Столько еще может быть радостей! Иди в душ, прогрейся, а потом повалеемся. Ведь выходные, праздник! Что же молодая, красивая женщина тебя уговаривает? Не стыдно?

— Ладно. Пока я буду мыться, приготовь собаке овсянку. И поставь остудить. Обязательно.

— Все-таки я не понимаю, как ты жил до меня, — сказала Тамарка через пару недель. — Я уже не говорю про отсутствие самых необходимых вещей. Мне совсем не жалко, но пришлось из дома приносить тебе половник, вилки, глубокие тарелки. Ты что же — ел прямо из кастрюли? Почему бы тебе не прикупить нормальную одежду и обувь? Разве можно сидеть весь рабочий день в резиновых сапогах?

— Люди существуют в двух категориях, — отвечал Алексей. — Для одних главный вопрос — это **кем быть?** Для них самое важное в жизни стать начальником, носить костюм, хамить подчиненным, портить баб, обжираться и безнаказанно воровать. Для других главный вопрос — **где быть?** Для них самое важное — это дышать свежим воздухом, читать умные книги, бродить по лесам и видеть красоту Земли.

— А тебе не кажется, что для человека самое важное — это **с кем быть?** — с вызовом спросила Тамарка.

— Я привык жить один и ни от кого не зависеть. Я никогда не читаю газет и не смотрю телик. Видишь, у меня его и нет. Радио держу на всякий случай — вдруг начнется война. Хотя, с другой стороны, если она начнется, мы не успеем об этом узнать...

Тамарка чувствовала, что несмотря на все усилия сблизиться, она каждый раз оказывается перед стеной равнодушия. В мечтах она растапливала этот холод, добивалась, чтобы он сбрил эту ужасную бесформенную бороду, сделал прическу из остатков волос, занялся зубами. Он сразу бы превратился из деревенского деда в нормального мужика *интеллигентной* наружности. Единственное, чего она добилась, — он поменял резиновые сапоги на альпийские ботинки.

Еще её заботило, что он никогда не обращался к ней по имени. Это было ей крайне важно, но она не могла бы объяснить, почему.

А месяцы шли. Началось лето. Она нередко оставалась у него ночевать, просто чтобы смыть усталость и переодеться в махровый уютный халат, который специально для этого купила. Он не возражал, но никогда не приглашал её сам. Она чувствовала, что ей ни в коем случае нельзя начинать игру со словами «я тебе нравлюсь?» или «как ты ко мне относишься?», потому что боялась его отпугнуть и разрушить тем самым свои планы.

Между тем Алексей чувствовал, что дальнейшее пребывание в п/я ему тягостно. Он думал о себе: «Не знаю, сколько мне осталось, но явно жизнь давно перевалила за половину. Надо напоследок доставить себе удовольствие и поехать в Смоленскую область. Какие там озера! Какие там сосняки! Устроюсь кем угодно, хоть в лесохозяйство, хоть учителем математики. Куплю избушку, посажу картошку и морковь, буду варить варенье из рябины или брусники, грибы солить стану и сушить белые в печи. Не пропаду. И моей Нике подарок сделаю. Куда это годится — охотничью собаку безвылазно дома держать, мучить живое существо».

Тамарка чувствовала, что надвигаются перемены, и что Алексей стал отчужденнее, но не решалась вызвать его на разговор. Однажды увидев его новый спальный мешок и коробки с патронами, она спросила его:

— Далеко собрался? Надолго?

— Далеко и надолго.

— В отпуск?

— Нет.

— Чего темнишь? Я ведь тебе не чужая.

— Собираюсь увольняться и уезжаю.

— Значит, мне собирать свои шмотки и выкатываться?

— Нет. Ты живи, сколько хочешь, только квартирные расходы оплачивай.

— Ну, ты хоть адрес свой пришлешь? Мало ли что...

Спустя три месяца Тамарка получила короткое письмо, что он устроился инженером в леспромхозе и уже

подыскал избушку. Собирается в ней перезимовать. Если всё пойдет, как он мечтает, то останется надолго. Тамарка отвечала, что за квартирой она следит, мужиков не водит, пусть не беспокоится.

Наступило лето следующего года. Тамарка от жизни в отдельной ухоженной квартире похорошела и расцвела. Кончилось дело тем, что закоренелый холостяк Генка Дуров положил на неё глаз. Когда есть отдельная квартира, устроить свою судьбу куда легче. Однако Тамарка была совестливой бабой и решительно сказала Геннадию Васильевичу, что хоть он ей и нравится, но жить с ним в квартире Алексея не станет. Они должны расписаться и обменять две свои комнаты на однокомнатную или, если очень повезет, на двухкомнатную отдельную. Судьба была благосклонна к молодоженам. Уже через год они въехали в свою квартиру. Тамарка собралась с духом и написала хорошее письмо Алексею. Пусть читатель прочтет его без редакторских поправок.

— Дорогой Лёша, — начала она. — Хочу сперва признаться тебе в моей полной благодарности. Ты человек редкой доброты. Таких я в своей жизни не встречала. Подумать только, если бы я не пошла тогда с нашими мужиками к тебе праздновать ноябрьские праздники, ничего бы не случилось. И вот, прошло всего три года с небольшим, а у меня всё есть. Я замужем, живем в своей отдельной квартире, двухкомнатной 24 метра, а комнаты проходные. У Гены умелые руки. Не зря он заканчивал инженерно-физический институт.

А Ящик наш разваливается. Народ разбегается, потому что на деньги ничего не купишь, а в магазинах пусто. Как им не стыдно спустя 73 года Советской власти морить людей. Начальство наше не пропадет, а вот нам придется с Геной бороться за жизнь. И я решила, что буду возить вещи и продавать на рынке, а Гена всегда найдет себе работу в каком-нибудь кооперативе. Вот я и тревожусь, потому что у вас там в области вообще наверное есть нечего. Ты мне напиши, а я тебе привезу. Ты не стесняйся.

Я решила поставить у тебя на окнах горшки с растениями, чтобы люди не думали, что квартира пустая. Буду приезжать раз в три дня и поливать. Если какое-нибудь письмо придет, я тебе его вышлю. Ну всё. Напиши мне.

Еще хочу сказать, что Мариничев умер от инфаркта. Поехал в Ашхабад в командировку с Зеночкиным, там они каждый день пили, потом ехали поездом в Москву, потому что билетов на самолет не достали, и там тоже пили. А потом он вышел из поезда, задохнулся и упал. Вот так.

Твой друг Тамара

Да еще забыла добавить, что Акулов 3 месяца назад напился и затеял драку на улице, и его страшно избили. Он долго лежал в больнице и сейчас у него нарушения в работе головного мозга, ходит и все время смеется, как полный идиот. Может быть, и не надо было тебе об этом писать, так что извини.

Тамара.

А. Толчинский. «Ненависть»

БЕЗЗАБОТНАЯ ВАЛЯ

Без сомнения, она была гением общения. Минкин после аспирантуры пригнулся на кафедре физики у шефа, где делал всё ту же работу и ждал письма из ВАКа, чтобы, наконец, получить вожделенные сто семьдесят пять рубликов в месяц. Часть времени он проводил на кафедре, а другую часть в лаборатории института, где проучился три года. Придя однажды в институт, он обнаружил за своим столом странное существо с огромными, как у лемура, глазами, большим, немного проваленным ртом, в коротеньком в обlipку полосатом платье, открывающем великолепные ноги. Существо молчало, оно ждало шефа. Очень недовольный вторжением, Минкин нашел себе местечко в забитой приборами комнате и попытался заняться делом. Примерно через час появился шеф и представил всем глазастое существо, сказав:

— Это Валя Полищук, шефство над которой я поручаю Олегу.

Остальные обитатели комнаты молча кивнули головами и изобразили кипучую деятельность. Если бы не Валя, они встретили бы шефа шутками, потом обменялись бы свежими новостями и только потом ответили на его вопросы, как продвигаются дела.

Минкин был, разумеется, недоволен поручением шефа, но субординацию никто не отменял. Мало-помалу, Олег начал объяснять сущность процедуры расчета инфракрасных спектров, потом увлекся, полез в стол, достал матрицы потенциальной энергии, показал, как их заносить в компьютер. Валя послушно кивала и даже задала пару не совсем идиотских вопросов.

Незаметно подошло время обеда. Минкин до того разнежился, что пригласил Валью в столовую.

— Как вы разузнали про нашу лабораторию? — спросил он, когда они заняли место в очереди.

— Моя начальница отдела Татьяна Ивановна — очень передовая женщина, и потому посещает некоторые конференции. А отдел наш отвечает за разработку полимерных материалов для новейших источников тока. Вот, она слушала доклад Льва Александровича, вашего шефа, об анализе спектров полимеров и решила завязать с ним знакомство. А у нас есть целая спектральная лаборатория, которой заведует Нехлюдова, потрясающая интеллигентная женщина, жена нашего ведущего специалиста по солнечным батареям. Но он год назад умер от третьего инфаркта.

— Да, шеф недавно придумал методы расчета спектров полимеров, докладывал в Минске на конференции у академика Ельяшевича. Я там тоже был. И когда Лев показал на слайде экспериментальные и расчетные спектральные кривые, по залу прошел вздох одобрения.

— А меня, как самую молодую и перспективную, направили к вашему шефу, хотя я ничего о вашей специальности не знаю.

— Если захотите мне помочь, выясните — есть ли у вас в институте мощный лазер на кристалле иттриевого граната или рубина?

— Хорошо.

— Я облучил бы тонкие пленки полимеров импульсами лазеров и посмотрел бы, как полимерные цепи меняют свою конфигурацию.

— Какой вы умный! — протянула Валя с восхищением.

— У нас в лаборатории все такие, — ответил Минкин. — Я по заказу шефа рассчитывал спектр колебаний полипропилена и понял, что область от десяти до одиннадцати микрон можно использовать для анализа конфигураций углеродных цепочек.

— Ну, всё. Я поплыла. Ничего не понимаю.

— Да дело не в этом. Я мечтаю потом повторить опыты с облучением белковых пленок. Импульс лазера длится ты-

сячную долю секунды или даже меньше. Цепочка белка примет импульс, повернется и застынет, потому что температура мгновенно упадет. А от формы цепочки белка зависит её упаковка и, соответственно — свойства. Теперь понятно?

— Нет, не понятно! — весело ответила Валя. — Но очень интересно. А можем мы вместе поехать с работы? Вас никто не сопровождает?

— Но я могу задержаться...

— Ничего, я вас подожду. Вы меня очень заинтересовали.

Как ни был осторожен и проникателен Минкин, он быстро попал на крючок женского обаяния. Валька стала регулярно появляться на кафедре. В лаборатории ей было неуютно, потому что она все время попадала в поле зрения присутствующих. На кафедре была масса свободных от занятий помещений, а вокруг здания расстился огромный лесопарк, где в обеденное время можно было прогуляться и поболтать. Валя очень быстро освоилась в незнакомом коллективе, стала приносить к чаю домашнюю выпечку, но совсем не спешила освоить азы науки.

В это время партийные бабы, которых было всего две на кафедре, развили бешеную деятельность в связи с намечающимися очередными выборами. Всем, за исключением шефа, предписывалось после работы ходить по квартирам и сверять списки голосующих за горячо любимую власть. Тех, кто спешил домой к семье, обязывали проводить агитационную компанию в рабочее время. Минкин просто трясся от злости и не желал скрывать своего презрительного отношения к партийным бездельницам. В конце концов, его конфронтация кончилась плачевно. Бабы надавили на шефа, и тот решил не связываться с парткомом института, и объявил внеочередное заседание кафедры. Темой заседания было объявлено антиобщественное поведение старшего научного сотрудника Минкина О. М.

В те годы — годы застоя — люди еще не отваживались выступать против идеологического насилия. Власть непрерывно

долдонила о воспитании трудящихся в духе коллективизма и веры в светлое коммунистическое завтра, а население предпочитало не связываться с демагогами и молча зарабатывать на хлеб насущный. Если же требовали кого-то коллективно осудить, то выступали и осуждали, оправдывая себя тем, что на дворе все-таки не тридцать седьмой и осуждаемого не расстреляют, ну влепят выговор, ну лишат премии...

Валька случайно оказалась на кафедре, когда песочили Минкина, и очень ему сочувствовала. Особенно когда взяла слово главная партийная дама и тоном Вышинского стала обвинять Минкина:

— Вся страна покупает билеты лотереи ДОСААФ, а сотрудник Минкин принципиально не купил ни одного билета! Вся кафедра участвует в избирательной кампании, а Минкин заявляет, что если ему будут надоедать с выборами, он подаст заявление об уходе! И главное — когда было столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, Минкин рассказал про него неприличный политический анекдот! Я считаю, что можно поставить вопрос о соответствии Минкина занимаемой должности в связи с антиобщественным поведением!

Шеф полагал, что Минкин сваял дурака и подставил кафедру, потому что искренне считал, что нужно соблюдать правила игры, то есть ради возможности заниматься наукой можно пренебречь амбициями и выполнить несложные, хотя и нудные поручения парткома. В результате, все, кто хотел, вытерли ноги о Минкина, он схлопотал выговор и в полном расстройстве чувств поехал домой, сопровождаемый Валькой.

— У нас на фирме работает один очень умный мужик, начальник отделения, Рубашов его фамилия, директор его ценит. Я могу поговорить с ним. Ему нужны крепкие специалисты, как вы, — предложила Валька. — Он ко мне хорошо относится.

— Знаете, Валя, я могу уйти в академический институт ИОНХ, туда меня сманивал мой знакомый, но мне нужны

деньги, так как я купил кооператив для родителей жены. Поэтому я могу перейти от шефа только с повышением.

— Я попробую переговорить с Рубашовым.

Она проводила его почти до дверей и упорхнула. Он даже не успел пригласить её на чашку кофе. Жена, увидев его расстроенное лицо, начала допрос, но он отмахнулся, сказал, что разболелась голова, переоделся и лег, закрыв лицо подушкой. В этом подавленном состоянии он прожил с неделю, не имея ни малейшего представления, что делать дальше. Многие сотрудники кафедры смотрели на него сочувственно, наверное, ощущали вину за участие в гражданской казни, разыгранной партийными суками. Потом работа отвлекла его, и он постепенно вошел в привычный ритм: уходил из дома в семь утра, ехал в полупустом метро и читал английскую книжицу, потом заходил в еще пустой зал научного сектора, включал чайник, брился электробритвой и слушал Московское радио. Через полчаса зал наполнялся сотрудниками и начинался очередной рабочий день.

Часто к обеду приезжала Валька. Делать она ничего не умела и не хотела. Ходила с желающими покурить на лестнице, болтала о всяких пустяках и обязательно сопровождала Минкина в столовую. Там всегда была длиннющая очередь, так что она успевала рассказать ему сотню историй, часто совершенно фантастических. Минкин слушал её в пол-уха, иногда, словно просыпаясь, когда её рассказы выходили за край обычно допустимого. Так, однажды она вспомнила о том, как один художник Алексей Кокорекин вернулся из Индии, где заразился черной оспой и вскоре умер, так вот, это был её муж... Тут Минкин вспомнил, что про этот случай писали в газетах зимой 1959 года, а он был в это время на третьем курсе, то есть ему было двадцать лет. Вальке тогда было никак не больше пятнадцати... Врушка. Еще он вспомнил, как с каким-то сокурсником пришел в кабинет врача, где им сделали прививку от оспы. Странная вещь память. Он помнил, словно это было вчера, тонкие женственные руки студента. Сам-то он в ту пору усиленно занимался гантелями и мышцы у него были о-го-го!

В один из дней Валька приехала на кафедру с таинственным видом, помогла кому-то сверить перфорированную ленту для ввода информации в компьютер, потом пошла с Минкиным в столовую и по дороге объявила, что Рубашов хочет с ним встретиться в среду на следующей неделе.

Июньский день выдался на славу. Минкин оделся во всё лучшее, Валька приехала к нему домой, благо жена была в экспедиции, а сын в пионерском лагере, и они отправились на фирму. Там она набрала Рубашова по внутреннему телефону и велела Минкину ждать, а сама ушла в свою лабораторию.

Минут через десять к Минкину вышел худощавый и элегантный господин в очках в золотой оправе.

— Расскажите, что вы умеете делать, — предложил Рубашов после обмена приветствиями.

— Я много чего умею делать, — ответил Минкин, — поскольку по образованию я технолог по резине, и кроме того, прошел трехгодичную школу в лаборатории молекулярной спектроскопии, а после этого очную аспирантуру у своего шефа.

Потом Минкин стал перечислять свои достижения, а Рубашов молча слушал, не задавая вопросов.

— Я могу предложить вам должность старшего научного сотрудника, — сказал он наконец.

— Видите ли, — возразил Минкин, — мне предлагают эту должность в ИОНХе, академическом институте, в лаборатории академика Д. Так что я скорее приму их предложение.

Рубашов подумал еще с минуту и сказал:

— Хорошо. Я пробью для вас должность начальника сектора. Какой у вас научный стаж? Пять лет?.. Значит, вы будете получать триста пятьдесят рублей в месяц. Кроме того, у нас выдают квартальные премии и еще по итогам года. Согласны? Тогда идите со мной в отдел кадров и заполните анкету. Лучше это сделать дома, потому что ошибки не допускаются. На руки дают один единственный экземпляр. У нас режимное предприятие.

На следующее утро у Минкина была запланирована поездка в ИОНХ, где он вел совместную работу по изучению структуры соединений платины. Собственно, ему передавали вещество, а он измерял и рассчитывал его инфракрасный спектр. Валя напросилась ехать с ним. Рано утром, едва он успел позавтракать, она появилась в черном приталенном платье, которое очень шло к её светло-русые волосы. Она мельком взглянула на себя в зеркало и, кажется, осталась довольна, а он вдруг почувствовал жаркое влечение к ней, такой близкой — на расстоянии протянутой руки. Его даже пот прошиб. Чтобы прошло наваждение, он спросил нарочито бесстрастным голосом:

— Интересно, а вашему мужу не кажется подозрительным ваше раннее исчезновение из дома?

— Не кажется! — ответила она с вызовом, — потому что я сейчас незамужняя женщина.

— Простите, я не знал, — растерянно ответил он, когда они шли к метро. — Мне вы нравитесь и, кажется, я вам нравлюсь, но у меня семья и долги за кооператив...

— Олег, не будьте таким расчетливым и хитрожопым. Женщины трусливых не любят!

Всю долгую дорогу до ИОНХа они молчали. Олег никак не мог понять причину её вспышки. Он ведь не давал ей ни малейшего знака о своих чувствах, а она то и дело рассказывала ему всякие истории из жизни: то о своих рано умерших от рака родителях, то о своих планах родить ребенка. Сетовала, что пыталась, но все время получались выкидыши. Он постепенно понял, что ей очень одиноко среди сослуживцев, среди соседей по квартире, а подруги после работы заняты семейными проблемами. Но чем он мог ей помочь? Бросить семью и жениться на ней в благодарность за то, что она его устраивает на работу в свою фирму? — Бред!

На обратном пути она решила проверить на нем какой-то психологический тест.

— Скажите, Олег, вот если вы пошли в густой незнакомый лес и вдруг поняли, что заблудились. Что вы будете делать в первую очередь?

— Начну психовать. Я уже это проверял на себе неоднократно и без компаса в лес не хожу.

— Вот вы идете и вдруг перед вами открывается ручей.

— Пойду вдоль ручья, потому что он где-нибудь впадает в речушку, а она в большую реку и так далее.

— А если он уходит под землю?

— Плюну в него или помочусь.

— Вот, вы идете, идете по лесу и вдруг слышите голос с неба, что вы никогда не выйдете из этого леса...

— Постараюсь поджечь его, а если не получится, повешусь.

— Олег, вы просто чудовище! — воскликнула Валька.

— Я в эти тесты ни капли не верю. Я тут пришел к важному философскому выводу, что более сложно устроенная система всегда подчиняет себе более простую, и это только вопрос времени. Этот принцип распространяется на всё во Вселенной и означает, что со временем человек научится использовать энергию солнца не только с помощью солнечных батарей и ископаемого топлива, а также и сил тяготения, радиации и прочего. Из этого принципа также вытекает, что более сложно устроенное общество, например, демократия, обязательно одержит верх над более примитивно устроенным, как например, деспотия или автократия, потому что у первого больше степеней свободы.

Проверка его анкеты заняла у Первого отдела два месяца. Валька со смехом рассказывала потом, как Рубашов просматривал при ней анкету Минкина и был расстроен большим числом еврейской родни, да еще с допотопными именами типа Рахиль, Исаак, Иуда.

— На кой черт он их всех приписал? — спросил он недовольно у Вальки, пока она еще не ушла к себе в отдел.

— А что мне оставалось делать? — спросил Минкин у той же Вальки, когда они встретились. — Если бы я оставил пустую

графу в анкете, меня все равно заставили бы её заполнить, и я просто потерял бы время на разъезды туда-сюда.

Наконец, все дела по оформлению были закончены. Минкина посадили в комнату завлаба, который в то время был в отпуске, и он без своего места, без инструментов и справочников, без сотрудников приступил к обязанностям начальника сектора № 386. Задача, которую он должен был срочно решать, заключалась в контроле содержания воды в трансформаторном масле. Тема висела на соседнем секторе, с которым он познакомился через пару дней. Нестеров и Дуров были инженерами-электронщиками. Еще двое, по-видимому, вообще ничего из себя не представляли, причем один из них, красавец Лёня, был сыном Сочинского секретаря горкома партии, открыто бездельничал и редко появлялся в рабочем помещении, а другой, совсем молодой, из обычной семьи, бегал с бумажками на подпись, а всё остальное время, полуприкрыв глаза, рисовал крошечных чертиков на клочке бумаги. Приписанный к сектору Григорий Иванович, пожилой мужик, занимался хозяйственным обеспечением всего отделения и главное: ведал распределением спирта по лабораториям и секторам.

Через две недели Минкина усадили в отрезанный кусок коридора, о чем вы уже знаете, и он начал кипучую деятельность на благо страны и гостеприимного отделения. Валька приходила к нему почти каждый день и спрашивала, что нужно. А нужно было всё. Она свела его с начальником аналитической лаборатории Манукяном, и тот подарил ему кое-что из мерной посуды, без которой было совершенно невозможно провести калибровку. Он же разрешил отмывать кюветы у него в лаборатории. Нестеров связался с ИОНХом, чтобы те анализировали трансформаторное масло на микросодержание воды по Фишеру, очень трудоемкий и долгий анализ. Минкин чудом раздобыл несколько кювет у знакомого из института фармации и благодарил бога, что надо было определять только воду, потому что вода обладала очень силь-

ным поглощением в инфракрасном спектре. Был шанс, что её удастся уловить на микроуровне.

— Почему такое внимание к примеси воды в масле? — спросила Валька.

— Потому что, если воды будет много, то при высоких напряжениях произойдет электрический пробой, и огромный трансформатор взорвется, — ответил Минкин.

Все-таки, что ни говорите, а проводить анализы в закутке, не имея даже элементарной раковины, чрезвычайно трудно. Минкин начинал рабочий день с того, что в халате приносил в свой закуток пару четвертьлитровых мерных колб с дистиллированной водой. Валька так энергично помогала ему в исследованиях, что он подошел к Нестерову и попросил поставить её соисполителем в тему. Тот давно был знаком с Валькой и охотно согласился.

Рубашов тем временем формировал новый сектор. Минкин, конечно, мог работать и за четверых, но начальник должен иметь подчиненных, иначе какой он начальник! Так у Минкина появились две дурехи, дочки каких-то влиятельных дам. Они, вроде бы, где-то учились, потом вышли замуж и благополучно всё забыли. Делать они ничего не умели и не собирались. Минкин иногда велел им пойти и напечатать деловое письмо или план работ. Машинки у него не было, а до персональных компьютеров еще было почти двадцать лет. Дурехи неохотно подымались и исчезали на полдня. В принесенных письмах пестрели ошибки, так что Минкин быстро редактировал их, и дуры снова исчезали уже до конца рабочего дня. Валька быстро с ними подружилась, и они часто удирали с ней на лестницу курить и сплетничать. Все были довольны. Потом в уголок Минкина вселили болтуна Федоровского, о котором вы уже знаете, и Минкин сказал Рубашову, что лимит пространства исчерпан. Осталось только место для ультрафиолетового спектрофотометра, который будет нужен для работы с кровью. Спектрофотометр был изготовлен когда-то на ЛОМО и представлял собой бессмыс-

ленную чугунную отливку весом две сотни килограммов с системой зеркал внутри и двумя сменными лампами.

— Если сделано в ЛОМО, значит — чистое дерьмо, — сочинил Минкин, когда эту копию древней камбалы рабочие втащили в закуток и водрузили на письменный стол.

Неожиданно Валька исчезла на целый месяц. Её подруга Инна сообщила Минкину, что у неё открылись новые семейные обстоятельства, и она так торопилась, что даже не взяла отпускные. Вернулась она загоревшая, с совершенно шальными глазами, все время утаскивала девчонок на лестницу курить, и все говорила, говорила, говорила. Минкину даже показалось, что она немного не в себе. Через неделю она, вроде бы, немного поостыла, пришла из своей лаборатории и попросила Минкина, чтобы взял её с собой на кафедру. Пока они ехали неспешным столичным трамваем от станции «Динамо», она рассказала, что встретила своего старого знакомого по спортивному лагерю, и они так обрадовались друг другу, что в тот же день поехали к ней, захватив немного еды и бутылку вина, и после этого неделю провалялись в постели, не слезая друг с друга. А потом они пошли и подали заявление, что хотят пожениться. Через две недели их зарегистрируют, и она опять будет замужем.

— Я вас искреннее поздравляю, — сказал Минкин, хотя почувствовал что-то вроде укола ревности, представив себе, как два молодых тела сливаются в страстных объятиях. — Моя жена вернулась из экспедиции, и я попрошу её приготовить плов по-узбекски, на который я вас обоих приглашу.

Валька появилась с мужем, которого тоже звали Олегом. Минкин, протянув руку, взглянул на него. Перед ним стоял рослый белобрысый парень с наглыми бесцветными глазами. Такими изображают в кино молодых ээсовцев.

— Наверное, таким был Александр Иванович Корейко, — подумалось ему.

Гостей усадили за стол с закусками, открыли принесенное ими вино и начали беспредметный разговор, который часто

случается между малознакомыми людьми. Валька играла роль первой скрипки. Олег все время на неё посматривал и помалкивал, а если что и спрашивал, то тихо перед этим говорил ей:

— А можно мне спросить?..

«Ну, прямо ручной, — думалось Минкину. — Явно придуривается, подыгрывает Вальке».

Выпили по бокалу дрянного вина за новобрачных. Потом хозяева демонстрировали коллекции минералов, которые собирали последние двадцать лет. Заодно постояли. Не всё же сидеть за столом! Потом Олег попросился домой, и Валька, прихватив горсть минералов для украшения книжных полок, умчалась с мужем, который успел допить бутылку до дна.

Между тем, кафедра переезжала из главного корпуса в новое современное здание, и Минкин считал своим долгом помогать по мере сил в переезде. Валька тоже суетилась вместе с женщинами, упаковывая приборы физического практикума. Совместная физическая работа сближает, тем более что её результаты всегда очевидны в отличие от умственных усилий.

В новом здании пахло сырым бетоном, горячую воду еще не подвели, в аудиториях было холодно и вместо парка из окон виднелся захламленный пустырь, а по другую сторону здания вдалеке еще кое-где зеленело опытное поле. Однако кафедра должна работать, тем более что уже шел ноябрь. Шеф сидел и обвыкал в новом кабинете с низким потолком. Там же проходили заседания кафедры.

Валька достаточно регулярно туда навещалась и без Минкина, который сейчас гнал с сектором Нестерова новую тему по определению нефтяных примесей в природных водах. Наконец-то, им дали помещение на восьмом этаже, куда они на руках тащили своё оборудование, потому что генеральный не позволил пользоваться лифтом, а грузового почему-то не предусмотрели в проекте. Зачем Валька ездит к шефу, он так и не мог доискаться. Что у них могло быть

общего? Что общего между заслуженным генералом, одержавшим ряд побед, и нескладным новобранцем?

Декабрь выдался снежный. Однажды Валька дозвонилась до шефа и попросила её принять.

— Приезжайте, — вяло пригласил шеф, — но я буду только до пяти вечера.

Валька отправилась в длительный трамвайный поход от метро «Динамо». Снег покрыл пустырь возле учебного корпуса толстым слоем. Для желающих войти в корпус вдоль здания были настелены доски. Валька ступила на настил и увидела идущего навстречу немолодого мужчину, наверное, доцента с кафедры механизации. Как человек вежливый и молодой, она сошла с узкого настила и тут же провалилась сквозь снег в глубочайшую яму, наполненную жидкой грязью.

— Ой! — сказал доцент и мелкими шажками засеменял прочь.

Завывая от холода и омерзения Валька выбралась из ямы и помчалась в женский туалет. К счастью, чья-то добрая рука оставила несколько кусочков черного хозяйственного мыла на раковинах. Стуча зубами, Валька стащила с себя всё, что было ниже пояса и стала отмывать ледяной водой с мылом. Труднее всего было с сапогами, в которые залилась грязь. Слава богу, она не надела брюки. Шеф не любил с ними возиться, и она приходила к нему всегда в платье и выходящих из моды капроновых чулках с красивым импортным поясом. На помывку ушло не менее часа. Часы показывали без четверти пять. Она спустилась на первый этаж и позвонила шефу из автомата.

— Извините, Лев Александрович, — начала она жалобным голосом. — Я тут в вашем дворе провалилась в яму с грязной водой, так что не смогу сегодня прийти.

— Валя, ну почему с вами всегда что-нибудь случается, — ответил шеф с досадой и положил трубку.

Валька после водной процедуры вдруг ощутила себя победившей и помолодевшей, и даже нашла в себе достаточно юмора, чтобы рассмеяться. Придя домой, она застала мужа

за чтением газеты «Советский спорт» в ожидании ужина и пока готовила, стала ему рассказывать со смехом о своих злоключениях. Муж молча слушал, но как оказалось, ничего не слышал, потому что когда она поднялась убрать тарелки, он спросил:

— А почему у тебя трусы мокрые?

Валька принялась было ему всё объяснять по новой, но он уже снова уткнулся в газету.

Недолго музыка играла... или, как в стихах: недолго счастье длилось... Не прошло и полугода, как Валькин муж сбежал, прихватив все денежки. Минкин узнал эту страшную новость от её подруги Инны. Валька появлялась на работе, почерневшая от горя, ни с кем не общалась, бродила, как тень, по коридорам, курила на лестничной площадке одна, причем сменила любимые болгарские сигареты «БТ» на дешевую «Приму». Олег настолько тщательно подмел всю наличность, что она вынуждена была одолжить у Инны до получки двадцать пять рублей.

— Знаете Инна, Олег мне как-то сразу не понравился. Какая-то смесь наглости и холуйства. Может оно и к лучшему, что он убежал, — сказал Минкин, когда они столкнулись в столовой.

— Валька моя любимая подруга, но я не представляю, зная её взбалмошность, как мужики могут с ней ужиться. Мужу нужно обязательно дать пару часов в день на личную жизнь и неважно, чем он при этом занят. Есть у Вальки острое желание родить ребенка и ради этого она готова переспать с кем угодно. Болтает она слишком о своих приключениях. Даже о вашем Грибове мне рассказывала. Конечно, если выбирать между известным профессором и Олегом, то выбор ясен. Но вот, не получается у неё ребенок. Не получается...

Тем временем работа над прибором для анализа нефти в природных водах шла к концу. Минкин с Нестеровым и Дуровым поехали в институт Океанологии, где Борис

Григорьевич, смуглый, пожилой еврей, не выпускающий сигареты изо рта, посулил разработчикам трехмесячный вояж на знаменитом океанском судне «Витязь». Договорились, что прибор привезут на следующей неделе, а всю лабораторную работу по приготовлению модельных смесей проведет Минкин. Потребуется не менее литра химически чистого четыреххлористого углерода. Пробы океанской воды представит заказчик. Ну, и лабораторное стекло разное — пипетки, мерные колбочки на 25 миллилитров с пробками на шлифах и прочее.

— Я вижу, что лаборантскую работу у вас делает начальник сектора, — улыбнулся Борис Григорьевич.

— Чтобы делать хорошо, надо делать самому, как говорят англичане, — откликнулся Минкин.

По дороге домой он решил пригласить в помощь Вальку. Пусть отвлечется. Ничего нет лучше хорошего умного дела. На следующей неделе они, уже вчетвером, два дня упорно тестировали прибор на разных смесях, потом Минкин с Валькой построили калибровочные графики, которые предъявили заказчику. Предстояло еще рассчитать погрешность измерений, но это дело могло и подождать. Борис Григорьевич передал три анкеты желающим прокатиться по Атлантическому океану, и разработчики в отличном настроении поехали с прекрасной дамой в пивной зал в парке Культуры, что стоит на Москве-реке.

Валька к пиву была равнодушна, но с удовольствием поела раков. Пиво было разбавлено, но мужики выпили по четыре кружки. У Минкина от этого пошла жутко разболелась голова, и он отклонялся, прихватив Вальку, авось от её трескотни станет легче. И действительно, она в деталях обрисовала, как она заболела, когда Олег её предательски бросил. У неё был такой спазм в горле, что она не могла проглотить даже кусочек хлеба. Ей казалось, что она скоро умрет. Так продолжалось несколько дней. Потом она записалась к врачу отоларингологу. Молодой парень осмотрел её носоглотку и сказал:

— Я думаю, что у вас разновидность ОРЗ.

Услышав диагноз, она с трудом повторила
— Значит, у меня О-Р-З?

И начала истерически рыдать, повторяя: О-Р-З! О-Р-З!
Бедный врачешка перепугался, стал совать ей мензурку с водой, потом разбавил немного медицинского спирта и настоял, чтобы она глотнула. Она выпила — и вдруг у неё прояснилось сознание. Она попросила приготовить ей еще порцию спирта, снова выпила и стремглав выскочила из кабинета. Её едва не стошнило в коридоре, но она добежала до дамской комнаты и её вырвало горечью. Она открыла кран холодной воды и жадно пила, пока не почувствовала, что сейчас лопнет. И с этой минуты началось её выздоровление.

И тут настала минута, когда Минкин сделал роковую ошибку — предложил Вальке перейти в его сектор. Наверное, так подействовала головная боль. Ведь у него уже сидели, как домашние кошки, две дуры, которых он с трудом заставил печатать тексты инструкций и разных методичек, сочиненных в конце рабочего дня, еще он поручал им перерисовывать графики для отчетов. Времена были такие. Дикие. Всё приходилось делать вручную.

Валька с радостью согласилась, а он и через неделю все никак не мог придумать, чем бы её занять. Он вспомнил, что на кафедре она проболталась, что муж называл её Джуди по имени обезьяны из знаменитого трофейного фильма «Тарзан». И действительно была в ней потешная неусидчивость и суетливость, свойственная шимпанзе. Так же, как и сынок секретаря генерального директора, Слава, она была готова вмиг собраться и полететь хоть на край Москвы, лишь бы не сидеть за письменным столом и считывать показания цифрового вольтметра. Согласитесь, что держать в маленьком секторе двух курьеров — это непозволительная роскошь.

Сначала Дуров, а потом и Нестеров прошли медкомиссию и получили справку, что по состоянию здоровья они могут три месяца плавать на корабле, а Минкин всё тянул и не шел

обследоваться. Очень не любил он раздеваться догола перед тетками. Однако поехать ему страшно хотелось. Нестеров даже спросил у него, чего он тянет, ведь так и экспедицию пропустить недолго. И вдруг Рубашов вызвал их всех троих и сказал, что замдиректора по режиму товарищ Бузов подпишет разрешение на заграникомандировку, если поедет только один из них и при условии, что вторым будет проверенный член партии, поскольку все они беспартийные. Минкин вздохнул с облегчением, так как всё решилось без него. По случаю этого скорбного события они собрались после работы в комнате Нестерова и распили пол-литра водочки, изготовленной Минкиным *по Менделееву* из хорошего спирта с добавлением смородинового листа.

Как говорится, слово не воробей. Воспользовавшись приглашением Минкина, Валька быстренько оформила перевод к нему. Возможно, её начальница вздохнула с облегчением — баба с воза, кобыле легче. Вначале Валька пыталась быть полезной, ездила по разным институтам и добывала то дефицитную посуду, то необходимые реактивы. Однажды решила на героический шаг. Рубашов раздобыл через медиков дефицитный немецкий краситель *Уеверидин*, который вводили в кровь пациента, а затем с помощью оптического датчика, который вешали на мочку уха, измеряли параметры кровообращения. Валька безбоязненно предложила себя в качестве подопытной собачки. Для проведения эксперимента была приглашена медицинская сестра из внутренней поликлиники. Да! Для тех, кто не знает — организация А-1318 располагала собственной поликлиникой и целым комплексом столовых, да еще отдельной *купеческой* столовой для начальства, где официантки разносили обеды. Там же принимали высокопоставленных гостей, а для высшей категории подавали красную икру, сухой сервелат и даже судачков в польском соусе.

Прибор с датчиками, разработанный в секторе Нестерова, вскоре передали медикам Второго Мединститута. Валька

две недели ходила в героях и была отмечена благодарностью в приказе генерального директора.

Любовь к свободе часто побуждала её к героическим поступкам. Так, она не пропускала ни одного «Дня Донора» на предприятии, потому что после сдачи крови в отдельно выделенной столовой кормили вкусным обедом и предоставляли трехдневный отпуск на поправку здоровья.

Предприятие раскинулось на громадной территории. Поход в цех №2 или, скажем, в №10 превращался в приятную прогулку. Многие бездельники говорили: «Я пошел в цешок» и исчезали минут на сорок. Валька тоже с готовностью бегала с эскизами к работягам и, если было необходимо, связывала рабочего-исполнителя с Минкиным, а он уже оговаривал цену работы в спиртовом эквиваленте.

Застать Вальку на рабочем месте было невозможно. Если она появлялась, то через десять минут уже выскакивала с дурами на лестничную площадку покурить. В конце концов, этот режим работы изрядно надоел Минкину и он стал искать предлог, чтобы передать ветреную девчонку обратно в прежнюю лабораторию. Однажды, когда он маркировал крошечные мерные колбочки тёмно-фиолетовой нитрокраской, вошла Валька и спросила про краску:

— А что это такое?

— Смородиновое варенье, — ответил Минкин со злостью, потому что из-за неё он смазал цифру восемь. Вот, притащилась из своих странствий, бездельница.

Валька тут же схватила лежащую на столе спичку, сунула в краску и потащила в рот. Минкин даже не успел слова сказать. Тем, кто не пробовал нитрокраску, советуем — никогда этого не делайте! Валька так обиделась на Минкина, что громко спросила:

— Дядя, ты дурак?!

Минкин хотел было ответить: «Сама ты, девочка, дура!»

Он промолчал. Ибо если бы он тогда не пригласил её к себе в сектор, они до сих пор были бы в самых лучезарных отношениях. Валька побежала жаловаться к подруге Инне.

— Подумать только! Минкин еще недавно был такой творческий человек, я его рекомендовала Рубашову, а он оказался полным бездарем и свиньей! Не знаю, что теперь делать. Возвращаться к вам мне не хочется. Буду увольняться.

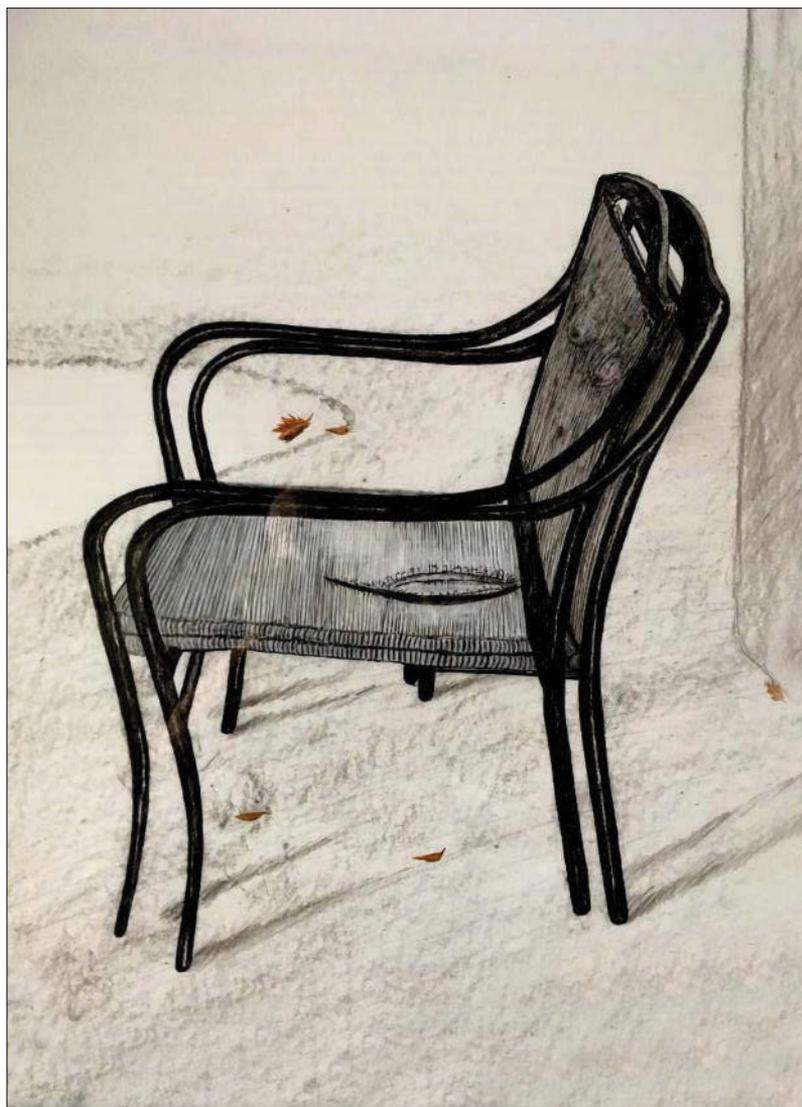
Инна кивала головой и думала, что работа и Валька суть вещи несовместимые.

— Куда же ты собираешься пойти? — спросила она из вежливости.

— Пойду преподавать химию в ближайшую школу.

— Ты, наверное, права...

Как ни странно, Валька очень быстро устроилась преподавателем, влилась в школьный коллектив, стала энергичной общественницей и главное — охмурила одинокого еврея, преподавателя математики сорока лет, за которого довольно скоро выскочила замуж. Эти новости Минкин узнал от Инны, когда они встретились в очередной раз в очереди в столовой. Еще через год Инна сообщила, что Валька родила девочку и счастлива безмерно, а её муж просто без ума от неё и ребенка.

А. Толчинский. «Нежность»

КОГДА Б ИМЕЛ ЗЛАТЫЕ ГОРЫ

*За всё приходится на свете платить по мере наших сил.
Мне кажется — проделки эти я уж три раза оплатил.*

Часто можно услышать, что актретки из всех женщин, которые связаны с искусством, особенно легко увлекаются мужчинами, по многу раз бывают замужем, а случайных встреч не перечесть. Знакомый гинеколог, очень известный в Москве, говорил однажды за праздничным столом, что среди его пациенток очень часто попадаются артистки. Потом идут продавщицы элитных магазинов, а потом уже все остальные. Минкин его спросил, отчего это так, и в ответ ему было сказано, что они чаще других женщин пользуются тем самым местом.

— Короче — это грозное оружие в борьбе с соперницами за роль в пьесе или в фильме — добавил гинеколог, — и за ним нужно следить, как за карабином в армии, вовремя смазывать, чистить и так далее.

По мере накопления жизненного опыта Минкин пришел к мысли, что врач был неправ. В научном мире студентки и аспирантки, молоденькие секретарши суровых и неприступных профессоров, заведующих кафедрами, лабораториями, отделами бывало даже безвозмездно предлагали свою нежную плоть вершителям научных судеб ничуть не хуже актерок.

Сейчас он лежал в темноте на нижней полке спецвагона в купе на двоих. На верхней полке лежала его подопечная Галка Бондаренко. Она сама выбрала верхнюю полку. Ехали они в Питер-Ленинград, где она должна была доложить на Всесоюзной конференции результаты их совместных исследований структуры катализаторов, применяемых в химии

синтетического каучука. Они уже больше двух лет находились в *liaison*, которая его ничуть не тяготила. Оба были семейными, у обоих было по мальчишке, она ни на что не претендовала, а он все не мог понять, зачем он ей сдался. Тема исследований его увлекала и он даже без адюльтера с удовольствием проводил бы эту работу, которую они начали еще когда он работал у шефа на кафедре.

Она приехала на кафедру физики и шеф привел её в зал научно-исследовательского сектора, подвел к Олегу и сказал, что гостью следует обучить методам расчета спектров и что она работает в лаборатории академика Долгоплюска. Олег кивнул и, вытянув из письменного стола инструкцию по введению исходных данных в компьютер, сказал:

— Используйте рентгеноструктурные данные по своей молекуле, а если таковых нет, то вот вам справочник, где вы можете найти близкие значения для химических связей и валентных углов. Желательно, чтобы кинематика молекулы была описана по возможности точно. Будут вопросы — обращайтесь.

Мало-помалу, проводя по несколько часов в неделю вместе, они сближались. Мужики, работавшие рядом, видели, что Галина делает быстрые успехи, и отнеслись к ней с уважением. Трудность метода заключалась в моделировании силового поля, а Минкин, будучи химиком между физиками, лучше других ориентировался в подборе силовых постоянных, поскольку представлял себе их связь с распределением электронов внутри молекул.

И вот, наступил день, когда они вдвоем ввели программу расчета и информацию в компьютер «Минск-22», и он запел тоненьким детским голоском, и замигал сотней неоновых лампочек, а широченные магнитные ленты в специальных шкафах задвигались, управляя расчетом. До персональных компьютеров было еще лет двадцать, но современникам и это казалось чудом. Ведь решить с помощью арифмометров систему линейных уравнений сорокового порядка можно было лет за десять, а тут — за полчаса!

Получив распечатку первого расчета, они в отличном настроении отправились в лесопарк, где в это время гуляли пенсионеры и мамы с детьми. Минкин похвалил Галину и услышал в ответ:

— Хоть бы поцеловал...

Он наклонился и прикоснулся к прохладным и влажным губам. Что ему жалко поцеловать молодую женщину, если она просит? Они вышли на поляну, с краю которой виднелся широкий пенёк свежеспиленного старого дуба. Спил был немного наклонный, так что Минкин обнял Галину за талию и прижал к себе. Так они провели около получаса. Надо было возвращаться на кафедру.

Далее всё пошло, как предсказывал классик: «Чем меньше женщину мы любим...» У неё, как говорится, открылся фонтан. Каждый раз при встрече он узнавал всё новые подробности её сложной жизни. Будь у него писательский дар, он мог бы накатать целый романище о её приключениях. Оказалось, что её родители были сосланы по политической статье. Мать умерла в лагере. Её удочерила одна хорошая женщина, муж которой, майор, воевал на Белорусском фронте. Потом он вернулся с войны и увидел свою жену с дочкой. Он не поверил её сказкам и решил, что она нагуляла Галину, пока он проливал кровь. Жену он простил, а Галину третировал, как мог. Потом, когда она уже была в десятом классе, вернулся из лагерей её отец и майор валялся у Галины в ногах и умолял её простить его, мерзавца. А что ей оставалось делать? Она привыкла звать свою благодетельницу мамой, а отчима так и звала всю жизнь по имени-отчеству. Потом настало время заводить семью, и она вышла замуж за хорошего парня, родила сына. И дальше жизнь пошла, как у всех, ничего интересного. А отец? Отец не стал разрушать их семью, уехал во Владивосток, там женился на женщине, которая тоже отсидела в лагерях по политической статье. Он умер лет через пять после возвращения.

А в детстве, когда ей было пять лет, её украли цыгане, и она целый год ходила с табором, а потом её вернули. Мать

её искала? Искала, но не могла найти. А в пятнадцать лет её изнасиловал парень, который учился в той же школе, но на два класса старше. И она решила ему отомстить. Стащила у отчима наградной пистолет, позвала парня в лес, как бы погулять и пособирать грибы, завела его в чащу и там застрелила. Потом забросала его ветками, уехала домой и положила пистолет на прежнее место.

«Ну да, — думал Минкин. — В детстве ты была белая и пушистая, а потом тебя цыгане подменили...»

Как бы иронически он ни воспринимал её откровения, он не мог отрицать её способностей. Она окончила университет с отличием, распределилась в институт АН СССР, работала в лаборатории академика, её ценили, она отлично управлялась с экспериментами в сухом боксе, то есть в изолированном прозрачном пространстве, осушаемом пятиокисью фосфора, потому что при первых следах влаги образцы катализатора разлагались. А их еще нужно было смешать с нейтральной матрицей, спрессовать, поместить в канал спектрофотометра и зарегистрировать инфракрасные спектры. Только после этого наступала стадия интерпретации спектров, которой она училась у Олега.

Может быть, она считала себя обязанной Олегу... Он не допускал мысли, что просто понравился ей, как мужчина. Его благоверная сделала все, чтобы он забыл свою гендерную принадлежность. Интимные отношения развиваются, как ядерная реакция. Если сегодня произошел поцелуй, завтра их будет пять, послезавтра — сто, потом объятья и пошло-поехало до любовного взрыва.

Сейчас они возвращались трамваем по домам, и Галина сказала, что ей знакомая поручила полить цветы, пока она в отпуске. Это по дороге. Он не против зайти на пятнадцать минут? Они сошли с трамвая и пошли к белому дому-башне. По дороге она нервно напевала:

— Дай-дай-дай-дай... Дай-дай-дай-дай...

Цветы она полила за две минуты, а потом как-то само собой приключилось, что он помог ей сбросить всю одежду.

Еще через долю секунды он понял, что нервы его подвели, и он сейчас опозорится.

— Галка, я псих, — выкрикнул он в ужасе, потому что ключ к двери, за которой начинается блаженство, не желал твердеть.

Она молча оделась, и они снова сели в трамвай. Перед расставанием она улыбнулась ему и поцеловала.

— Хочешь, я приду к тебе завтра после работы?

— Да-да, обязательно приходи!

Утром он позвонил на кафедру и сказал, что плохо себя чувствует, чтобы не ждали. Он решил подкрепить свой организм витаминами и сном. Нельзя было опозориться вторично. Никак нельзя. Он провалялся почти весь день, проглотил с интервалом в четыре часа шесть таблеток поливитаминов, в состав которых входил пантотенат кальция и вот, теперь сидел и ждал звонка в дверь. Она пришла в кроваво-красной юбке и белой блузке, которая потрясающе контрастировала с её густыми черными волосами. За окном догорал теплый летний день. Они не стали тратить время на чаи и сразу же улеглись на желтое шерстяное одеяло. Когда он с легкостью проник в неё, его охватило чувство ликования. Он жив! Восторг мешал ему сосредоточиться. Буквально через пару минут он взорвался и попросил у неё прощения за своё нетерпение. Его поразило, как умело она подвигалась навстречу ему и как плотно охватывало его её раскаленное кольцо. Никогда прежде с женой он не испытывал ничего подобного. Не прошло и десяти минут, как он с радостью обнаружил, что опять может. Он начал её ласкать, все плотнее и интенсивнее и вновь с легкостью проник сквозь едва приоткрытую дверь. В эту ночь он поставил личный рекорд, который впоследствии уже никогда не смог повторить.

После кульминации всегда наступает период привыкания. Это еще не охлаждение, но уже не безумство. Бывало, что она приезжала на кафедру, и в нем вспыхивало желание, которое он совершенно бесстыдно и эгоистически хотел удовлетворить как можно быстрее. Они находили незанятую аудиторию, запирались изнутри и прямо на столе, как говорят, не

снимая лыж, он справлял свой краткий праздник. Потом они шли в рабочий зал и занимались делом, пили в перерыве отменный кофе, который мастерски готовил один из физиков, ехали вместе до центра, иногда заходили в кафе-мороженое. Дома ждала вернувшаяся из командировки жена, сын сидел над задачками. Минкин не торопился. Он взял тайм-аут в своей серой семейной жизни. Он вспоминал с мстительным чувством, как на вечеринках его благоверная нет-нет да и добавляла в подтрунивания друзей свою лепту, намекая на его недееспособность, отчего друзья громко хохотали. Он и годы спустя, не совсем понимал причину их необузданного веселья. Может быть, всё объяснялось молодостью, кто знает? Ведь всем в среднем тогда было чуть более тридцати! Когда же еще веселиться?

Галка толково сделала доклад. Потом пристал с вопросами Юрченко из Киева. Он считал, что использовать распределение электронов по атомам и связям молекулы некорректно. Частично он был прав, но Минкин и сам понимал, что корреляция строения молекул с их каталитической активностью немного примитивна. Но где искать ответ? Ведь надо было рассчитать свойства молекул в состоянии активированного комплекса, который живет микросекунды и затем превращается в конечный продукт реакции. На это могла уйти вся жизнь, а подход к проблеме улучшения свойств катализаторов должен был гарантировать реальный технологический успех сегодня в смысле улучшения качества синтетического каучука.

В конце концов, никто не запрещал искать корреляцию между внутренним строением молекул и свойствами материала, из которых он состоит. Они с Галиной искали эту корреляцию и нашли, а победителей не судят.

— Ты знаешь, — говорил Минкин Галине после доклада, — мы с тобой в том положении, которое предсказал Декарт, если я не ошибаюсь. Он сказал, что исследователь мозга может разобрать его до последнего винтика, посмотреть все ниточ-

ки, которые связывают отдельные колесики в этой сложной машине и все равно он не поймет, как эта машина мыслит.

Однако у нас, слава богу, система куда проще, чем мозг. Мы как соображаем? — Вот два мужика. У одного руки мускулистые, кость широкая, а у другого мускулы никуда и кость тонкая. Ясно же, что первый сильнее второго. Или возьми две клубничины. Одна тёмно-красная, а другая чуть розовая. Ясно же, которая слаще. Метод сравнения примитивен, но когда опирается на проверенные факты, на него можно положиться. Так и движемся.

Академик очень по-доброму относился к Галине, представил их статьи в журналы АН СССР, не побрезговал стать одним из соавторов, и после публикаций путь к защите диссертации был открыт. Уже через полгода Галина легко защитилась в своем институте. Минкин был вписан в автореферат, как соруководитель темы после академика. Народ здесь привык к защитам, угощение было скромным, а питьё тем более. Минкин стоял рядом с академиком и вел вежливую беседу, хвалил своего шефа, призывал к более тесному сотрудничеству. К слову сказать, шеф в этой рекламе совершенно не нуждался. Его в институте хорошо знали.

Докторов наук было возле них, как собак незарезанных. Куда ни плюнешь — в доктора попадешь. Потом, спустя много лет, Минкин задумывался, почему при таком количестве докторов наук в стране был такой паршивый синтетический каучук?

Даже в таком огромном городе, как Москва, трудно скрыть любовную связь. Лева однажды сказал Минкину, что его видели с женщиной в центре и что они шли с нежными лицами. И Валька, о которой вы уже знаете, сказала однажды, когда она с Минкиным возвращалась с работы:

— Я раньше думала, что вы такой верный муж, такой верный, даже уважала вас за это. А вы, оказывается, такой же, как все.

На самом деле в это время пыл уже угасал. На кафедре у Минкина начались неприятности по общественной линии, и он собирался уходить. Галина вызвалась попросить о нем академика, но он хотел начать зарабатывать побольше денег и поговаривал о переходе в закрытую организацию. Сентябрь в том году выдался солнечным. Она предложила съездить к ней на дачу, заодно поискать грибов.

Они приехали в дачный поселок по Рижской дороге и направились, конечно, прежде всего, на дачку. Там Галина расшвыряла одеяла, и они улеглись на ледяную простыню, которую еще предстояло согреть. От женщин исходит природный жар. Лучше грелки не найдешь! Вскоре они нашли друг друга. Основная часть программы была выполнена. Потом они, не спеша, собрались и пошли в хвойный лесок. Бродили там, бродили, нашли мизерную кучку молодых опят, присели на пеньки, развернули бутерброды, помидоры и без особого аппетита поели. Еда их разморила. Они вернулись на дачку, легли поверх одеял и сразу заснули. Все-таки пришлось встать очень рано, чтобы не разбивать день, да и поезда днем ходили очень редко. Пошли через лесок на станцию. Галина отошла к группе молодых елочек, присела. Миркин встал к ней спиной и громко продекламировал:

— Под ней струя светлей лазури!

Услышал за спиной хохот и обернулся:

— Негодяй! Не дал скромной девушке спокойно пописать! Чуть в трусики не налила!

Как это часто бывает, от небольшой смешинки разом улучшается настроение. Стали рассказывать друг другу соленые анекдотики.

Она:

Жил на свете один важный жук, который низко так жужжал: ЖЖЖ-ЖЖЖ. Ему говорили, чтобы он не летал через озеро, потому что там живут голодные крокодилы и могут у него что-нибудь откусить. А он не послушал и полетел и в результате стал жужжать тоненьким голоском: 333-333.

Он:

Вспомнил анекдот тридцать седьмого года. Была назначена очередная чистка рядов коммунистов. Вызывают одного, смотрят личное дело — не придерешься. Тут секретарь партбюро спрашивает: «Ты как со своей женой живешь?» Тот думает: «Так. Если скажу, что на левом боку, то левый уклон, если скажу, что на правом боку, то правый уклон, если скажу, что сверху, то давление на массы, если скажу что снизу, то отставание от масс... А я занимаюсь онанизмом!» И его все равно выгнали из партии теперь уже за связь с кулаком и базаривание семени.

— Какие у тебя, Олежек, кошмарные анекдоты!

— А время тогда было еще кошмарнее.

Дошли до станции, сидели почти в одиночестве, ждали электричку. Приехали в Москву в начале седьмого. Минкин за день отдохнул и посвежел, вернулся домой в семь с пустой корзинкой, в которой болталась все та же горстка опят, получил выволочку от жены за массу невыполненной домашней работы, поужинал и сел смотреть программу «Культура». Совесть его абсолютно не мучила.

Тот тихий осенний день, который он провел вместе с Галиной, стал как бы водоразделом в их отношениях. Он ушел работать в почтовый ящик, и вынужден был отсиживать там положенные часы, потому что на улицу выход был только по пропускам, а пропуска раздавал и подписывал заместитель начальника отделения после того, как выпускаемый расписывался в журнале отбытия. Звонить ей вроде причины не было. Работа, которую он помогал ей вести, как бы стала красивой бабочкой из куколки. Теперь она сама планировала и ставила работы. А пыл любви угас, остался мягкий бархатистый пепел. Они помнили друг о друге. Однажды она позвонила и спросила, не мог бы он пристроить её мужа в местечко, где платят побольше. Руки у него золотые, а вот с идеями не очень. Минкин вспомнил, как его приглашали в институт милиции, и связался с начальником отдела, пол-

ковником Киссиным. Тот на него немного дулся, так как Минкин собирался к нему перейти, да так и не собрался. Но услышав о мастерстве Галкиного мужа, оживился и сказал:

— Да, нам очень нужен специалист по газожидкостной хроматографии. А то, что он без ученой степени, это даже хорошо. Легче будет пробить ставку.

Так, без затраты сил Минкин за десять минут сделал доброе дело.

Провести в заточении двадцать лет — нешуточное дело. Кажется, Эдмон Дантес столько просидел в замке Иф. Изредка ветер с воли приносил новости. Галина защитила докторскую диссертацию. Об этом ему сказал шеф, когда Минкин приехал к нему на кафедру для участия в Московской конференции. Много тогда достойного народа съехалось. Это был звездный час шефа. Потом шеф устроил банкет в честь гостей и пригласил Минкина тоже поучаствовать. Новость о защите Галины сильно его задела. Придя домой, он всё раздумывал, позвонить ей или не стоит. Он боялся, что запоздалое поздравление вызовет неловкость с обеих сторон. Она его на защиту не приглашала, а изъявлять запоздалую радость глупо. Потом она наверняка спросит об его защите и что он будет мямлить? Нет, пока звонить не стоит.

— Ну, надо же! Ученица обогнала учителя!

Между тем, объявили перестройку. Заведение, которому Минкин отдал почти двадцать лет, рассыпалось на глазах. Лаборатория его разбежалась в поисках заработка. Его переселили вниз, на первый этаж, где он остался один со своими спектрофотометрами. И тут он понял, что надо в темпе написать диссертацию и протолкнуть её, пока весь материал еще сидел в голове. Последнюю большую статью по теме он опубликовал уже пять лет назад. Еще год — и всё. Ему скажут, что данные устарели, нет новых ссылок в литобзоре и т.д.

Он написал диссертацию за две недели. Еще неделя ушла на оформление и печатание текста. Рядом с письменным столом холмом возвышалась гора литературы по задуманной

книге, текст которой уже был готов. Интуиция привела его в кабинет заведующего кафедрой профессора Зайцева. Когда-то они познакомились на конференции в Биоцентре АН СССР. Потом, после объявления перестройки он заезжал к нему на кафедру, где работали химики-синтетики, классные мастера по синтезу. Один из них говорил, что Борис Ефимович обладает потрясающим чутьем в химии красителей. Минкин решил предложить ему соавторство. Войдя в кабинет Зайцева, он увидел немислимое число коробок, набитых свежим тиражом новой книги профессора. Ясно, что после второго тиража ему придется покинуть кабинет и поселиться в лаборатории.

— Я вижу, Борис Ефимович, что опоздал со своим предложением. Жаль. Я помню, что вы интересовались химией азокрасителей. У меня, знаете ли, полоса неудач. Книга будет валяться, пока не устареет, и я её выкину в корзину. Да и диссертация скоро туда же последует.

— Диссертация не должна валяться. Бросьте этот унылый тон. Привезите мне её на неделе, я почитаю и порекомендую в научный совет Менделеевского института. Я вас хорошо знаю по работам.

— Да разве там есть докторский совет?

— Уже три года, как утверждён.

— Спасибо вам огромное, а то я прямо в отчаянии.

— Чего там! Привозите ваш труд.

Фортуна, долго не замечавшая Минкина, вдруг улыбнулась ему. Следующие два месяца пролетели, как в лихорадке. Денег не было, потому что в ящике почти не платили зарплату. Минкин расплатился в типографии, печатавшей его автореферат, коробкой мельхиоровых посеребренных ложек. Его работа понравилась. Он получил лишь один черный шар из семнадцати. Еще пара недель ушла на подготовку справок в ВАК — и победа! В возрасте пятидесяти двух лет он стал доктором наук. Мало того. Он успел за короткий срок завести роман с очень милой дамой, которая ведала документацией в службе ученого секретаря. Она была разведенкой, жила с дочкой и мамой в двухкомнатной берлоге-хрущобе на

окраине Москвы, перспектив изменить жизнь к лучшему не было никаких... И вот, появился на горизонте мужик, с которым, как выяснилось позднее, у неё появились надежды на более светлое будущее.

Когда он мотался по стремительно пустеющему ящику, собирая справки о своей благонадежности и ценности, как научного сотрудника, он ловил на ходу восхищение бабешек, сидящих на выдаче справок:

— Какой вы молодец, что решили защищать докторскую диссертацию в наше нелегкое время!

Он же понимал, что именно сейчас, в период разброда и шатаний, когда можно не искать милости у вельможных панов от науки, не лизать их руки и не вилять хвостом, именно сейчас легко защитить свою работу.

Заместитель генерального директора Елисеев давно проникся к нему симпатией, а его штатная любовница, очень красивая женщина даже пригласила его поучаствовать в ученом совете на защите докторской в качестве приглашенного доктора наук. К этому времени сам генеральный директор был мягко смещен и переведен на почетную пустую должность генерального консультанта, а его место занял господин Скоков из Краснодара, который метил в правители России. Ввиду столь резкого снижения рейтинга генерального ученый совет состоялся не в зале заседаний, а комнате комитета комсомола.

Минкин в это время уже перешел в один из институтов Газпрома на должность ведущего научного сотрудника и получал в пять раз больше, чем в разлагающемся труп почтового ящика А-1813. В пересчете на зелень, это было около шестисот долларов, и он чувствовал себя богачом. А то, что ему пришлось перейти на изучение каменной соли, это ничего не значило. Он всю жизнь менял направление исследований, делал то, за что ему платили деньги. И вот, он явился в комитет комсомола в лучшем своем костюме, тщательно выбритый и надушенный. Бывший директор, видимо еще не понявший, что власть коммунистов кончена, явился с опозданием и кри-

тически оглядел собравшихся. Он тотчас заметил Минкина, которого не замечал двадцать лет, потому что никогда не снисходил до разговора с человеком ниже начальника отдела. Тут он начал неприлично вертеться и опрашивать соседей по столу, кто этот бородатый франт? Те, еще не осознав до конца, что власть в ящике уже навсегда переменилась, старались угадать, кто этот приглашенный член ученого совета. Все даже позабыли, что собрались ради защиты диссертации своего сотрудника. Минкин сидел, не поворачивая головы, словно эта возня его совершенно не касалась. Тема диссертации была ему совершенно незнакома и неинтересна. Она была бесконечно далека от его специальности, и он просто делал одолжение красивой женщине, а красота оправдывает всё, на что направляет свой благосклонный взгляд.

На новом месте Минкин отвечал за всю химию, хотя рядом трудились веселые и общительные женщины, проводившие анализы кернов каменной соли для геологического отдела. Он накрепко сдружился со своим новым начальником, потому что никуда не лез и не плел интриг, какими был пропитан весь коллектив института. Он просто делал, что его просили, и постепенно расширял возможности лаборатории, внедряя новые для сотрудников оптические и ионометрические методы исследований. Соседи ревниво следили за его успехами, но он уверенно набирал очки. Через год в институт поступил Новеньков, буровой инженер родом из Баку, настоящий мастер своего дела, который несколько раз на ученых советах опозорил местных руководителей проектов, поскольку они совершенно не владели практикой бурения скважин. Его стали ненавидеть и бояться, но сделать с ним ничего не могли. Новеньков быстро сошелся с Минкиным, они стали друзьями настолько, что даже иногда ехали домой вместе.

В это время институту предложили сделать проект по созданию нефтехранилища в толще каменной соли с прослойками бишофита. Бишофит отличался от каменной соли тем, что бешено растворялся в воде, и при этом объем раствора

сильно повышался. В условиях буровой скважины это означало быстрый скачок давления, которое могло смять стальные трубы, словно вареные макароны. Необходимо было срочно начинать разработку по применению магнезиального цемента, который является соединением оксида магния и хлорида магния (бишофита). Минкин занялся исследованиями практически в одиночку. Новеньков обещал ему всяческую поддержку.

Вскоре пришли керны бишофита, огромные цилиндры магниевой соли необыкновенной красоты, поднятые с глубины километра, не менее. Для защиты от паров воды они были обернуты толстой пленкой полистирола и обмазаны резиновым клеем. Работа шла с переменным успехом. Минкин наблюдал под микроскопом, как на предметном стекле буквально на глазах из раствора хлорида магния и его оксида возникают волокна цемента, как они постепенно густеют, уплотняются и превращаются в твердую пленку. Исследования все расширялись. Новеньков повез Минкина к коллегам из бурового отдела, которые собрали специальную опытную установку для контроля давления в системе рассола магнезиальный цемент. Кажется, в конце туннеля стал мерцать свет.

Пока шла работа, Минкин присмотрел образцы бишофита, в которых были ярко окрашенные в бордовый цвет сгустки. Он их аккуратно выбил из керна, растворил в минимальном количестве воды и обнаружил странные тела, напоминающие своей эластичностью некую ткань, возможно даже и органического происхождения. Он никак не мог отказаться от соблазна изучить эти тела с помощью спектроскопии.

Тут он вспомнил о Галине и, недолго думая, позвонил к ней на работу.

— Конечно, приходи. Я тебе сейчас выпишу на завтра пропуск, — просто сказала она, словно они вчера расстались.

Она сидела все в той же комнате, что и семнадцать лет назад. Только соседка поменялась. Вместо развязной молодухи, которая вечно трещала по телефону со своими ухажерами,

теперь скромно сидела стажерка и готовила образцы к съемке. Огромный спектрофотометр UR-20 теперь стоял вдоль комнаты, а сухие боксы всё на том же месте. Галина немного отяжелела, в волосах блестела седина, но, в общем, изменилась мало. Появилась в её лице некая важность. Чем-то она напоминала известный портрет Екатерины Второй. Они легко обошлись без воспоминаний и без докучливых вопросов о научных успехах. Минкин прихватил с собой некоторые из рассказов, которые сочинял теперь время от времени.

— Почитай на досуге, — сказал он. — Вдруг что-нибудь понравится. Это тебе на память о моем визите.

Он присел к рабочему столу и быстрыми точными движениями стал растирать высушенный образец с бромистым калием. Пока он регистрировал спектр и убирал за собой, она успела просмотреть рассказы и сказала:

— Вот этот мне нравится. Забавный.

Он окинул взглядом её рабочий стол и увидел кипу рекламных проспектов на английском языке.

— На выставке взяла? — спросил он, кивнув в сторону проспектов.

— Нет, в Америке была месяц в командировке. Делилась опытом с коллегами.

— Не предлагала им свой UR-20 в обмен на какой-нибудь захудалый *Perkin Elmer*?

Они посмеялись. Великая держава, которая запускала в космос своих сынов и дочерей, грозила всему миру атомным оружием, подписывала договоры с капиталистами о запрете химического и бактериологического оружия и не исполняла их, эта страна так и не смогла освоить производство современных спектральных приборов и пользовалась устаревшей моделью UR, производимой в бывшей ГДР на фирме Цейсс. А отечественные аналоги были просто позорными.

Ах, если бы только спектрофотометры были несовершенными! Всё кругом было ржавым и гнилым, удивительно только, что космонавты еще не гибли каждый месяц. Страна

вечнозеленых помидоров, рассыпавшаяся на шестнадцать кусков, проигравшая хамскую войну в Афганистане, в которой угробила и изувечила десятки тысяч своих детей, еще дышала зловонным дыханием своих заводов, работавших по технологиям тридцатых годов. Жить в этой стране становилось все противнее. Богатые и инициативные стали все чаще ездить за границу и пристраивать там своих детей. Остальные старались стать мелкими собственниками, купцами, производителями.

Минкин в свои шестьдесят решил, что с него хватит. Сестра его уже четыре года жила в Германии с семьей. Сын женился на демократке и уехал, занялся торговлей. Жена развелась с ним, вышла замуж за чернявого и толстого еврея и отбыла с ним в Хайфу еще десять лет назад. И вот, он переехал. Сестра с мужем помогли ему устроиться в однокомнатной квартире рядом с ними. Окна выходили на протестантскую церковь. Кругом шла тихая-тихая жизнь. Он стал ходить в класс по изучению немецкого языка. В школе он десять лет учил немецкий, и вдруг через сорок пять лет начал вспоминать, вспоминать. С удивлением заметил, что понимает новости из телевизора. Это было очень приятным ощущением. Надо было найти занятие, чтобы кое-как дожить до пенсионного возраста. Позанимавшись полгода, он пошел в ближайšie школы, предложил себя в качестве помощника преподавателя химии и начальной математики. Свои научные дипломы он спрятал подальше, чтобы не дразнить гусей. Ему и тут подфартило. Его взяли с испытательным сроком, потом признали вполне квалифицированным, но учителем он не стал, потому что у него не было соответствующего диплома. Так он прожил без особых происшествий почти до семидесяти лет.

С годами он все чаще стал вспоминать о своих исследованиях, которые не успел довести до логического конца. Особенно его почему-то тревожила история с биологическим материалом, который он обнаружил в толще бишофитового

керна. Как могло случиться, что он, получив инфракрасный спектр материала и сразу осознав, что это явная органика, не пошел к знакомому профессору, который был спецом в масс-спектрологии, и не попросил его сделать анализ? Отвлёкся на текучку, старый дурак. Он понимал, что там, в глубине за миллионы лет органическое вещество могло потерять все свои водородные атомы, но надо было попытаться. Иногда ему снилось, что он расшифровал строение этого вещества, которое входило в состав древней морской водоросли, и это вызвало широкий интерес среди палеоботаников.

Убегая от старческого безделья, он опять вернулся к сочинению простеньких историй. Пока он их неспешно создавал, он вел дискуссии с отсутствующими и ушедшими навсегда друзьями и знакомыми. Он чувствовал по себе, как сужается круг его интересов, как быстро теряется уровень накопленных знаний.

Когда-то шеф говорил ему:

— В науке так — если ты не лезешь вверх на пределе возможностей, ты неизбежно катишься вниз.

Шеф был чертовски умен по сравнению с Минкиным, а в области физики — просто недостижим. Он поэтому и водил компанию с людьми, которые достигли высоких результатов в своем деле, скажем, с младшим сыном академика Капицы, ведущего телепередачи «Очевидное-невероятное». А друзья Минкина, хоть и не были дураками, но их профессиональный уровень, все же, наверное, был не столь высок. Большинство их так и осталось кандидатами наук. Мишка стал классным переводчиком, Соколовский, который участвовал в проекте «Союз-Аполлон», забросил науку и стал управлять заводиком, который снабжал нефтепромыслы резинотехническими изделиями, Демидов просто ушел на пенсию, жил на гроши и копался в своей огромной библиотеке, Сергеев вообще оказался полным лузером еще в России, работал рабочим в овощном магазине, потом уборщиком в фармацевтической фирме в Хайфе, а ведь какие у него блестящие мозги были! Куда до него Минкину!

Всех их разбросало по жизни в разные стороны, и вот, сейчас Минкин собирал их и других своих знакомых и женщин, с которыми был близко знаком, собирал их в своей памяти и говорил с ними, и не мог утолить жажды общения. Чтобы хоть как-то скрасить свою жизнь, он издал несколько книжек рассказов, вполне сознавая, что его друзьям-читателям уже не до дискуссий. Они уже вместе с ним ускоренно ехали с ярмарки, что-то не додумав, что-то не совершив, не отомстив, не заплатив, не успев насладиться праздником жизни. Хотел бы он послать свои рассказы, изданные в красивых обложках, Галине, но одумался. Ей, по подсчетам, должно быть не менее семидесяти пяти. Да жива ли она?

А Вовка Лебедев, с которым они сделали несколько теоретических работ? Он, помнится, собирал со страстью альбомы великих художников, хранил их, как великую ценность в ящиках письменного стола, что-то выписывал на картонках, которые хранил отдельно. Шеф посчитал Вовку неудачным аспирантом и приводил Минкина ему в пример прилюдно. А зря. Вовка окончил Московский университет, и знаний у него было куда больше и куда выше качеством, чем у Минкина. Помыкался он у шефа с год и ушел, потому что и программирование знал и теоретическую химию волок будь здоров как. Единственно, в чем он уступал Минкину, так это в наличии конструктивных идей. Если выразиться высокопарно — в творческой фантазии. Наверное, с этим нужно родиться...

Потом, когда он уже служил в своем почтовом ящике, стал начальником лаборатории и получил в подчинение выпускников лучшего в мире физико-технического института, он удивлялся, как при таком универсальном умении сделать всё руками и великолепной математической подготовке, они не могут родить мало-мальски интересных глобальных идей. Спустя годы, он думал, что гнетущая и удушающая атмосфера почтового ящика виновата в их бесплодности. Ведь эти ребята попадали сюда прямо после защиты диплома, не успев применить накопленные знания в свободном плава-

нии. Они получали на пятьдесят рублей больше, чем их конкурники, ушедшие в институты АН, и считали, что им повезло, а руководство ящика растлевало их умы, подсовывая им плохо продуманные задачи и авантюрные проекты, склоняло к бессмысленному безделью и отнимало драгоценное время, посылая их в совхозы, на овощные базы, избирательные компании.

Как сложилась их судьба? Скорее всего — никак. Когда наступили лихие девяностые, кто-то из этих ребят, которые были цветом нации, пошел в криминальный бизнес, кто-то уехал за границу, а большинство продолжало нищенскую жизнь в бездарно управляемой стране, подрабатывая ремонтом автомобилей или помогая богатеньким обзаводиться научными дипломами.

Когда Минкин размышлял обо всем этом, на душе становилось совершенно тошно. Его собственная жизнь казалась бездарно растроченной, хотя ему не было дано от природы и малой доли тех талантов, которыми обладали физтеховцы.

В конце концов, он привык к своему одиночеству, как люди привыкают к постоянной боли в пояснице или в суставах и перестают обращаться к врачам. Однажды он вспомнил строчки из стихотворения Пастернака «*А старость — это Рим, Который взамен турусов и колес...*» и подумал, что мастер неправ или не совсем прав. Да и был ли он старым? Конечно, нет! *Юноша с седю головой...*

Он сел за стол и за полчаса накатал стих:

Да старость — это просто одиночество.
Не Рим, а осажденный Ленинград.
Изжога от несбывшихся пророчеств,
Познание истины, которой ты не рад.

Мы все актеры, — это установлено.
В театре или в жизни — не вопрос.
Конец спектаклю. Время остановлено,
Всерьез играл ты или не всерьез.

Ты проклинай не старость — день рождения,
Когда впервые ты открыл глаза.
Привычка к жизни — это наваждение,
А жить не хочется и умереть нельзя.

Больная совесть, груз воспоминаний...
Привычка к жизни тверже, чем гранит.
Земля людей рождает для рыданий,
Так доставай смертельный цианид!

Сказать «Прощайте», растопырив руки?
О, Боже, пошлость всё! Иду на муки!

ЗА АМЕТИСТАМИ

Прежде, чем начать повествование, я хотел бы напомнить дружески настроенному читателю, что такое представляет собой аметист. Это широко распространенный минерал, ближайший родственник горного хрусталя, неровно окрашенный в фиолетовый цвет. Из него делают недорогие ожерелья и кольца для милых дам. Твердость минерала оставляет желать лучшего, но природу не переубедишь. Для высоких ювелирных замыслов варят искусственный аметист, отличающийся высокой чистотой и яркостью прозрачного фиолетового камня, который очень красив в золоте. Про его лечебные и магические свойства каждый может прочесть в Интернете. Если вы в эту наукообразную чушь поверите, я вам завидую.

А путешествие за аметистами произошло пятьдесят с лишком лет назад... Татьяна Д., работавшая в лаборатории Геологического института АН СССР младшим научным сотрудником, была научным сотрудником никаким, но человеком безвредным, романтическим и имевшим в роду целый ряд древних тётушек, близко знакомых в молодости с великими русскими поэтами и поэтессами. По этой причине Таня, любимая племянница, была допущена к чтению писем, полученных от самого Макса Волошина. Другие гости знаменитого дома в Коктебеле тоже присылали письма, и это подтверждало, что тетушки Тани в своё время были очень даже привлекательны. Таня временами посещала институт, где ей платили гроши, смотрела в микроскоп на шлифы, записывала данные в журнал и общалась с девчонками. Время от времени в лабораторию привозили образцы с далеких месторождений. После разбора, распиловки и полировки,

наиболее красивые образцы минералов шли в кабинеты начальства и в собственный музей, а мелочь раздавалась любителям минералогических коллекций. Почти весь наличный состав лаборатории выезжал летом в экспедиции, но в тот раз Тане никто не предложил поехать, и она решила отправиться сама на южный берег Кольского полуострова, где по рассказам сотрудников открыли громадные запасы аметистовых кристаллов, барита и других богатств. Чтобы её пропустили на месторождение, она запаслась письмом от института, где говорилось об её научных интересах.

Для компании Таня пригласила свою подружку Лену из Черноголовки. Лена, знойного вида армянская девушка из семьи российских интеллигентов, тоже не замужем, была в полном подчинении у Тани, восхищалась её познаниями в поэзии и готова была, как говорится, ей ноги мыть и воду пить. Однако пускаться в дальнейшее путешествие без парней Таня считала рискованной затеей и потому спросила в лаборатории, не захочет ли кто из мужского населения сопровождать её на Кольский. Оказалось, что Сонькин муж очень любит собирать камни с самого детства и в школе даже ходил в минералогический кружок при музее АН СССР.

— Я думаю, что он с восторгом примет твое предложение, — сказала Сонька. — У него как раз отпуск в июле, а денег у нас в обрез. Об отдыхе в Крыму можем только мечтать.

Охотники за аметистами встретились на перроне перед поездом, Москва — Кандалакша. Таня без всякого любопытства, а романтическая Лена с огромным любопытством оглядели спутников на ближайшую двухнедельную поездку. Женя, муж Соньки, был полноватым блондином с рыжинкой и веснушчатой кожей, роста среднего, носил криво посаженные очки, которые все время сползали с длинного носа, и он то и дело их поправлял. Саша, напротив, был худощав, строен, роста был хорошего, где-то метр восемьдесят пять, лицо было смуглое с чистой кожей, сильный мужской нос выделялся на лице, как бушприт между живых карих глаз.

Женя с важностью достал из заколотого английской булавкой нагрудного кармана билеты, и все полезли в плацкартный вагон. Девчонки устроились внизу, парни на верхних полках. Таня ощутила себя начальником геологической партии (у неё ведь было рекомендательное письмо на прииск) и потому неторопливо и важно она показала на листочке весь маршрут:

— Едем до Кандалакши, затем у нас будет экскурсия морем в Соловецкий монастырь, потом возвращаемся в Кандалакшу и плывем до поселка Кашкаранцы. Там стоит воинская часть. Попросим, чтобы нас подбросили до прииска. Это около двадцати пяти километров.

Мы все знаем, как в России легко происходят знакомства. Уже через пятнадцать минут после раздачи постельного белья соседи по купе щедро выставляют на приоконный столик крутые яйца, отварного цыпленка, соленые помидорчики и огурчики. Бутылка спиртного вызывает возгласы восхищения, и процесс наслаждения жизнью начинается. Наши охотники обошлись без спиртного, хотя в рюкзаках у всех, кроме Лены, булькала бутылка спирта. Спирт был валютой, в отличие от бумажных ассигнаций, на которых было написано, что они поддерживаются всем достоянием республики, и предназначался для натурального обмена на аметисты. Рабочий люд России давно разобрался в ценностях жизни и потому звал бумажные деньги «рваными», а юбилейные монеты с Лениным «лысиной». Поэтому популярными фразами были: «Скинемся по рваному», то есть по рублю на бутылку или же «скинемся по лысине», то есть по рублевой монете на ту же бутылку водки, которая тогда стоила три рубля и двенадцать копеек. Экономные выпивохи никогда не выбрасывали бутылку, а сдавали в приемный пункт стеклопосуды за двенадцать копеек. Боже, какие стабильные были времена! Эта стабильность основной цены на самый необходимый в стране напиток рождала уверенность, что, несмотря на отдельные недостатки, наше любимое (или нелюбимое) государство будет жить и развиваться вечно.

Поезд прибыл рано утром. Они сдали вещи в камеру хранения и пошли по неширокой и извилистой, как змея, улице и вскоре набрали на кафе. До открытия оставалось почти полтора часа. Две молодые женщины в белых халатах готовили завтраки. Ну, не ждать же у дверей! Решили пройти в порт и выяснить расписание катеров на Соловки. Катер шел лишь завтра утром. Предстояло целый день слоняться по Кандалакше. Попытка устроиться в гостинице оказалась неудачной. Вернулись в кафе и поели нечто мучное с кефиром. Макароны с мясом не привлекали, а чай и кофе просто не вызывали доверия. Это было что-то мутное без запаха, похожее на горячую воду, которой ополаскивают плохо помытую посуду.

— Пошли к морю, — предложила Таня.

Молодое и праздное население городка располагалось на каменисто-травянистом участке, отдельные глыбы, поросшие морскими водорослями, стояли в море, которое мягко вздыхало. На солнце было просто жарко, и поэтому вода температурой около двадцати казалась холодной. Саша плавать не умел и в море никогда в жизни не был. Его мама числилась с незапамятных времен инвалидом и получала крошечную пенсию, а папа с ними не жил, присылал алименты. С таких денег на курорт не выбраться ни в Прибалтику, ни в Крым, ни на Кавказ. Девчонки в разноцветных лифчиках полезли в воду поплавать. Женя, охнув, проплыл метров двадцать и выбрался на берег, а Саша зашел по пояс и поплескал на себя горстями. Девчонки тоже вылезли и разлеглись на траве. Женя расположился рядом с Таней и даже попытался к ней прислониться. Однако Тане он с самого начала не понравился, да и на чёрта ей сдался женатый. Она с недовольной гримаской сказала строго: «Не надо!»

— *Остаться гордою хватило сил?* — с насмешкой спросил Саша, наблюдавший сцену неловкого ухаживания.

Таня улыбнулась. Саша ей казался куда симпатичней, тем более он был разведен и, стало быть, свободен. На Лену парни внимания не обращали, потому что она была некра-

сивой. Лена знала, что некрасива, и привыкла. Ей уже исполнилось двадцать восемь, а перспектив устроить свою жизнь в Черноголовке, в академическом городке практически не было.

Женя с Сашей томились от безделья. Если не флиртовать, то чем заполнить время? Устраивать рыцарский турнир перед одной Таней?

Полярный день был бесконечен. Решили пойти на вокзал, взять рюкзаки из камеры хранения и пообедать остатками домашних продуктов, расположившись на пустынной пристани. У Тани в рюкзаке была книжица стихов Волошина и альбом для рисования. Так как рисовать было совершенно нечего, Таня раскрыла стихи и принялась читать, не обращая на остальных внимание.

— А Таня у нас мюзизирует, — насмешливо произнес Саша. Сам он после школы не прочел ни одного стихотворения, да и музыкального слуха не было. Он любил математику, и всё свободное время тратил на решение задач.

— Вы случайно не знаете, где в городе можно переночевать? — спросил Женя проходившую с тяжелой сумкой женщину. — Вот, в гостиницах мест нет...

— А вы поезжайте до заповедника, там часто студенты останавливаются, так что, может быть, и вас пристроят.

Действительно, не сидеть же сутки на пристани в ожидании катера. Заповедник жил своей внутренней жизнью. Начальства не было, а девчонка-секретарь сказала, что без него она пустить гостей не сможет. Посреди двора стояла тесная клетка с грязным и вонючим медведем, которому было жарко под незаходящим солнцем.

— Хоть бы кто из работников вынес ведро с водой и смыл дерьмо из клетки! — воскликнул в досаде Женя. — Мучают зверя, ироды!

Время будто остановилось совсем. Женя достал из рюкзака две колоды маленьких сувенирных карт, и они принялись играть в сложную и долгую игру, которую почему-то называли канастой. Девчонки уселись на лавочке в беседке и дремали,

подложив рюкзаки под голову. Так дотянули до двенадцати ночи по московскому времени. Наконец, в половине первого пришел начальник, бородатый мужик лет тридцати пяти, Таня показала ему письмо на прииск и он, устало взглянув, кивнул головой и повел их в комнату, уставленную железными кроватями без матрацев. Наши охотники за аметистами вытащили спальники и быстро заснули. Через два часа с шумом ввалились студенты-биологи и долго гоношились, скрипя пружинами кроватей. В комнате стало невыносимо душно, но окон не открывали, потому что активизировались комары. Их и так немало налетело, пока хлопали дверьми туда-сюда. Стоило вытянуть из спальника руку или высунуть нос — тут же появлялись тонко звенящие голодные кровососы и впивались в тело.

Поспать удалось от силы часов пять, но молодость имеет большой запас сил. На следующий день они успели смотаться на Соловки и полюбоваться на монастырь с его циклопической кладкой, поросшей красноватым лишайником. Внутри монастырь оказался далеко не так красив. В нем располагался продуктовый магазин, который торговал совершенно гнилыми овощами и вонючей размороженной рыбой. Неподалеку располагался туристский комплекс со столовой-стекляшкой. Наши путешественники сунулись туда и выскочили обратно. Ничего, кроме вареной колбасы с макаронами и салата из квашеной капусты не было. Опять полезли в рюкзаки и поели московского хлеба с сыром, запивая местной водой. На большом острове располагался некий совхоз. Люди вокруг занимались делом. Море вокруг острова было очень холодным, а жара стояла прямо тропическая. До отплытия еще оставалось часа четыре. Пошли по дороге и встретили женщину с бидоном молока, которая указала путь к лесному озеру. Вот это была сказка! Окруженное со всех сторон хвойным лесом, озеро было совершенно безлюдно. Вода в нем была цвета хорошо заваренного цейлонского чая и такая же прозрачная. На берегу теснились валуны, свидетели движения ледников. Девчонки отошли в сторону, чтобы помыть разные

места, а парни кинулись в воду. Женя с фырканием плескался в этой хвойной ванне и никак не желал выходить на берег. Саша деловито помылся с мылом, стоя почти по горло в воде. Как только вылезли, на них накинута туча комаров, так что пришлось спасаться почти бегом. Потом сидели на барже и ждали корабль. Таня вытащила альбом и стала набрасывать контур Соловецкого монастыря.

— Наша Таня опять мюзичирует, но у неё не очень получается, — насмешливо сказал Саша. Женя подошел, взглянул, поморщился и отошел. Таня начинала его раздражать.

Наконец, пришел катер и отвез их обратно в Кандалакшу. Опять тянулся бесконечно уже второй полярный день. Однако любому ожиданию когда-нибудь приходит конец. Пришел корабль, развозящий народ по южному побережью Кольского, и повез наших знакомых до села Кашкаранцы.

Какое блаженство оказаться в каюте и лечь после двух суток скитаний на чистую простыню, прислониться к чистой наволочке и заснуть сном праведника под гул машины, дающей движение кораблю! Женя почувствовал голод и обратился к опрятно одетой женщине на камбузе — мол, нет ли чего перекусить. Она дала ему кастрюлю с остатками чуть теплых флотских макарон. Это была такая вкуснота! Полностью удовлетворенный жизнью, он завалился спать. В половине шестого утра по московскому времени их разбудили и в лодке свезли на берег.

Весь берег был покрыт плоскими камнями красного песчаника, которые лежали словно черепица. Солнце возвращалось не спеша, и небо было окрашено в изумрудную синеву. Поселок еще спал. Колодезный журавль посередине улицы застыл в тишине. Наши охотники за аметистами пошли в поисках воинской части и быстро нашли её. Таня попросила стоявшего в наряде паренька проводить её к дежурному офицеру.

— Мне покидать пост не положено, а вы идите направо, там домик и там товарищ капитан Круглов Семен Павлович сидит, — сказал солдатик.

Таня ушла, а остальные присели на валуны, которые им оставил старый, ставший водой ледник. Женя не мог утерпеть и стал кружить вокруг забора воинской части, и вдруг издал восторженный возглас — на земле лежал кусок песчаника, покрытый сероватой корой кварца, на которой блестела ярко-фиолетовая аметистовая щетка.

— Нас могут подвезти, но машина будет не раньше двенадцати, то есть через четыре часа, — сказала вернувшаяся Таня. — Можно бы и по воде добраться, тут двадцать пять километров.

— Пойдем, поищем, нет ли у кого из местных моторки, — предложил Женя. — Заплатим или спиртику дадим...

— Нет, спирт нам нужен для дела, — решительно возразила Таня.

Поселковый народ уже проснулся. Послышались голоса, к журавлю подошла женщина с ведрами на коромысле. Запела бензопила. Охотники пошли на её пение и вскоре увидели крупного мужика в телогрейке. На вопрос о лодке он охотно ответил, что у него есть двухвёсельная дора и что по прямой до мыса Корабельного не более двадцати пяти верст. За аренду он запросил аж целых десять рублей.

— Что-то дороговато просишь! — воскликнул Женя

— Не дороже денег, — ответил мужик. — Мне еще потом её пригонять домой.

— А я, пожалуй, останусь и подожду машину, — сказала Лена.

— Ну, пошли, поглядим, как она выглядит, твоя дора, — сказал Женя.

Парни погрузили рюкзаки, сдвинули широкозадую лодку на воду, Таня села на корму. Весла болтались в веревочных уключинах, не давая нужного упора, но постепенно приспособились, начали равномерно грести. Старались, чтобы лодка не рыскала. Таня сидела на корме и командовала. Прошли один мыс, потом другой. Часы текли, но продвижение было

на редкость слабым. Привычка грести и запас сил был куда меньше, чем у местных рыбаков. Через четыре часа машина с Леной, махавшей косынкой из кузова, обогнала наших мореходов. Грести надоело. Саша снял брюки вылез из лодки и повел её по мелководью. Вода была совсем теплой и ласковой. Женя вылез из доры и пошел берегом. Таня сидела на корме в качестве пассажирки и развлекала Сашу песнями. Кромка берега моря была устлана нежнейшим песком. Это был просто божественный бесконечный пляж. В нескольких метрах от воды он ограничивался плитами буро-красного песчаника, которые безостановочно тянулись вдоль песка, как крепостная стена. Время от времени Женя проходил мимо журчавших ручьев, пробивших себе путь к морю сквозь песчаник. Вода в них была ледяной и с сильным привкусом железа. Спустя два с половиной часа Тане наскучило петь. Она взяла из рюкзака несколько вещей и ушла по дороге к Корабельному мысу. Вдохнув, Женя сел в лодку, и они опять заработали веслами.

Белое море это вам не Черное море. Что такое прилив и отлив, гости Кавказского побережья и Крыма не ощущают. А тут наши охотники за сокровищами гребли, гребли и вдруг почувствовали, что весла цепляют за дно. Не успели опомниться — вода ушла, и дора толстым задом села на песок. Женя чуть не заплакал, а Саша восхитился тишиной, свежим воздухом, закатом, который вот-вот сменится рассветом и редкой красоты пейзажем.

— Давай-ка, раз мы просохли, сыграем в канасту, — предложил он Жене. — Доставай карты.

Два часа они играли, потом пытались вздремнуть, но сон не шел. Спустя шесть часов, прилив снял их с мели, и они снова взялись за весла. Наконец, появился мыс Корабельный. Они миновали огромную глыбу песчаника, пересеченную фиолетовыми жилами флюорита, потом увидели сколоченный из досок навес и пристали к берегу. Вытащили из лодки рюкзаки и присели передохнуть. Тут Женя почувствовал, что сердце его колотится с невероятной скоростью, сейчас лопнет.

— Саш, что-то мне нехорошо, — еле-еле выдавил он и повалился на спину.

Друг взглянул на его сильно побледневшее лицо, заострившийся нос и испугался не на шутку.

— Ты чего, Жека! Возьми себя в руки! В твоей аптечке есть что-нибудь от сердца? Валидол? Щас погляжу. На, ешь!

Женя лежал, посасывал таблетку и мало-помалу приходил в себя. Сердце постепенно успокаивалось, проходило страшное ощущение, что вот сейчас оно не выдержит и разорвется. Саша взял два рюкзака и понес к конторе, её крыша виднелась вдалеке. Вернулся он с Леной, которая помогла Жене подняться и повела его по дороге, обхватив рукой. В полукилометре Женя уже различил поставленную девчонками палатку. Он шел так, словно ему на голову поставили налитый вином бокал, все боялся, что сердце снова начнет бешено колотиться.

Саша, пока он валялся и ковылял к палатке, уже сильно продвинулся в отношениях с Таней, часто повторял: «Остаться гордою хватило сил?», каждый раз вызывая на её лице улыбку.

— Так, Саня, вытащи из моего рюкзака палатку, там и колышки завернуты, — сказал он слабым голосом. — Потом возьми мой топорик и сделай рогатины для костра и стойки для палатки. Вон, рядом начинается сосняк, сруби несколько сосенок. Слава Богу, тут на берегу полно плавника. Я пока сварю всем гречневой каши.

Лена запротестовала, но он решительно сказал:

— Я сюда не болеть приехал, а аметисты добывать...

Отчего я такой хилый? — думал он, засыпая гречку в котелок и закрывая крышку. В детстве переболел всеми заразными болезнями, поступил на работу и через полгода схватил плеврит, потом перед защитой диссертации получил крупозное воспаление легких, а после него врачи нашли затемнение и стали пичкать какой-то дрянью под названием «ПАСК». Теща была этим оч-чень недовольна. Вот какой зятек болезненный попался!

Тут он вспомнил, как шел десятого сентября, в день рождения тещи из туберкулезного диспансера, получив очередной укол стрептомицина, зашел на рынок и купил букетик цветов. Сентябрь подарил очаровательный, светлый день, настроение было хорошее, спокойное. Он вошел в кухню и протянул букетик со словами «Поздравляю вас, Раиса Ефимовна». Та взглянула на него через плечо, сухо-кратко ответила: «Спасибо» и снова повернулась к плите. А он беззвучно проскользнул в шестиметровую комнатенку, которую им выделили родители жены.

Каша была готова. Лена попробовала и сказала, что каша прямо словно её мама сварила. Они уселись на бревно плавника и поели вдвоем. Саша с Таней пошли знакомиться с бригадиром рабочих, добывающих аметисты, и пропали надолго. Каша остыла. Женя заварил чай на двоих, они посидели еще с полчаса и отправились вздремнуть, каждый в свою палатку.

— Тут работают две бригады из Питера поочередно, — рассказывал Саша, вернувшись с прогулки. Они бурят шурфы, закладывают аммонит, взрывают и потом собирают выброшенные взрывом куски породы, покрытые аметистовыми щетками. При этом, как я понимаю, девяносто пять процентов минералов превращаются в непригодный лом, но скажи-ка, где у нас к природным богатствам относились по-хозяйски? Покупают у них эти щетки в Германии по двадцать марок за квадратный дециметр. Рабочие говорят, что просто за бесценок. Ну, что еще — бригадир сказал, что собирать образцы пород можно только после окончания взрывных работ и отбора рабочими лучшего товара для отсылки в Питер.

— А что Таня?

— А что ты хочешь узнать? Ну, погуляли в ближнем лесу. Сосны кругом маленькие, как в кукольном театре. Комаров много. Поэтому интим не получился, поиграли в танцы-шманцы-обниманцы. В основном отмахивались от наглых

насекомых. Рабочие сказали, что нам повезло, — мошка уже сошла на нет, не то бы мы узнали, почему фунт лиха. Смотри-ка, а ведь на берегу комаров совсем нет.

— Ладно, идите есть кашу, которую я сварил... Лена сказала, что вкусная, как дома у мамы.

Едва парни проснулись, вход в палатку зашевелился и в неё заглянули две обросшие щетиной хари, которые сказали полусшепотом, что разговор есть. Присевши у входа в палатку, они стали выворачивать карманы штанов и телогреек, доставая изумительной красоты аметистовые щетки всех оттенков, от бледно-сиреневого до темно-фиолетового, с ярким блеском незапыленных и незамутненных кристаллов. В этой куче находились и щетки дымчатого кварца, которые называют раух топазом.

— Что хотите за товар, — деловито спросил Женя.

Один из мужиков молча полез за пазуху и достал пустую четвертинку.

— У нас не водка, а чистый спирт, а потому я налью вам не полную, идет?

Мужики кивнули.

— Ладно, подождите. Мы сейчас вылезем.

Гости поднялись и деликатно отошли шагов на пять. Женя залез под надувной матрас, вытащил литровую бутылку из-под югославского вермута и налил около двухсот граммов спирта. Гости степенно удалились, а охотники, ахая от восхищения, принялись разглядывать свои сокровища. Однако была уже пора вставать, завтракать и уходить на собственную охоту. Девчонки уже поставили котелок на огонь. Быстро вылезли из палатки, сходили к ручью неподалеку, почистили зубы и к столу.

— У нас сегодня утром белый танец, — хохотнул Саша. — Таня с Леной приготовили нам завтрак и, наверное, помогут за нами миски.

— Все мужчины — трутни, — сказала Таня совершенно серьезно, — им нельзя давать спуска.

— Нет, я не согласна, — ответила Лена, одарив парней лучистым взглядом. — Наши мужчины очень заботливые и умелые. Нам безусловно повезло.

Девчонки пошли к огороженному забором входу в карьер, а парни двинулись берегом моря. Над ними раскинулось бледно-голубое небо, которое бороздили белыми кораблями мелкие крикливые чайки. Аметисты валялись всюду и на берегу, и в зоне прилива. Трение воды с песком съело огранку их кристаллов, но в воде они лежали, как фиолетовые кулоны и только вынув их из морской воды, можно было убедиться, что они потеряли свою первозданную красоту. Однако изредка в щелях между большими камнями охотники находили неразрушенные образцы с почти идеальными кристаллами. К палаткам возвращались по тропинке вдоль карликовых сосен. Чайка, наверное, выполнявшая роль часового, завидев их, стала орать и совершать над ними круги. Женя не выдержал и бросил в неё камень. Тогда она стала орать еще сильнее и на её зов явилось еще штук шесть подруг, которые начали пикировать на путников.

— Жека, меня чайка только что клюнула в голову, — удивленно сказал Саша.

— Ты посматривай, а то ненароком они и глаз могут попортить, — ответил приятель.

Они вышли прямо к домику, где жили старатели. Перед ним стоял сколоченный из досок стол и две длинных скамейки. Несколько рабочих сидели и дымили знаменитой «Примой». По их несвязному разговору Женя понял, что они хмельные, и удивился, где они могли разжиться спиртным. Таня говорила, что начальник партии категорически запретил ей поить рабочих. И так, мол, дисциплина в коллективе не ахти какая. Из разговора за столом он понял, что старатели ранним утром навестили девчонок и продали им за спирт аметисты.

— Мы тут горбатимся, нас жрет мошка, питание хуже лагерного, а они потом продают наше природное богатство немцам за бесценок, — возмущался один из них.

Вдруг один из сидевших напротив беззвучно повалился со скамейки на землю и затих.

— Что это с ним? — спросил Женя с тревогой.

— Ничего с ним не будет, — засмеялись товарищи. Он часто, когда выпьет, валится и спит. Скоро проснется, не бойсь!

Дни летели быстро. Вечерами Саша с Таней отправлялись на прогулку в сосняк, где целовались и обнимались, а Женя с Леной оставались у кострища и неторопливо беседовали о жизни в Черноголовке, академическом городке, где Московские институты АН СССР имели свои филиалы. Женя регулярно бывал там в конце лета и ходил по грибы, как правило, с кем-нибудь из знакомых. Добираться до городка было несложно, две остановки на метро и автобусом, который вез от автовокзала, находящегося рядом с метро «Щелковская».

Саша не был специалистом по завлечению женщин в любовные сети. Он не обладал музыкальным слухом, но пел дворовые песни, не любил и не читал поэзию, не рассказывал забавных историй. Он просто был молодой и сильный физически мужик, уже вкусивший некоторые прелести и многочисленные недостатки брачной жизни в квартире с родителями жены и расставшийся с молодой женой довольно скандальным образом. Жениться вторично ему совершенно не хотелось, а хотелось иметь женщину. Условия для этого в Москве были вполне подходящими. Он не так давно получил двухкомнатную квартиру на себя и маму как раз недалеко от метро Щелковская, а перед этим жил в одном из Арбатских переулков в старинном особнячке.

Таня заполняла тишину между поцелуями незатейливыми рассказами о своих бездетных тетушках, которые время от времени одаривали племянницу то золотым колечком с изумрудом, то золотой десяткой царского времени. Таня всё время что-то теряла. Это было известно всем окружающим, которые и называли её Тяпой-растяпой. Вот так она однажды оставила в телефонной будке кошелечек с золотыми подарками. Саша возмутился было такой беспечностью, ибо вырос

в ужасающей бедности и привык экономить каждую копейку, но Таня простодушно добавила:

— А может быть, я и не теряла тот кошелёк, может быть его у меня просто украли...

Тут он восхитился и поцеловал её долгим и страстным поцелуем.

У Тани квартиры в Москве не было. Её родители жили в Курском заповеднике, где её папа был директором, а мама служила украшением жизни и всё время что-нибудь готовила. Поэтому Таня после окончания университета поехала в Черноголовку, где ей дали комнату в общежитии. Там она и жила, несколько раз в неделю наезжая в Москву, в лабораторию академика Дмитрия Коржинского. Она участвовала в проведении экспериментов по синтезу минералов при высоких давлениях и температурах, и, вроде бы, что-то в этом смыслила, но рассказывать об этом не хотела.

— Скажи, Лена, а вы с Таней много наменяли аметистов на спирт? — спросил Женя.

— Таня поменяла, а у меня спирта нет, так что я сама стараюсь найти что-нибудь покрасивее.

— Так она с тобой не делится?

— Пока такого желания у неё нет.

— Вообще-то, это не по-дружески, — подумал Женя, но промолчал.

Поиски образцов продолжались. Таня ходила по карьере, приносила и другие минералы — бариты, флюориты. Саша нашел глыбу килограммов на пять, усыпанную со всех сторон кристаллами аметистов, хотя некоторые были разрушены, и непременно хотел взять её домой.

Несколько дней пролетели незаметно, и в обратный путь они ехали на грузовике, забравшем опечатанную партию товара на экспорт. Дорога называлась дорогой весьма условно, так как то и дело из неё торчали разной высоты глыбы камня, которые надо было аккуратно проезжать на минимальной скорости, чтобы не разбить машину. Так они проехали два-

дцать пять километров за четыре часа. С кораблем повезло, он пришел по расписанию. За ними прислали лодку и с двумя местными бабами они поплыли в городок Кемь. Оказалось, что в городке есть книжный магазин и гостиница для туристов. Белая ночь была великолепна. Женя с Сашей сидели на балконе своего номера и играли в канасту. Внизу туристы устроили танцы под музыку, льющуюся с потрескиваниями из приемника. В углу снятого номера покоился мешок с драгоценностями килограммов на сорок. Жизнь казалась прекрасной и бесконечной. Девчонки сидели в своем номере и ждали, когда их позовут на прогулку, но не дождались и завалились спать. Таня перед сном полистала купленный в местном книжном магазине томик стихов Федора Тютчева, но ей стало скоро совсем скучно, и она положила его под подушку.

В плацкартном вагоне Женя решил полюбопытствовать, что за стишки кропал поэт. Все-таки современник Пушкина... Вскоре он нашел стишок со строками:

*Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный...*

— Что за импотентская пошлятина! — завопил он на весь вагон. Что такое *скудельный*? «Погиб Поэт, невольник чести», — вот как надо писать! И виновники, царские прихлебай, названы. Скудельный! А фиал из чего сделан? — Тоже из глины.

Таня поглядела на него с верхней полки ненавидящим взглядом, но промолчала. Очень, очень Женя ей не нравился. «За какого же неотесанного болвана Сонька вышла замуж! — подумала она. — Слава богу, завтра расстанемся, и я его никогда больше не увижу».

Парни попрощались с девчонками, выходя из вагона на станции «Измайловская». Саша сунул Тане свой телефон и адрес и попросил звонить в любой день. Он, мол, для неё всегда свободен и готов услужить. Лена всё слышала, и сердце

её сжалось от обиды на жизнь. Вот, она такая хорошая, преданная, умелая, а никому не нужна. Она представила, как бы любила Сашу, обрати он на неё внимание. Женя её не занимал вовсе. Унылый какой-то... грубый. Совершенно не умеет общаться с женщинами, не умеет быть интересным. Кажется, завидует Саше.

Через две остановки девчонки вышли и направились на автовокзал. Им предстояло ждать автобуса и еще ехать целый час до академгородка в Черноголовке.

Парни, подхватив с двух сторон рюкзак с аметистами, пошли на квартиру к Жене, благо его Соня была в экспедиции на Алтае.

— Ты прими душ, а я пока сбегая в мясной и овощной, — сказал Женя. — Поедим хорошего супчика, а потом займемся камнями.

Женя был парень расторопный по кухонной части. Уже через полчаса он успел купить фасованного мяса с небольшой костью, связку лука, морковь и букет петрушки. И вот, порезанное на большие куски мясо уже варилось, он посолил суп и крепко поперчил. Саша, между тем, позвонил матери, но потом решил спокойно поесть и передохнуть накануне въедливого допроса и положил трубку. Однако через пару минут зазвонил телефон. Мария Львовна, мать Саши звонила Жене.

— Здравствуйте, Мария Львовна, мы только что приехали, — соврал Женя. Да, Саша здесь, передаю трубку.

— Материнское сердце-вещун, — пробормотал Саша, беря трубку. — Да, мама. Сейчас разложим аметисты, и я поеду домой. Да, мама. Все расскажу через пару часов. Всё в порядке.

Женя вытащил готовое, горячее мясо из бульона и разделил пополам. После скудной и убогой еды казалось, что сами боги послали охотникам за аметистами вознаграждение за труды. Оказалось, что хорошего куска мяса с наваристым бульоном вполне достаточно для полного счастья.

— Ффуххх! — Саша откинулся от стола. — Обожрался! Ну, давай вытащим нашу добычу и разделим. Только чур, тот бульжник я заранее беру себе. Он в дележе не участвует.

— Конечно, конечно!

Друзья стали вытаскивать из рюкзака аметистовые щетки и выкладывать их на постеленные на полу газеты. Получилось две сверкающих кристаллами дорожки.

— Ну, давай, отвернись, — сказал Женя. — Я указываю на одну из дорожек, а ты говоришь, чья она. Годится?

— Давай!

— Так. Кому?

— Тебе!

— Обернись! Твоя — левая.

— Всё. Я поехал давать отчет мамаше о нашей экспедиции. Камни заберу завтра. Возьму только мой любимый булыжник.

Саша ушел, а Женя стал прогуливаться вокруг аметистовых сокровищ, как кот возле сметаны. Вдруг ему показалось, что в одной дорожке больше красивых образцов, чем в другой. Он тут же стал перекладывать их так, чтобы в обеих дорожках их оказалось поровну. Для сохранения равновесия он откладывал менее красивые образцы в Сашину долю. При этом он не чувствовал никакого стыда совершенно. Саша приехал на следующий день, загрузил свой рюкзак, сказал, что спешит и ушел. Лицо его было печальным, и Женя не мог решить, заметил ли его друг подлюю подмену или нет. Сначала Женя переживал, его мучила совесть, но потом острота чувства ослабела, и он стал жить так, как будто ничего не случилось.

Через несколько дней он с другом пошел в парикмахерскую в центре Москвы, где Саше сделали из отросшей щетины замечательную бородку, как у испанского гранда, и он стал неотразимо красив. Женя тоже решал, сделать ли ему бородку, чтобы укрыть за ней раздвоенный подбородок, который он ненавидел, особенно когда на нем выскакивали гнойные прыщи, но не решился.

До конца отпуска оставалась еще неделя. Сильно покрасивевшие после парикмахерской друзья отправились в кафе, располагавшееся на первом этаже гостиницы «Москва».

Когда-то Мишка, друг Жени, привел его туда и угостил великолепным крешоном. Сейчас они заказали по бокалу этого великолепного изумрудного напитка и закусили шоколадными конфетами. Гуляй, братва!

— У меня есть идея, — сказал Саша. — Я сделаю двойную полку-витрину и разложу аметисты, чтобы любоваться ими в любое время, когда захочу, и гостям буду показывать. Предстоит много работы руками, и я этому рад, потому что в нашем институте я схожу с ума от безделья. Я не могу, как остальные, сидеть весь день, составляя письмо «На ваш номер — наш номер»... Вот только стеклить полку я не стану. Хлопотно и бессмысленно. Что аметистам делается?

— Наверное, Сашка не догадывается, что я подменил несколько аметистов, — подумал Женя и совершенно успокоился.

В отличие от Саши, Женя жил в семье жены при её родителях в крошечной отдельной комнатке площадью 6,25 квадратных метров. В гостиной, как положено у приличных людей, главное место занимала горка с хрустальными вещами и бокалами цветного стекла и стоял черно-белый телевизор. В спальне родителей, которая была вдвое больше, чем у молодых, потрясал своими размерами дубовый книжный шкаф со стеклянными дверями, забитый подписными изданиями. Короче — выставить коллекцию аметистов для наслаждения души и глаз было просто негде. Подумав, Женя рассовал свои сокровища по пустым коробкам из-под обуви. Прошло много лет, пока он не поступил в закрытую организацию и не стал получать большие деньги, позволившие отселить её родителей в кооперативную квартиру. Вот тогда-то он поставил этажерку посередине гостиной и выложил на неё самые лучшие аметистовые щетки, и проходящие друзья любовались ими, отрываясь ненадолго от закусок с выпивкой.

Таня в один из дней задержалась в Москве и решила позвонить Саше и попроситься переночевать. Он в полном вос-

торге прибежал к метро и повел к себе. Его мама уже угомонилась к этому времени, и они славно поужинали и выпили по бокалу «Цинандали». Потом они вспомнили, как целовались в сосновом лесу и снова поцеловались, а потом они на цыпочках прошли мимо маминой комнаты и предались любви. Тут Сашу постигло разочарование. Таня осталась холодной, как мрамор. По молодости и неопытности он считал, что его темперамента должно быть вполне достаточно, чтобы привести свою знакомую в восторг, а оказалось, что её нужно разогреть, ласкать, нежить. Этому его никто не учил. Таня была усталой, ей очень хотелось спать, и она сразу же после эротики заснула, предупредив его, чтобы он разбудил её в половине шестого, чтобы успеть на первый автобус в Черноголовку.

— Кто это к тебе, на ночь глядя, припёрся? — недовольно спросила мама. — Разбудили меня ни свет, ни заря.

— Послушайте, матушка, я уже давно взрослый человек, был женат, развелся, мне нужна женщина. Куда мне её вести? Или прикажете в подъезде заниматься сексом? Я прошу вас больше меня по этому вопросу не беспокоить. Надоело вот так! — Саша провел ребром ладони по горлу.

Мама с ворчанием поползла в свою комнату.

— Я хотел бы еще довести до вашего сведения, что денег на кооперативную квартиру для вас у меня нет, так что предстоит как-то ужиться со мной и с моими дурными наклонностями, — добавил Саша ей вдогонку.

В ответ мама сильно прихлопнула дверь.

В следующую пятницу Таня позвонила и пришла к ужину. Саша опять встретил её у метро и, на пороге квартиры, представил маме. Та довольно холодно поздоровалась с гостьей и, взяв кружку с чаем и пару пряников, ушла в свою комнату.

— Твоя мама недовольна, может мне уйти? — спросила Таня.

— Ни в коем случае! — громко сказал Саша. — Я так тебя ждал. Ведь ценность нашей жизни в общении с любимыми людьми. А старики забыли о том времени, когда они сами

были молодыми. Ведь у каждого поколения очень краткий период цветения. Извини, я, кажется, говорю стихами.

— Ну, ты совсем не похож на поэта, — усмехнулась Таня. Да если посмотреть, у тебя на полках всё проза, даже Пушкина нет, не говоря уж о Цветаевой или Пастернаке. А по правде, чем ты увлечен?

— Тобою!

— Я серьезно спрашиваю.

— Знаешь, когда я поступал на мехмат для инженеров в университет, я решал тысячи задач, чтобы не провалиться на экзаменах. И даже после окончания двухгодичного обучения я обожаю решать задачи. Это спасает мой мозг от идиотизма, царящего в нашем НИИ. У каждого своё хобби.

— Теперь я понимаю, какой ты умный.

— Я не только умный, но и страстный...

Таня тут же умолкла, и они закончили ужин в молчании. Потом опять была эротика и опять Саша никак не мог взять в толк, почему Таня холодна.

Постепенно мама привыкла видеть Таню и однажды в дождливый вечер встретила её в дверях и улыбнулась.

Женя с Сашей иногда бывали друг у друга еще со студенческих лет. В выходные они часто гуляли в лесах вокруг Московской кольцевой дороги, а зимой нередко катались там на лыжах. В этот раз Саша зазвал Женю к себе, и его мама угостила их отлично запеченной уткой. Она вообще очень благоволила к Жене, ей нравилось, что он умеет вести дом, хорошо готовит и смеялась, когда он говорил о себе:

— Я обыкновенный кухонный мужик.

В этот раз мама Саши сказала, что у них появилась хорошенькая молодая женщина Таня, которая очень интеллигентного вида.

— Таня очень любит музицировать, но это внутри у неё, а снаружи она какая-то вялая, анемичная, полусонная, не могу найти точное определение, — сказал Саша Жене и в голосе у него прозвучала легкая досада. — После обладания

возникает длительная пауза, которая для меня мучительна. Никак не найду, о чем с ней говорить. Вот, пригласила в гости. В субботу с утречка поеду.

— Ты тяготишься своей свободой. Привык к супружеской упряжке и не знаешь, чем себя занять. Слушай, вокруг Москвы полно карьеров с чудесными образцами минералов — и Голутвин, и Щелково, и другие места. Возьми в библиотеке справочник, можем вместе поехать, подышим свежим воздухом.

— Это идея. Займусь после выходных.

В Черноголовке Саша легко нашел общежитие, которое на самом деле было системой однокомнатных квартир, так что у каждого жильца был свой санузел, только кухня была общей с соседями. Войдя в её жилище, Саша был удивлен царившим в комнате беспорядком.

— Тань, а Тань, к тебе мужик в гости пришел, что же ты развела такой бардак в своей квартире! Кстати, а где твои аметисты?

— Вон там, в рюкзаке.

— Так ведь уже семь месяцев прошло. Хочешь, я тебе полку сделаю, чтобы их красиво выставить?

— Нет, не надо. Не сейчас. У меня много дел.

— Какие еще дела! Давай я помогу тебе навести порядок. А чем ты собираешься меня угощать?

— А мы ходим в магазин и что-нибудь купим...

— Да не надо, я с собой бутерброды взял, сок, два огурца. У тебя вино есть?

— Нет.

— Ну, поставь чай, что ли.

— Хорошо.

Таня включила электрический чайник. Тон Саши ей страшно не понравился. Она привыкла жить обособленной жизнью. Работа её интересовала мало. Она мечтала написать книгу об окружении знаменитых русских поэтов, об истоках их творчества, об их взаимоотношениях. Макс Волошин ка-

зался ей образцом человеколюбия. Саша на его фоне казался грубым и примитивным. Когда он полез к ней с нежностями, она передернула плечами:

— Я сегодня не могу, у меня критические дни.

Гость сегодня был ей настолько неприятен, что она с трудом дождалась, пока он доест бутерброды, и проводила его до автобуса.

Хотя Лена живо интересовалась её романом, Таня была очень сдержанна, но после грубой критики её жизненного уклада она с досадой сказала Лене, что Саша ей совершенно разонравился, что он невоспитан, ничего не смыслит в живописи и в поэзии, чавкает, когда ест, не умеет пользоваться ножом и вилкой и прочее, и прочее.

— Тогда позволь мне навестить его,— сказала Лена.— Он мне очень нравится.

— Да, пожалуйста. Вот его телефон. Звони и навещай. Мне не жалко.

— Ой, спасибо, Танечка.

Нельзя сказать, что Саша сильно сокрушался по поводу внезапно прекратившихся визитов Тани. Ему не приходило на ум, что его слова могли привести к разрыву отношений. Не то, чтобы его раздражала непрактичность Тани, но её бледная улыбка, тихий голос, который она никогда не повышала, холодность в постели. Он сравнивал её впоследствии в разговоре с Женей со слишком сильно вымоченной селедкой, в которой не осталось никакого вкуса, только слабый запах сырости.

Поздний звонок Лены его приятно удивил. Он быстренько собрался, благо на дворе уже вовсю царил и цвел май, и выбежал к метро встретить гостью. По дороге к дому они едва обменялись двумя десятками фраз. Обоим было понятна цель ночного визита. Едва захлопнулась дверь, они слились в быстром и жадном поцелуе. Мама, наверное, уже спала за дверью. Саша сделал знак, мол, потише, и они на цыпочках

прошли в его комнату. Когда Саша, не тратя времени на комплименты, стал её раздевать, она дрожала, как в лихорадке и, спустя минуту, уже тихонько постанывала от давно ожидаемого блаженства.

— Лёд и пламень, — мелькнули в голове Саши образы столь разных по темпераменту подруг.

Финал был настолько бурным, что Саша стал опасаться внезапного появления матушки на пороге комнаты. Однако всё обошлось. За ночь они просыпались для любви ещё два раза. После быстрого завтрака он проводил её на автобус и не спеша поехал в институт. В теле осталась сладкая истома и к обеду он даже стал подремывать над статьёй о термостойких резинах. Вечером позвонила Лена и прямо сказала ему, что вчера была абсолютно счастлива в первый раз в жизни. Приглашала в гости в воскресенье, сказала, что угостит его изысканным армянским блюдом.

— А чего не поехать? — подумал Саша и дал согласие.

С большим букетом лесных фиалок, которые пахли, как целый парфюмерный магазин, и бутылкой шампанского он позвонил и в ту же секунду Лена открыла и порывисто обняла его, наверное, сторожила его появление из окна.

— Вот мои любимые цветы, — сказал он просто, — а шампанское надо сразу положить в морозильник.

— Спасибо, Сашенька, а вот моя мама, её зовут Гаяне. Как хорошо, что ты не опоздал к обеду. У нас сегодня долма в виноградных листьях, фаршированный перец и много других вкусных вещей.

— У вас такая же квартира, как у меня, только спальня побольше. А! Вот они, наши аметисты. Ты хорошо придумала, что поставила их перед книгами, мы ведь нечасто ими пользуемся. В каждом интеллигентном доме должен быть книжный шкаф, набитый битком классиками. Так уж повелось.

— Ты прав, — обе женщины засмеялись.

— Ваши цветы, Саша, совершенно изысканные, это не простонародные «фиалки», — сказала Гаяне, — а настоящая северная орхидея, и её зовут Лесная Красавица.

— Мама всё знает про растения, она заканчивала биофак университета.

— Вокруг Черноголовки хвойные леса и мы с Леной, если позволяет погода, ходим туда, как в музей, и всегда открываем для себя что-то новое и удивительное.

Так они посидели с часок, потом мама пошла погулять, проветриться, а молодежь занялась молодыми делами. Потом мама вернулась и подала к чаю сырое варенье из ягод шиповника, перетертых с сахаром. Вкус был настолько потрясающим, что Саша загорелся желанием сделать такое же. Он вспомнил, что в своих прогулках по лесам, окружающим Московскую кольцевую дорогу он к концу лета набредал на заросли шиповника, усеянного красно-оранжевыми ягодами.

После чая Лена проводила гостя на автобус и в прекрасном настроении они расстались. Их отношения длились довольно долго, и Лена уже начала надеяться, что сможет свить семейное гнездо, но в Сашином институте появилась очень молодая девушка, чей муж был призван в армию. Звали девушку Надя. Она очень тосковала, оставшись одна, и Саша очень быстро стал её утешителем.

Спустя месяц он уже не мог без неё прожить и дня. Мамаша делала ему сцены, орала, что он развратник, но он ничего не слышал. Однажды Лена, чуя недоброе, появилась у него без предварительного звонка. Он только-только успел проводить Надю и сидел совершенно опустошенный и расслабленный.

— Знаешь Лена, я не могу тебя сегодня принять, — сказал он слабым голосом. — Поезжай-ка ты домой и жди моего звонка. Я тебе позвоню, когда выяснится один вопрос. Нет, ты ничего пока не спрашивай. Я позвоню.

Спустя года полтора, в один из морозных ноябрьских выходных дней, когда снег еще не засыпал лесные дорожки, он, как обычно, встретился с Женей и тот выслушал долгую историю его трагической любви от начала до конца. Жизнь, увы, способна иногда *преподносить* нам такие подарки.

— Помнишь, я тебе как-то рассказывал, что у меня завелась забавная девчонка?

— А как же Таня?

— Таню я давно сменил на Лену, а Лена мне тоже надоела.

— Ну, ты и мастер любовных приключений, вылитый Казанова.

— Знаешь, что меня раздражает в отношениях с бабами? Стоит сблизиться, как она начинает тебе докладывать о своих женских проблемах. Какое мне дело, когда у неё месячные или что она хочет пи-пи!

— А как бы ты хотел? После близости возникает душевная близость, вы становитесь как бы родственниками... Ты должен умиляться, что тебе доверяют интимные тайны.

— Да погоди ты. Так вот, я вчера узнал, что её больше нет на свете. Не перебивай. Я не могу простить себе, что оттолкнул её как раз тогда, когда она нуждалась в поддержке. Мы иногда ссорились. Вернее, ссорился я, а она смотрела на меня, явно не понимая, что меня бесит. Я же не мог простить ей легкомыслия, с которым она отдавалась другим. Я орал, чтобы она сделала выбор и что я не намерен делить её с кем-то.

Знаешь, у неё внутри просто бушевало пламя. В сравнении с ней все мои бабы — и бывшая жена, и Таня, и Лена просто никакие. Она не была красивой, но прекрасно сложена. Мы быстро познакомились и уже через день я привел её к себе. Мамаша глядела на меня волком и шипела, как гадюка, но я отправил её к себе, накрыл сервировочный столик и укатил в свою комнату. Мы славно попирировали, а потом началось такое, что я почти год прожил, как во хмелю. Я не мог спокойно дожидаться её прихода и выбегал ей навстречу.

Она надевала потрясающие чулки. Когда она оставалась в одних этих чулках, я чувствовал, что страсть сжигает мои внутренности.

Мамаша устраивала мне периодически истерики с сердечными каплями, но я посылал её ко всем чертям.

Однако моему блаженству пришел конец. До меня на работе дополз слушок, что она утешает не только меня. Мне

было досадно, что мы стали мишенью острот сослуживцев, созерцавших наше трио. Я вспыхнул, наговорил ей грубостей и сказал, что видеть её больше не желаю.

В результате у меня освободилась масса времени. Я стал ходить в группу тенниса, написал несколько статей. Жизнь, как говорится, вошла в нормальную колею. Однако моё сердце, моё тело тосковало по этой волшебнице. И вот, в один из дней я заглянул в перерыве в соседнюю лабораторию. Она сидела у телефона, наверное, ждала звонка. Я взглянул на её одинокую фигурку, моё сердце переполнило жалось и я сказал:

— Приходи ко мне сегодня.

Знаешь, — это был праздник праздников.

Её тело напоминало чувствительный музыкальный инструмент, который моментально отзывается на каждое прикосновение. Однажды мы ранней весной гуляли в нашем лесу. Я прижал её к себе, погладил грудь, и она тут же прошептала:

— Мне очень хочется...

И я в полном восхищении занялся с нею любовью стоя и чувствовал себя молодым и счастливым. Мы стояли рядом с шоссе и нас могли легко заметить, но любовь заставляет совершать безрассудства. Иногда мы попадали в ситуации, которые могли стать украшением комедийных фильмов. Однажды мы пристроились на пригорке. В низинах еще было сыро. И вдруг в самый восхитительный момент я потерял равновесие и скатился в холодную лесную лужу, исцарапался и испачкался талой землей. Когда я вновь взобрался на пригорок, мы стали умирать от хохота.

И все-таки я с ней расстался. Мне была невыносима мысль, что она может прийти ко мне от другого. Тогда же мне предложили перейти с повышением в авиационный институт, и я воспользовался этим, чтобы прекратить нашу связь. Она мне звонила, но я всегда говорил, что у меня много работы, мне некогда. Так оно и было. Звонки прекратились.

Вдруг два месяца назад она позвонила и настойчиво запрашивалась в гости. К этому времени я почти избавился от её чар и разговаривал с нею иронически. Спросил, чем вы-

зван её звонок. Она довольно небрежно отвечала, что ей стало скучно. Тогда я холодно посоветовал ей развлечься с любимым из её поклонников. Она помолчала и повесила трубку.

Как выяснилось, вернулся из армии муж. Ему тут же донесли о её похождениях. Он выгнал её с чемоданом и пригрозил, что убьет, если встретит на улице. Она пошла к отцу. Мать её рано умерла. Отец работал в отделе контроля на оборонном заводе, был человеком жестким. Муж успел позвонить ему и рассказать об её похождениях, так что он даже не открыл ей дверь. Она стала ночевать у подруг и у бывших своих почитателей, но всем это быстро надоело. Бывало, что она ходила ночами по улицам или спала на вокзалах. В одну из ночей грузовик с прицепом сбил её на повороте, размозжив ей голову.

Вот и вся история её жизни. Я виноват, что не пришел ей на помощь, получив от неё столько радости.

— Твои сожаления скоро пройдут. Время всё лечит, — ответил Женя, чувствуя зависть к другу-счастливчику, потому что он сам вел жизнь типичного подкаблучника. Немногими радостями его были походы по субботам в книжный магазин и преферанс по четвергам. Саша игрой в карты, особенно на деньги, не интересовался, азарт ему был совершенно чужд.

— Если я выиграю пять рублей у друга, я его огорчу, — говорил он, — а если проиграю пять рублей, то сам сильно огорчусь, так что в вашей игре ничего хорошего нет. Бездарно потраченное время.

Завидовал ли Женя Саше по-серьезному? Скорее всего — нет. Он его любил и понимал, что его друг от природы умнее, талантливее. Не зря профессор Кошелев пригласил его в аспирантуру сразу после окончания института. Женя умнел очень медленно. Позже, гораздо позже Женя слушал вечерами лекции известного антрополога по Интернету и узнал, что перед *Homo Sapiens* или, может быть, одновременно с Ним существовал человек, который тоже был разумным, но развивался гораздо медленнее в смысле разума. Если нынешний

человек к семи-восьми годам уже имеет вполне развитый мозг (процентов на 80–90), то тот догонял нашего *Homo* лишь к восемнадцати-двадцати годам, а жизнь человеческая тогда была очень коротка, каждый год на счету. Вот и получилась из соперника нашего *Homo Sapiens* тупиковая ветвь.

Так уж сложилось, что Жене адски повезло. С подачи Саши он поступил в институт академии наук СССР и там взял то, чего ему не доставало в умении и образовании. Медленно, шаг за шагом он продвигался вперед, пока не стал похож на исследователя по сути, а не по регалиям. А Сашина Фортуна неожиданно отвернулась от него навсегда. И кончилось дело тем, что он уехал со второй женой в Израиль, где всё равно не смог устроиться на соответствующую его способностям работу.

Женя часто звонил ему, дружба, вроде бы, не прерывалась, тем более, что квартиру Саша не продал и каждое лето приезжал на грибной сезон. Женя тогда часто с ним встречался. Всё в квартире оставалось таким же, как и до отъезда. Те же полки с аметистами и другими минералами, тот же книжный шкаф с милыми сердцу книгами. Мамаша умерла еще до отъезда, Саша стал единоличным владельцем квартиры. Его жена всё хотела сдать её в аренду, но Саша был резко против: съемщики не станут поддерживать чистоту и порядок, после них надо будет заново делать ремонт, а ему хочется приехать и отдохнуть от Израильской бесконечной жары.

А время жить неумолимо сокращалось. Женя стал, наконец, обыкновенным доктором наук, потом написал пару книжек. Одну по специальности, а другую о своих друзьях, вполне художественную. Один экземпляр послал Саше в Хайфу с самыми теплыми пожеланиями. Книжка о друзьях раскупалась слабо, и Женя решил дарить её так же, как когда-то раздаривал аметисты. Понравился человек — вот ему в подарок книжка с хорошими пожеланиями. Однажды он зашел в музей Цветаевой на Арбате и предложил заведующей книжным киоском пару своих книг, пусть, мол, почитает и возьмет

для распространения, если понравится. Попрощавшись, он повернулся и вдруг увидел Таню. Встретились через двадцать пять лет и улыбнулись друг другу. Оказалось, что Таня работает в музее научным сотрудником, готовит к публикации свою книгу о поэтах первой четверти века и их окружении. Пообещала посмотреть книгу Жени. Простились прямо-таки ласково.

— Аметисты сохранились? — спросил Женя на прощанье.

— Куда там! Сын утащил в школу почти всю коллекцию.

— У меня тоже сохранилось всего пять-шесть образцов. Всё течет, всё утекает в воронку, образованную временем. Только у Саши в московской квартире еще стоит целая витрина, как в минералогическом музее, а сам он уже шесть лет, как живет в Хайфе. Пока еще работает.

— Кем?

— Что-то среднее между уборщиком мусора и грузчиком в фармацевтической фирме.

— Жаль. Такой талантливый человек был.

— Ну, пока. Бог даст, скоро увидимся. Я привезу пачку своих книжек. Если понравится текст, то отдам бесплатно.

Прошло еще десять лет. Женя тоже уехал из России. Жил в Мюнхене скромно, на пенсию. Непрерывно писал и издавал мелким тиражом свои воспоминания, рассылал своим друзьям и знакомым. Звонил Саше, который стал серьезно болеть. Однажды в разговоре Саша с горечью сказал:

— Прожил я свою жизнь совершенно бездарно.

— Почему же бездарно? — возразил Женя. — Родил двоих пацанов, защитил кандидатскую, сменил наше угрюмое отечество на процветающую страну.

— Вот ты стал доктором наук, уже пять книг написал, я в Интернете видел твою фамилию, ты теперь известный писатель.

— Я никому не известный писатель, — ответил Женя, — и занимаюсь этим делом, чтобы держать свои мозги на определенном уровне, не впасть в маразм от безделья. А ты был

и есть умнейший человек из тех, кого я знаю, и никогда мне не достичь твоего уровня.

— Бросай пустое враньё... Я тут вспомнил, как ты подменил аметисты в моей части коллекции.

— Но ты ведь меня простил? Я покаялся в одной из моих книжек. Я послал её тебе в прошлом году.

— Знаешь, Жека, ты мне больше не звони. Тяжело мне говорить о несостоявшейся жизни, а еще тяжелее рассказывать про свои болезни, да и про чужие слушать не хочется. Вот. Не звони.

Бывший доктор наук, мало кому известный русскоязычный писатель, автор пяти книжек рассказов Евгений Михайлович Плаксин молча положил трубку.

БАЛЛАДА О ДЕРЕВЕНСКОЙ УБОРНОЙ

Все началось с мечты. Лет с двадцати пяти Василич часто представлял себе домик в деревне, в котором можно отдыхать летом и обязательно, чтобы недалеко был лес, полный грибов, земляники, малины и лещины. Мечтать надо. В нашей стране этот глагол был одним из самых дорогих сердцу советского человека, он часто встречался в наших песнях. Однако, что касается Василича, — это были сновидения наподобие Обломовских или даже Маниловских, потому что практически строить свою жизнь он совершенно не умел. В бытовом смысле он был полный дурак и годился только для мытья посуды и хождения на рынок за картошкой, которую, в конце концов научился неплохо выбирать. По специальности он был никем (якобы теоретиком по строению больших молекул), а учили его в институте делать галоши и резиновые сапоги. Ну, вы, разумеется, понимаете, что никаких молекул на самом деле нет, потому что их никто никогда не видел, разве что ДНК под электронным микроскопом и то не самую молекулу, а её тень, потому что у них, то есть у молекул, нет поверхности, так что и глядеть-то, в общем, не на что.

Так бы он и жил со своей мечтой, таскаясь в переполненных электричках с такими же бедолагами в грибной сезон по Подмосковным лесам, если бы не узнал от друга своего отца Ильи Ильича, что его родня в Смоленской области продала ему большой дом за гроши, и там еще есть один домишко, еще не проданный. Все это он узнал, сидя за праздничным столом, после третьей рюмки и тут же попросил Илью Ильича замолвить за него словечко, чтобы домик не уплыл в чужие

руки. У Ильи Ильича была машина, но он был страшно занятой человек, заместитель директора института, доктор технических наук и преподаватель в заочном институте, названия которого теперь уж никто и не вспомнит. Короче — отвезти Василича в деревню он никак не мог, но его жена Галина однажды сжалилась и взяла Василича с собой в микроавтобус, который подвозил еще троих желающих присмотреть домик, а заодно и набрать грибов, так как сезон был в разгаре. Василич вез на себе 750 рубликов, так как цену ему уже сказали заранее. Все внутри у него пело и ликовало. Они сбросили вещи у Галины и налегке пошли покупать дом.

Хозяйка Катя оказалась веселой и энергичной женщиной. Потом выяснилось, что её веселье было вызвано изрядной порцией самогона, который она гнала за день до приезда покупателя. Быстренько позвали соседку-свидетельницу купли-продажи, Василич достал пачку и после расписки вручил Кате всю сумму с её обещанием, что к его приезду весной она непременно вымоет избу и сени и вообще приберется. Ночевать в запущенной, воняющей сыростью избе он и не собирался, переночевал у Галины.

Пора, однако, объяснить внимательному читателю, почему в имени героя отсутствует мягкий знак. Дело в том, что местный деревенский народ не любит напрягать свой речевой аппарат, ломать язык, а так имя даже ласковей звучит, словно тонкий ручеек льется...

Строго говоря, Василич за свои денежки купил кучу деревянного хлама, кое-как сбитого проржавевшими гвоздями. Гвозди были везде в астрономических количествах. Старики, которые бедовали в этой хижине до самой смерти, утепляли горницу кусками изношенных ватников, которые прибивали снаружи к хлипкой и скрипучей входной двери. Все, что могло висеть внутри избы, висело на разномастных гвоздях. Для тепла старики засыпали под крышу солому с половой, которая в результате таяния снега и дождей совершенно перепрела и изрядно смердела, потому что крыша была дырявой

в нескольких местах. Венцы нижних бревен тоже почти развалились от вечной сырости. Но дело было не в лачуге, вблизи которой не было даже разбитого корыта, а в том потрясающем сосновом бору, который начинался буквально в трехстах метрах, и в том упоительном воздухе, который пронесился над лесом, полем и сказочно чистой Угрой и вливался мощным потоком в убогую деревенскую улицу, напоминавшую грязную, хлюпающую под ногами канаву, которую беспечные строители забыли засыпать песком и щебнем.

Однако хватит лирики. В самом начале домовладения Василич вообще не хотел, чтобы рядом с домом воняла уборная, хоть и с собственными фекалиями. Он в случае серьезной надобности брал садовую лопаточку и отправлялся через дорогу, что шла параллельно лесу мимо поля, на котором часто выращивали кормовой люпин. Он садился на краю поля и под тихое пение комаров в два копка делал аккуратную ямку, где и хоронил свои бранные отходы.

Его друзья были такими же бедняками-идеалистами. Автомобиля ни у кого не было. Они добирались с Василичем из Москвы за девять часов дороги: метро-вокзал-автобус и час пешком вдоль Угры. Им нравилось побыть в тишине и безлюдье, и они принимали условие не гадить возле дома. Так продолжалось шесть сезонов, пока в гости не пожаловала сестра Василича с мужем и дочкой. Они приехали на отцовском «Запорожце» и после трех дней мотаний через поле с лопаткой в руке муж сестры Михалыч сказал, что так жить дальше нельзя. Надо строить туалет.

В гостях у Василича в это время был закадычный друг Максич, который тут же предложил свои услуги, потому что неплохо держал в руках топор, не раз бывая по молодости в геологических отрядах. Вот так сошлись за полезным делом два с половиной еврея, так как Василич считался полукровкой. Однако в деревне об этом не знали и держали за своего, отчего и звали его на свой простецкий манер без мягкого знака. Все три строителя имели дипломы «кандидата наук»,

но настоящим технарем был Михалыч, он значился специалистом по горному оборудованию. Кроме того, он был моложе на десять лет и очень амбициозен.

Однако туалет без досок не построишь, так что пришлось Василичу идти на поклон к Кате, которую он по своей интеллигентской привычке величал Екатериной Степановной, а она очень конфузилась, когда он её так величал, но звать её по имени никак не мог. Во дворе у Кати как раз в это время лежала огромная куча горбыля и стеллаж недавно нарезанных досок, так что она легко согласилась помочь, причем бесплатно.

Выбрать место для строительства было совсем несложно. Еще в 1941 году местность служила ареной кровопролитных боев наступающего Вермахта и цепляющейся за неровности рельефа отступающей Красной армии. Тут и там на поле за домом виднелись воронки от бомб, успевшие заплыть, зарости травой за тридцать восемь лет. Местное население использовало эти язвы войны в качестве емкостей для бытового мусора и камней, которыми была напичкана с избытком песчаная почва Смоленщины.

Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается. Сначала Василич взял поганое ведро и полез в воронку. Оттуда он подавал полное ведро с камнями в крепкие молодые руки Михалыча и ждал, пока тот опростает ведро в отдаленном месте. Максыч по обыкновению курил и не спешил прийти на помощь, пока не попросят. Очистив воронку от мусора, кандидаты наук отправились в сосновый бор, где быстро нашли попиленные местным народом сосны. Пару трехметровых бревен уложили на тележку и привезли во двор. Теперь нужно было заглубить их в грунт, чтобы будущая будка уборной не качалась при обитании в ней человека.

Еще было нужно изготовить четыре вертикальных брусья, к которым пришивать доски — и помещение готово. Но поскольку деревообрабатывающей фабрики поблизости не было, Василич с топором, Михалыч с пилой и Максыч с мотком бельевой веревки снова пошли в бор. Молодые сосны,

растущие в глубине, всегда отличаются изумительной прямизной. Это вам не корявая береза или, тем более, дуб. Сосен в бору много. Нашли четыре красавицы со стволами где-то около десяти сантиметров в поперечнике и вжик-вжик пилой, чик-чик топором — лишили их жизни и красоты, потом заострили в виде кольев и, принеся во двор, забили в грунт, пришив к горизонтальным бревнам, мощными гвоздями. Ошкуривать не стали, потому как смола сама будет бороться с гниением.

Теперь настала пора Василичу нести доски с Катиного двора. Сперва соорудили заднюю стенку. На нее ушло четыре доски. Горбылями прибили поперечины в трех местах, а края закрепили гвоздями к угловым кольям. Теперь нужно было выстлать пол под стульчаком. Василич опять ушел за досками и принес еще четыре штуки. Предварительно набили горбыли на несущие и полузакопанные мощные бревна, так что доски легли идеально, ни одна не качалась. Потом Василич сбегал в избу за плотницким карандашом и очень красиво изобразил очко на двух досках — по пол-очка на каждую. У него были способности к художеству. Сосна — дерево мягкое, ласковое. Гвозди входили в неё, как мужчина в женщину. Потом все по очереди посидели на стульчаке и нашли это состояние близким к блаженству, благо все уже подустали. Михалыч перед этим самолично измерил необходимую высоту, чтобы можно было с комфортом посидеть и даже почитать книжицу. Для возведения двух боковин будущего кабинета мечтаний Василич опять отправился на Катин двор и принес еще восемь досок. Катерина Степановна в это время отдыхала на скамеечке после уборки коровника, и Василич старался на неё не смотреть, ибо ему было стыдно, что он не заставил её взять вперед хоть немного денег. Пока он пыхтел с досками, его напарники вовсе не спешили ему помочь, а напротив, вызывающе праздно валялись на траве, причем Максыч курил и листал *покетбук* на английском, поскольку он преподавал язык в пединституте и должен был поддерживать «спортивную» форму.

Наконец настала очередь передней стенки с дверью. Василич робко приблизился к стеллажу и потянул очередные четыре доски. Тут он встретился взглядом с Катей, и она ему сказала:

— Василич, вы ведь строите не дом и не сарай, это ж уборная!

— Это в последний раз, Катерина Степановна, не сердитесь на меня.

— А я на вас не сердюсь.

— Катерина Степановна, а горбыля можно будет у вас взять?

— Горбыля возьмите.

— Спасибо вам большое за помощь!

При виде последних досок Михалыч сильно воодушевился. Вспомнил, как в студентах строил коровник. Он уселся с важным видом, достал листок бумаги и плотницким карандашом нарисовал дверь и раскрой досок. Потом начальственным тоном погнал Василича за дверными петлями, а Максыча пригласил на распиловку. Максыч быстро устал и попросил Василича сменить его. Кроме того, его раздражал командирский тон Михалыча. Василичу по наследству от стариков досталась отлично разведенная пила, а козлы он смастерил сам, чем гордился — вот, мол, и мы — теоретики чего-то можем! Заметим в скобках, что он вовсе не был таким уж безруким, каким его представляла друзьям и знакомым его воинственная супруга.

Михалыч сгонял его еще раз к Кате за горбылем, чтобы сбить доски, потом они выволокли лестницу и рулон рубероида, который вызывал у Василича хроническую ненависть. Когда-то он за пол-литра спирта договорился с работягами в его конторе по поводу этого рулона. По виду никогда и никто бы не догадался, что этот рулон, который должен просто лежать и не пропускать воду, может весить под тридцать килограммов. Пока Василич тащил его от своего института до метро и от метро до дома, два раза по шесть минут ходьбы,

он всё проклял. К счастью, однажды Илья Ильич согласился подбросить рубероид на своей машине. И вот теперь настало, наконец, время покрыть крышу туалета приобретенным за спирт трофеем.

Максыч, оказывается, не сидел эгоистически с книжицей, а стругал кусок доски тупым кухонным ножом и, в конце концов, сделал вертушку, которую торжественно приколотил к правой лицевой доске и продемонстрировал свою работу пришедшей сестре Василича и малышке Катюше. Теперь все могли поочередно зайти в туалет и оценить работу. Василич зашел последним, держа в руках распиленное пополам сиденье для унитаза, которое самолично пробил насквозь заранее, чтобы не повредить горизонтальные доски. После ухода женской половины Михалыч испытал строение, пустив пробную струю.

Все ушли на предобеденный отдых в избу, а Василич остался в туалете и восхитился тишиной, обилием свежего воздуха с запахом смолистых сосновых досок. Сквозь щели проникало столько света, что можно было, комфортно сидя, читать газету. Фанерное сиденье предохраняло от опасности загнать занозу в попу. Возникало недостижимое в марксистской практике единство слияния города с деревней.

Но вот, гости разъехались. Максыч, который собирался пробыть еще с неделю, соблазнился перспективой добраться до Москвы на «Запорожце» и тоже отбыл. Василичу сразу стало тошно от одиночества. Карманный приемничек, который беспрерывно гнал советские оптимистические новости, был его единственным утешителем, не умолкая даже ночью. Вскоре он понял, что надо срочно заняться делом, иначе совсем свихнешься от безделья. Катя объяснила, как достать доски в лесничестве, и, купив две поллитровки на центральной усадьбе, Василич пошел знакомиться с начальством.

Пахомыч, черноволосый, белозубый и улыбчивый начальник лесничества, увидев поллитровки, так вдохновился, что позвал парня и велел напилить гостю двадцать досок, пока

он оформит накладную. Он же и позвонил в контору поселка «Всходы» и попросил прислать в течение часа попутный грузовик. Приняв деньги и выдав квитанцию, Пахомыч широким жестом пригласил гостя к столу и притащил две банки соленостей. Отказаться от выпивки было совершенно невозможно. Василич принял две рюмки сивушной водки, закусил хрустящим огурцом домашнего соления и поторопился на улицу за досками, а Пахомыч вышел с ним и, подозревая парня, распорядился приступить к распиловке немедленно. Через четверть часа двухдюймовые доски были готовы, но не были опилены с боков.

— А как же подровнять их, они же с боков все кривые? — спросил Василич

— А ты топором и подровняй, — ответил парень, отправляясь по своим делам.

— Постой, постой! — закричал Василич, — вот тебе десять рублей, сделай милость, прогони доски, обрежь с боков.

Увидев красную денежку, парень вернулся и еще через десять минут работа была сделана. Тут же, как в сказке, подъехала трехтонка, и Василич с парнем бросили доски в кузов. Выглянувший из избы Пахомыч, радостно улыбаясь после окончания первой бутылки, помахал им рукой.

— Вот оно ощущение счастья от удачи! — подумал Василич, качаясь на сиденье рядом с шофером. Две рюмки поганой водки еще туманили его разум. Он вдруг осознал, почему у Пахомыча такое радостное лицо. Перед второй рюмкой Пахомыч сверкнул глазами и сказал:

— А ты, Василич, чувствуешь, какой здесь у нас воздух? Его хоть ножом режь!

Чего уж там говорить! Сосновые боры тянулись с обеих сторон дорог, а сами дороги нежно желтели чистейшим песком. Эта идиллическая картина прямо-таки просилась на полотно какого-нибудь Шишкина Смоленского разлива.

Есть время собирать деньги и есть время разбрасывать деньги, как говорил царь Соломон. Вынув очередную крас-

ную десятирублевку, Василич соблазнил шофера вылезти из кабины и помочь сбросить доски у избушки. Местные мужики, ломающие горб за четыре рубля в день, наверное, считали Василича придурком. Эта малопочтенная слава быстро распространилась по поселку, так что нередко к Василичу заглядывали совершенно незнакомые личности с просьбой дать опохмелиться. Вначале Василич с готовностью угощал незваных гостей стопкой, но, в конце концов, рассердился и очередному просителю строго сказал, что водка кончилась и basta. Местным в голову не могло прийти, что доцент Василич зарабатывает четыреста восемьдесят рублей в месяц — триста двадцать преподавательских и сто шестьдесят (полставки) за работы по хоздоговорам. Если бы узнали, они бы спалили его вместе с избёнкой в ту же ночь. Это сейчас, в век Интернета, всё можно узнать в минуту или даже в полминуты, а информация есть штука опасная, хотя власти уже приспособились заливать информацию потоками гнусной дезинформации, так что несчастные жители великой (по размеру) страны просто не понимают, откуда валяются на них бесконечные беды.

Избушка, теперь принадлежавшая Василичу, казалось, построена в пятнадцатом веке, не позже. Вместо нормального погреба земляной пол представлял собой круглую яму, похожую на воронку от бомбы, а может быть, таковой и являлся. Печь стояла на краю этой ямы и не шаталась исключительно из-за своего огромного веса. На поставленные ребром брусья были уложены крашенные суриком доски, которые и составляли пол. Щели между досками были невероятные, так что от задней стены избы непрерывно дул затхлою сыростью сквознячок. Зимой в такой избёнке легко можно было дать дуба, и старики боролись с холодом, забивая рванину во все щели, потому что температура в сенях и комнате ничем не отличалась от дворовой. Василич каждую весну отдирал и выковыривал истлевшие тряпки и сжигал в пустой воронке от снаряда. Теперь же он решил убрать и косую «русскую» печь, чтобы не воняла. Зачем ему печь?

Ванёк, сын Кати пришел с двумя друзьями и снял некое подобие трубы с крыши, а потом, вооружившись дырявым эмалированным тазом, выловленным в одной из мусорных куч, парни повыносили печные кирпичи, благо они почти не были связаны раствором. Василич дал им двадцатку, и счастливые от приработки парни отправились в магазин, сами понимаете, зачем.

Наконец, Василич смог приняться за дело.

Останки старых досок парни тоже вынесли и где-то свалили. Благоустроить погреб не хотелось. Длина избы составляла примерно полторы доски. С чувством *глубокого удовлетворения* (советский штамп) Василич внес первую доску и пристроил к задней стене, потом вторую, третью... основания досок были на пару сантиметров шире концов, так что их приходилось пристраивать попеременно «голова к хвосту и хвост к голове». В избе воцарился густой смолистый воздух, от которого хотелось петь, и Василич не выдержал, засвистал что-то из Штрауса.

Теперь надо было распиливать остальные доски почти пополам. У него в сенях стояла та самая двуручная пила. Оказалось, что в козлах очень даже удобно пилить доску в одиночку, сделав пару-другую «фрикций», а чтобы надрез вышел аккуратным, следовало левой рукой придерживать пилу за середину. Пила потихоньку пела от неторопливых движений Василича, доска охотно поддавалась, и вскоре половинки были готовы и так совпало, что почти на каждую доску подлиннее находилась половинка покороче. Удивительно, как природа помогает найти тому, кто ищет. Кто серьезно коллекционирует марки, знает, что нередки случаи, когда недостающая единственная марка в серии неожиданно находится в альбоме другого филателиста, или в магазине в случайно выставленном на продажу пакетике разнородных марок.

К девяти вечера, когда небо еще не потемнело окончательно, Василич управился с работой. В эту ночь он спал, как ребенок, даже недалекий собачий лай не слышал.

Позади избушки, рядом с полусгнившей стеной росло корявое дерево, склонявшееся к земле под углом градусов в шестьдесят. Там Василич привычно справил малую нужду, — говорят, что мочевина полезна растениям. День начинался яркий, праздничный под посвистывание пернатых и жужжание пчел над мохнатыми красно-фиолетовыми метелками татарника. Василич быстро вскипятил молоко, бросил туда столовую ложку манной крупы, энергично помешал и добавил горсть изюма. В детстве он ненавидел манную кашу и давился от неё, а мама очень сердилась и пихала в него ложку за ложкой. Никакого изюма тогда и в помине не было. *По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой сорок четвертый год.* Они тогда недавно вернулись из эвакуации. Папа работал на заводе «Фрезер», он из Москвы не уезжал, а перед этим немного повоевал, получил контузию и теперь трудился в тылу, помогая фронту.

Наведя порядок в избе, Василич прихватил небольшую корзинку и отправился привычным маршрутом в ближний сосняк в надежде срезать пару-другую боровиков для супа. Он принципиально не желал есть тушёнку и городские деликатесы, потому что хотел приблизиться к окружающему деревенскому миру. При гостях это было невозможно, а сейчас было то самое время слияния с природой, грибы, рыбалка, ягоды, свежая картошка прямо с Катиной грядки, зелень, суп из крапивы...

Посещение туалета испортило ему настроение на весь день. Кто-то аккуратно изъясил городское сиденье, так что теперь надо было подкладывать бумагу под зад, чтобы не занозиться.

«Хорошо еще, что мы не загибали гвозди. Они отжимали сиденье топором и раскрошили бы доски», — подумал Василич. Жаловаться Кате нет смысла. Чем она поможет, а деревня только смеяться будет. Ладно, привезу в другой раз пластиковое сиденье и будем носить его с собой туда и обратно. Глупо, но ничего не поделаешь.

Следующей осенью Василичу повезло. Начальник его жены, престарелый доктор геологических наук, прельстился её рассказами об окружавших избушку просторах и решил проехаться на Смоленщину с Василичем. Все звали его Кузьмич, а имени его и половина знакомых не помнила. Василич был с ним давно знаком и изредка навещал его лабораторию, где стояли чудесные шведские приборы, купленные за валюту. Там он очень вежливо здоровался с хозяином и просил разрешения снять парочку спектрограмм. После этого он выдерживал дипломатическую паузу, пока Кузьмич распекал очередного нерадивого сотрудника, работал, кланялся и уезжал. А вот теперь, ранним утром тридцатого августа они погрузились и двинулись в сторону Вязьмы.

Проехав насквозь Вязьму, они взяли на Юго-Запад и оставшиеся сто тридцать километров не спеша ехали и вдыхали особенный воздух осенней Смоленщины. Василич мечтал, что если бы он был наместником этого благословенного русского края, он превратил бы его в туристическую Мекку. Какой здесь песок! Какие здесь сосновые боры! Какая здесь чистая и сладкая вода Угры! И чем ближе они подъезжали к избушке на краю деревни, тем радостнее билось сердце.

Железнодорожная станция «Угра» находилась в двадцати пяти километрах от деревни. Проехав городок, они остановились в подлеске у дороги, Кузьмич распаковывал солидные бутерброды с сыром и корейкой, свинтил стаканчик с термоса, достал из бардачка второй, и они плотно ели, чтобы потом не отвлекаться от дел в одичавшей за год избе.

Пяток секунд повозившись с ключом, Василич отомкнул замок, широким жестом распахнул ветхую дощатую дверь — и отшатнулся. Такое было впечатление, что в сенях бесновалась стая макак. Всё содержимое навесного солидного шкафа — макаронны, гречка, мука, сахар лежали в пересыпанном виде на полу и на бревнах у стены, которые он планировал осенью подвести под венцы взамен нижних, старых и сгнивших. Тут же валялся огромный узел, заверну-

тый в теплое верблюжьей шерсти одеяло. Воришки, видимо, хотели протащить его в застреху под крышей, да не смогли, а терпения у них не было. Так и бросили, не развязав. Будь Василич поумнее, он бы повесил второй замок и посолидней на дверь в горницу, но вот она, российская беспечность, и подвела. Войдя в комнату, он снова обнаружил все следы бессмысленного и беспощадного разорения. На полу валялось в куче всё, что было аккуратно сложено перед отъездом в шкафчики. Книги, любовно отобранные в местном магазине, — вперемешку с шахматами и домино, пустая бутылка водки (он оставил на всякий случай половину), в кухонном шкафчике — ни одной ложки, ни одной вилки, хоть пальцем ешь. Слава богу, воришки не додумались слазить в подпол. Там, в уголке Василич хорошо завернул и припрятал современную электрическую плиту, которая вмиг разогревала еду и варила супы.

— Что же это делается! — патетически выкликнул Василич.

— Ты не горюй шибко, — по-философски спокойно ответил Кузьмич. У нас на дачах зимой тоже всё к рукам прибирают, так наши всё мало-мальски ценное прячут осенью в земле до весны.

— Я не понимаю другого, — сказал Василич. — Залезли, украли, но зачем так гнусно, по-варварски всё разбросали, изгадили? Я помню книгу художника Анненкова. Огромной силы талант был. Портреты Ленина, Троцкого, Горького и многих других просто поражают своей силой. Но я не о том. У него была дача под Питером. Так вот, революционные солдаты и матросы ненадолго оккупировали её и превратили в полный свинарник. Он пишет, что человеческий кал был везде, даже в люстре. А один грамотей написал на прощание: «Ваше благородие, теперь панюхай нашего гавна!»

— Такая вот Россия была в семнадцатом году, — сказал Кузьмич.

— А сейчас она, стало быть, другая?

— Все-таки шестьдесят три года прошло, три полных поколения сменилось...

— Вот я сейчас пойду и проверю туалет, который мы построили у *прошлом годе*, тогда и решим, изменилось ли что за последние полсотни лет, — сказал Василич.

Худшие опасения сбываются. Это уже стало аксиомой вроде «Нет счастья в жизни», «Бутерброд всегда падает маслом вниз» и прочее. Иначе говоря, пессимизм оправдан, а оптимизм сродни глупости. Уже издали Василич видел, что вертушки, запирающей дверь, нет на месте. Дверь пейзажного клозета была распахнута, и он увидел засохшие куски экскрементов и глинистые следы резиновых сапог на сиденье. Посетители, все как один, разумеется, громоздились на свежих досках орлом. Собственно, уже после первого посетителя-аборигена ни один нормальный человек не сел бы на изгаженное место.

«Ладно, обойдемся как-нибудь без благ цивилизации, — подумал Василич. — Лесок и поле рядом, отойди сто метров и делай свое дело. Надо только предупредить Кузьмича, что туалет на ремонте».

Направляясь к избе, он подумал, что можно было бы заплатить кому-нибудь из баб пятерку и попросить отмыть туалет, и они бы согласились, но осталось бы на нем пятно позора: интеллигент, белоручка, гадит не хуже нашего, а помыть гнушается! А на военных сборах, помнится, вlepили ему два наряда — и пошел он со шваброй и мыл общий клозет на десять посадочных мест... но тут другое было. Эту будочку он выстроил своими руками. Она была светлая, высокая и пахла сосновой смолой!

Потом особенно было тошно, что выгребли все ножи-вилки-ложки. Ужасно не хотелось тащиться в *хозмаг* на центральную усадьбу, а надо было. Погода стояла отменная, потому решили не ехать на машине, а прогуляться. Туда час да обратно час. Прекрасная прогулка, почти сплошь по лесным дорогам, пробитым местным лесхозом, и еще с километр по деревне Манино, через Угру и вот он *хозмаг*!

— Черт! Чего он на замке? — воскликнул Василич.

— Обмишурились мы с тобой. Сегодня ж воскресенье! — ответил Кузьмич. — Вам бы ученым только интегралы считать, а взглянуть в календарь некогда!

— Чего делать-то?

— Чего-чего? Домой вертаться. Да у твоей хозяйки попросить ложку. А если хочешь, я тебе выстругаю из липы.

Отпускники отправились в обратный путь.

— Скажи-ка, Кузьмич, вот ты в загранкомандировках бывал. Даже с местными геологами куда-то там в Австрийские Альпы ходил. Как там местный народ по нужде ходит?

— Как все — в гальюн.

— И что, у них такие же деревянные скворечники во дворах?

— Такого не видал. В Германии, Австрии, даже если нет канализации, всё равно туалеты в доме и водяной слив, и несколько раз в год приезжает спецмашина и отсасывает полужидкое дерьмо...

Тут Василич засмеялся.

— Ты с чего это развеселился?

— Я двадцать лет назад с приятелем был в Кандалакше. За аметистами ездил. Знаешь это месторождение на южном берегу Кольского?

— Ну, конечно, знаю.

— В общем, мы не успели на корабль и до часа ночи сидели в двухэтажной деревянной гостинице, ожидая койки, чтобы поспать. Наконец, во втором часу нам дали две койки в восьмиместном номере, и мы свалились, не раздеваясь. С шести утра соседи стали собираться на работу, тут уж не поспишь. Я встал, пошел в туалет, присел, вдруг слышу — сзади, за спиной: шлеп, шлеп... перерыв и снова шлеп... шлеп. Я вхожу в комнату, говорю мужикам, что в туалете что-то падает чуть ли не на голову. Они сперва не поняли, а потом стали хохотать. Оказывается, местные строители сделали двухэтажный туалет и разделили пространство фанерными листами. Получился школьный пенал, поставленный вертикально. Ну

ладно... пойду попрошу у Кати пару ложек, а то мечтал, мечтал о манной каше с изюмом, а есть нечем.

Катя, как обычно, не выразила ни малейшего удивления, ни радости от приезда соседа, дала пару ложек и без эмоций приняла кулек с городскими конфетами в подарок. Однако когда Василич посетовал, что его обокрали, она нахмурилась и довольно сердито стала объяснять ему, что она никаких следов воровства снаружи не заметила, а вообще-то это не её дело — сторожить чужую избу и обходить её кругом по глубокому снегу.

— Что же вы на меня-то сердитесь, Катерина Степановна? — спросил Василич. У нас под Москвой тоже всё время крадут, хотя кооперативы сторожей нанимают. Вот теперь воровство и до вас дошло.

— А я на вас не сердюсь, — ответила Катя и замолчала.

Василич потоптался еще полминуты и пошел к себе.

«Какие-то они все пасмурные, прибитые, — думал он. — Начинают веселиться только после стакана самогона. Вот, я в позапрошлом году узнал, когда приехал на грибной сезон, что её внук Сережа женился. Так я пошел в магазин, купил в подарок льняную скатерть за двадцать два рубля, чтобы она отдала Сережке и сказала, что это от меня. Ну, хоть улыбнулась бы в ответ, поблагодарила от души... Притом, в Кате еще есть какие-то остатки человечности, а другие — просто жуть берет».

Он вспомнил, как Катя хвасталась, сколько она наготовила самогона и купила водки на свадьбу Сережи. Какой был хороший паренек! Собирался ведь после школы поступать в офицерское училище, а вместо этого женился и стал пить. А в феврале нынешнего года по пьянке повесился. Успел, правда, родить девочку. И какая будет у неё судьба? Живут в бедности и дикости, и хотя в каждой избе по телевизору и баллонный газ, показываемую им по телику жизнь на себя не примеряют. Так же, как мы смотрим передачи из Парижа. У них машины, рестораны на улицах, наряды, веселые лица, а у нас — очереди за колбасой, в которой вместо

мяса соя. И странно — я сам чувствую зависть к парижанам и злость. И думаю: погодите, у вас тоже будет социализм и понаедут к вам иждивенцы со всего мира, и наступит у вас Апокалипсис, как у нас.

За день до отъезда у Василича созрел план. Он решил, что больше сюда не вернется. «Я вам устрою прощальный фейерверк! — думал он со злорадством. — Будете меня помнить!» Кому это вам, он даже себе не мог разъяснить, но и через двадцать лет, живя в другой стране, как беженец, он считал, что совершил в своей жизни отважный поступок, прямо-таки театральный.

Перед отъездом он набрал сухих сосновых веток, которые скопились в палисаднике, где он рубил их на растопку, принося из ближнего бора. Вечером он скатал их в пару хороших вязанок и занес в сени. Внутри каждой вязанки он вложил скомканные газетные листы, чтобы пламя сразу охватило всё пространство. Встали они с Кузьмичом рано, в сумерках пили чай с рябиновым вареньем. Кузьмич так восхищался пикантной горчинкой и ароматом, что Василич подарил ему с собой целую банку. Упаковались за десять минут. Кузьмич вырулил на верхнюю дорогу, деревня осталась внизу. Тут Василич попросил остановиться и сказал, что забыл в избе свои часы. Не спеша он зашел в избу, вытащил вязанки и, закрыв дверь на замок, занес их в туалет. Потом достал коробок спичек, чиркнул и поджег бумагу. Теперь следовало двигаться побыстрее. Прикрыв дверь туалета, он скорым шагом направился к машине.

— Ну всё, в путь! — сказал он Кузьмичу. Машина тронулась и через три минуты деревня скрылась за деревьями. — Будем считать, что отдых удался? — спросил Василич, когда они миновали городок Угру.

Кузьмич молча кивнул. Впереди лежала дорога длиной в триста километров.

ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

Однажды два студента после окончания первого курса химического института оказались в палатке в северной части Казахстана, куда их послало сторожить распиленный лес местное совхозное начальство. Одного из них звали Рувик Портнов, а другого — Вовик Краснов по матери, потому что фамилия папы была Вайнштейн. Они были типичными московскими подростками из благополучных еврейских или полуеврейских семей, то есть малосильными физически, чуть полноватыми, с нежными лицами, которых еще не касалась бритва. Рувик закончил первый курс с очень хорошими отметками, а Вовик чуть не вылетел после первого семестра, но немного укрепил свои позиции после второго, хотя по основной дисциплине, химии, получил лишь утешительные три балла. Это означало, что стипендии на лето и первый семестр ему не видать, но тут прозвучал призыв ко всем студентам помочь собрать урожай на целине, и Вовик решил ехать с курсом и заработать денег, а денежки ох как были нужны! Не на прокорм — мама с папой для того и трудились, чтобы еды в доме хватало. Деньги нужны были на игру в карты в компании закадычного друга Левы, для покупки вина и для угощения знакомых девушек. Еще Вовик мечтал купить себе нормальные брюки и куртку, потому что он вечно ходил в перешитых папиных костюмах и пальто, а папа был на десять сантиметров ниже. Как портные ни старались, а выкроить брючки подлиннее не получалось. В этих коротких брючках вид был настолько комический, что Вовик потребовал их хотя бы обузить. В них он выглядел, как типичный *стиляга*, и его мог вечером заграбастать ком-

сомольский патруль и разрезать брючки ножницами. Такое тоже бывало в 1957 году. Комсомольское начальство свирепствовало, чтобы выглядеть достойно в глазах партийного начальства.

С другой стороны, поездка на целину давала преимущества не только денежные. Вовик сразу выдвигался в ряды активных членов ВЛКСМ. Не на словах, а на деле!

Прибыли они в совхоз имени Богдана Хмельницкого, что в Кустанайской области. Стояла теплая погода, но уборочная еще не начиналась. Ждали звонка из райкома партии. Им по партийной линии было яснее, когда начать убирать хлеб. Рувик и Вовик, как и весь остальной отряд, были заняты на подсобных работах, потому что готовить тракторы и комбайны к битве за хлеб они совершенно не умели. Правда, некоторым счастливицам повезло, и они стояли наготове с гаечными ключами или тянули и смазывали цепные передачи. Начальство совхоза никак не могло разобраться, куда им девать свалившуюся на голову рабочую силу.

В один из дней Рувик с Вовиком были призваны помогать в строительстве саманного сарая. Что такое саманный кирпич, объяснять долго и неинтересно. Ясно лишь, что под кирпич надо заложить фундамент. Для начала им дали две лопаты и велели выкопать неглубокую яму, куда они набросали песка и глины, залили эту смесь восемью ведрами воды, разулись, закатали брючины и полезли в яму месить грязь ногами. Мужик, которого поставили руководить, подбадривал их, покрикивал: не спать, работать! А сам он в это время делал опалубку из досок. Потом они таскали тележку с разнокалиберными камнями и засыпали их в опалубку. Критически оглядев свою работу, мужик велел им таскать ведрами намешанную ногами полужидкую смесь и заливать её в опалубку. Бедные студентики возвращались в отряд почти на четвереньках и мрачно думали, что на этой работе они сдохнут. Есть же известная поговорка: от работы кони дохнут.

Эта каторга продолжалась несколько дней. Рувик и Вовик постепенно стали привыкать к нагрузке. Молодость есть мо-

лодость. Наставник стал их похваливать и говорил, что им выпишут хар-рошие деньги. Это было приятно. Заодно он пригласил их помочь поставить стенку для его свинарника. На это ушел еще целый трудовой день. Супруга наставника лично осматривала работу. В конце месяца, однако, выяснилось, что ребята ничего не заработали, потому что основную работу этот жлоб приписал себе.

Пока они переживали, пришла разнарядка послать двух студентов для охраны и контроля вывозимого напиленного леса где-то километров за сто с лишним от совхоза. Бригадир распорядился послать нашу парочку, так как все остальные уже были при делах. Получив продукты на две недели, Рувик и Вовик взяли рюкзаки с личными вещами и мешок с продовольствием — хлеб, тушёнку из конины в банках, две банки сгущенки и макароны, и полезли в кузов «Урала-ЗИС», который должен был забрать бригаду лесорубов. Когда отъезжали, Рувик заметил, что сделанная ими часть фундамента уже стала неолитическим памятником архитектуры. Видимо, у начальства поменялись планы, и никто заканчивать их работу не собирался.

Бригада лесорубов больше напоминала банду из знаменитого романа Шишкова «Угрюм-река». Единственное отличие было в том, что они были отчаянно веселы. Один мужик заметил летнюю дырчатую серую шляпу на голове Вовика, восхитился её прозрачным плетением и тут же предложил поменять на свой картузик. Вовик картузиком побрезговал и предложил шляпу в подарок.

— Отличная штука, чтобы цедить через неё макароны, — радостно сообщил новый владелец.

В отряде Рувик заметил некое подобие женского пола и спросил, для чего им баба в сплошь мужском коллективе.

— А она у нас повариха, — все так же весело ответил мужик. — У ней два блюда: вареная пи..дятина и жареная х..яти-на, потому что руки у ней из ..опы растут.

— А не страшно ей одной среди вас, мужиков? — спросил Рувик.

— Ты подойди к ней поближе и понюхай, а потом сам решишь, стоит ли пачкаться.

Поняв, что разговор идет о ней, замотанное в грязные тряпки существо стало улыбаться и что-то быстро-быстро негромко говорить. Рувик послушал, ничего не разобрал и повернулся к Вовику:

— Ну что, пойдём обживаться?

— Постой, постой, ты слышишь, что она говорит?

— Что?

— Я с тобой не бл..довала, ты меня бл..дью не зови!

— Оч-чень интересно! Пошли!

Возле палатки стояли две фляги с водой, на брезенте валялось килограммов пятнадцать вялого картофеля, стояла пачка соли грубого помола и керосиновая лампа. Сахар и подсолнечное масло были упрятаны в ведро.

Отпуская матерные шуточки, бригада залезла в кузов, втащила за шиворот женщину и стала орать бригадиру, что пора ехать. Тот давал последние наставления ребятам.

— Лес отпущать только по накладной. Все бревна у нас помечены звездочкой. Если будет перерасход леса, вы будете отвечать, потому что вы материально ответственные. Шофера будут приезжать с грузчиками. Вам грузить бревна не надо. Только сторожить. Вот так. Если что надо, передайте с шофером письмо, на следующей машине привезем.

Бригадир залез в кабину к шоферу, «Урал» взревел и через пару минут ребята остались одни в звенящей насекомыми и птицами тишине. Они привыкли к городскому шуму, выросли в нем, а после приезда в совхоз они всегда были окружены людьми. Теперь же их окружало огромное безразличное пространство, и они были им совершенно подавлены.

Чтобы развлечься, прибывшие начали наводить порядок в окружающем быте. Почистили кастрюли, собрали всё съедобное в одну из них, огромную. Внутри палатки расстелили свои городские одеяльца, набрали сена в наволоч-

ки. Рувик вытащил книжку Ремарка «Время жить и время умирать», положил на неё часы. Вовик достал истрепанную книжицу морских рассказов Станюковича и пачку сигарет «Тройка», очень дорогую, которую берег на особый случай. Еще у него хранилась завернутая с таблетками заначка в сто рублей, которую он берег на черный день. Читать не хотелось. Они вышли из палатки и достали пачки «Беломора», которые производила табачная фабрика в городе Сухуми. Пока они курили, к палатке подошел смуглый парень лет двадцати пяти, высокий, в широкополой мятой и грязной шляпе.

— Вы что ли здесь охраняете лес? Откуда сами?

— Мы студенты из Москвы, из целинного отряда. Вот, при-
слали на две недели, а потом сменят.

— А я из Молдавии. Решил подзаработать и людей посмотре-
ть. Меня Мишей звать. А вас?

— Вова... Рувик.

— А чего сидите? Пошли, хоть грибов пособираем. Вы в грибах разбираетесь? У нас другие грибы в Молдавии. Я смотрю, вы дорогие папиросы курите. А я курю «Огонек», сорок пять копеек пачка. Не жалко.

Они неторопливо прошли по опушке и насобирали с десяток подосиновиков. На жаренку хватит. Миша не умолкал. Пока студенты очищали грибы и резали на сковородку, они узнали, что Миша и еще двое сошлись в бригаду по заготовке леса в одном совхозе. Сейчас у них передышка, они ждут гру-
зовик-лесовоз, потому что тонкую часть деревьев они отпи-
лили, стволы от веток очистили, но все равно хлысты полу-
чились длинные, а горбатиться и укорачивать им не велели. Вот они и отдыхают пока. От грибов Миша отказался, мол, не привык к этой еде. Студенты перекусили жаренкой с хлебом, попили воды и пошли знакомиться с Мишиной бригадой.

Вскоре они подошли к низенькой палатке, представляв-
шей собой кусок брезента, переброшенного через длинную
рейку, края брезента были придавлены бревнами. В такого
рода жилье можно было залезть только на четвереньках и тут

же завалиться спать. Рядом с палаткой сидели двое — один с бандитской рожей, напоминающей кошачье мурло и звавшийся Васькой, и другой, смуглолицый, с медальным профилем и ослепительно белыми зубами по имени Гена. Они с любопытством глянули на студентов, быстро выяснили, что к чему и обещали проведать при случае.

Слева, у входа в палатку стоял прикрытый деревянной крышкой бочонок с прокисшей квашеной капустой, откуда несло, как от безнадежного пьяницы перегаром.

— Отличное средство от сна, — кивнул на бочонок Миша. — Утром вылезаете из палатки, хватанешь жменю капусты — и вмиг просыпаешься. Вот, спросите у Остапа. Ну что? Ханку я вам не предлагаю, потому что давно всё выпили, чай давно растравили. А у вас чайку нет?

— Есть пачка индийского, — ответил неразумный Рувик. — Из дома взял перед отъездом.

— Отлично! — воскликнул Миша. Я вас провожу, а вы мне дадите немного. Пошли!

Сопровождаемые незлобивыми шуточками, студенты двинулись домой.

— А почему ты назвал Гену Остапом? — спросил Рувик.

— А мы его так зовем. Однажды выпили, и он показал нам фокус: Сделал кольцо из веревки, надел на ноги, потом взял толстую палку, вставил в кольцо и стал закручивать. Потом сел, приставил палку к своему инструменту и стал раздвигать и сдвигать ноги, а палка при этом поднималась и опускалась. Потеха, да и только! А он при этом кричал: «Подходите, граждане, смотрите на фокус Остапа! Остап Японский, а кончик Конский, последнее представление!»... Закурим? — Миша протянул пачку «Огонька». Студенты взяли папироски и задымили.

Рувик все время куксился, лежал в палатке и предоставил Вовику готовить еду. Вовик всегда любил готовить. Он почистил картофель, порезал его соломкой, вскрыл банку конины, вытащил жир и выкинул его в мусорную яму, туда же слил

бульон, потому что запах ему не понравился. Потом перемешал картофель с мясом, добавил головку репчатого лука для улучшения вкуса и начал выжаривать будущий обед на сковородке, поставленной прямо на рдеющие угли. Там еще оставалась горсть вчерашних грибов с остатками подсолнечного масла, и он решил, что грибы придадут дополнительный вкус блюду, заодно и масло сэкономится... Приготовление обеда требовало времени и это было прекрасно, гораздо лучше, чем лежать в палатке рядом с вздыхающим Рувиком. Погода стояла великолепная, трепетание листвы вокруг порождало легкий шум, напоминавший шуршание морской волны по камешкам.

Наконец, обед был готов. Вовик позвал Рувика и они начали есть с одной сковороды, пристроив её на обрубок дерева и сидя на траве. Рувик вдруг обнаружил в поджарке остатки грибов и с возмущением выплюнул рядом со сковородой, чем ужасно обидел Вовика.

— Чем тебе моя готовка не нравится? У меня, знаешь ли, не ресторан «Метрополь»!

— Потому что ты решил скормить мне вчерашние поганки!

— Это не поганки, а замечательные свежие подосиновики. Я всю жизнь грибы собираю и знаю.

— А эта конина совершенно тухлая. Ты что — не чувствуешь, как она воняет? Я еще вчера заметил, что банка была вздутая...

— Иди и проверь — все банки одинаковые. Что же — все они тухлые?

Рувик не ответил и пошел в палатку. Вовик после его слов начал сомневаться — а вдруг им подсунули просроченные консервы. На всякий случай он выбрал куски конины и выкинул в яму, а картошку и грибы доел, но уже без всякого аппетита. Тут из палатки вывалился Рувик и пошел к яме блевать. Вовик страшно испугался и стал думать, что если он тоже начнет блевать, то они оба умрут от отравления, потому что в округе на сто с лишним километров нет никого, кто мог бы оказать им помощь.

Он вспомнил, что мама всегда поила его чаем, когда он болел и его рвало. Поэтому он вскипятил чайник и перед заваркой пошел за Рувиком, но тот после рвоты заснул, и Вовик решил его не будить, а пристроился рядом и взял книжку Ремарка. Где-то через час Рувик проснулся поздоровевшим и сказал:

— Представляешь, мне сейчас приснилась песня Лещенко, которую любил мой родной дядя: «Пускай проходят века, Но власть любви велика...». Его жена всегда, когда слышала её, начинала плакать, потому что дядю посадили в тридцать седьмом, и он умер в лагерях...

— А я, пока ты спал, читал твою книжку про хорошего немца, который выпустил пленных партизан. Таких, наверное, было два человека на двести тысяч солдат. Я помню, как отец говорил, про немцев, что это звери, и восхищался стихотворением Эренбурга «Убей немца». А что они делали в СССР, можно узнать из Нюрнбергского процесса. Когда-нибудь эта книга выйдет. Ну, чего есть-то будем? Давай сварим макаронны, что ли. Откроем потом банку сгущенки и сделаем бутерброды к чаю. Годится?

На следующее утро студенты направились к своим бревнам и убедились, что никто их запас не трогал. Чтобы хоть что-то делать, они стали пересчитывать совхозное богатство. Бревна были аккуратно уложены в короба, образуемые четырьмя высокими кольями, чтобы они не рассыпались. Всего они насчитали двести сорок семь бревен в четырех коробах, и на этот пересчет ушло немало времени.

Позже к палатке подошел Миша и пригласил их на прогулку в лес. Миша явно нуждался в слушателях. Пока нарезали круги по опушкам в поисках грибов, студенты узнали, что Миша три года назад вернулся из армии, служил в Хабаровском крае. Он умный — заранее пошел в военкомат и записался на курсы водителя грузовика. Пока другие копали траншеи и сидели в окопах, он гонял на хорошей машине, заодно освоил вождение танка, так что может работать и трактористом. Но

ему хочется посмотреть страну и особенно женщин, которые эту страну населяют. Бог одарил его смычком длиной в двадцать два сантиметра, и когда он на нем играет, женщины голосят от счастья. Одна из них, Ленка, сказала ему:

— Миша, ты делаешь людей счастливыми!

Девочек он не любит, потому что их надо уламывать, а молодые замужние женщины есть везде. И главное, они о нем так заботятся, так заботятся! Кормят самыми вкусными блюдами, стирают ему, дарят подарки и любят, любят. Почти каждую он легко мог бы увести из семьи. Но ему-то семья зачем? Вот нагуляется и вернется в Молдавию. Там так хорошо осенью! Там такое вино!

Как только Миша делал паузу, он вытаскивал пачку «Огонька» и совал студентам — закуривайте! Студенты покорно смолили «гвоздики».

Возвращаясь, они увидели у своей палатки Ваську, который загораживал вход. У Вовика заныло под сердцем от нехорошего предчувствия. Рувик тоже скис.

— Ну что, грибов набрали? — спросил Васька веселым и нахальным голосом. — А я тут у коробке сматрую *что* у вас консервы...

— Их есть нельзя, — сказал Вовик. — Вот вчера он поел, и его вырвало. И потом видишь? — банки вздутые!

— А вот мы *сичас* проверим! — радостно заорал Васька, сел верхом на старый пень, вытащил из-за пояса топор и одним махом расшил банку конины пополам.

— Ложку дай! — приказал он Рувик. Расширив разрез, он стал с жадностью запихивать в рот тушенку и через пять минут отшвырнул пустые половинки банки, прибавив:

— Наконец-то хорошо пожрал! Тут у вас еще три банки лежат, а вы их есть не будете?

— Не будем, — ответил Рувик.

— Тогда я их возьму. Пошли, Михай, до дому.

Васька запихнул две банки с кониной в карманы телогрейки, одну взял в руку и потащил Мишу с собой.

Перед сном Вовик сказал Рувик:

— Неужели Миша не соврал, что у него двадцать два сантиметра? Это даже представить себе трудно! Я читал, что у женщин влагалище всего десять. Где же это всё помещается?

— Подумаешь, — ответил Рувик сонным голосом, — а у меня девятнадцать...

Вовик стал думать о том, как природа расточительна по отношению к одним и как она скаредна по отношению к другим, потом положил ладонь на свой смычок и заснул.

Утром его пронзила мысль, что Васька мог обшарить его рюкзак. Он высыпал содержимое на одеяло — так и есть, пачка «Тройки», которую он хранил для торжественного случая, исчезла. Слава богу, он перенес сотенную купюру в пистончик брюк, а то бы она последовала за сигаретами.

Чтобы поправить настроение, студенты решили опять побаловать себя сгущенкой. Открыли банку, налили горячего крепкого чая и намазали её на хлеб. Жизнь сразу стала приятней. Съели по три бутерброда и прилегли помечтать.

— Слушай, в чем секрет, что тебя девчонки любят? — спросил Вовик. — Вот на меня они даже не смотрят.

— Не знаю, я об этом не думал, — пожал плечами Рувик.

— Вон, ты крутил роман с Раей Дорошиной, которая из Норильска, из такой дыры, а поступила в наш институт. Её, вроде бы, отчислили за неуспеваемость.

— Вспомнил! Ничего я не крутил. Мы сидели в чертежном зале, все уже ушли. Она вытащила из сумочки конфету, сунула в рот и попросила меня откусить. Потом целый час целовались. А мне что? Отказываться? Кстати, она мне не так уж и нравилась. От неё пахло потными подмышками.

— Ну а здесь, в совхозе, когда ты заболел и лежал с высокой температурой, тут же появилась Вика, которая нянчила тебя, как котенка, прямо не отходила от тебя.

— Я-то здесь при чем?

— Не хочешь рассказывать, так и не надо.

— Слушай, что ты пристал, как банный лист к одному месту, — начал заводиться Рувик. — И так тошно! Какой я был дурак, что согласился поехать сюда!

— Особенно со мной, да?

— А с тобой вообще от скуки можно умереть!

Вовик, как ошпаренный, выскочил из палатки и побежал по опушке собирать грибы и успокаиваться.

— Что в нем находят девчонки?

Он представил себе овальное лицо Рувика, большие мясистые губы, широковатый короткий нос, каштановые волосы и брови, покатые плечи, как у женщины. Правда, голос густой, не то, что у Вовика — куриная скороговорка. А Вовик, конечно, по сравнению с Рувиком просто урод. Длинный нос, расширяющийся книзу, как наконечник копья, отвратительная волосатая родинка на верхней губе, раздвоенный подбородок, жесткие рыжеватые волосы торчат в разные стороны. Брови и ресницы бесцветные. Танька Ильина назвала его Квазимодой, когда он к ней подъезжал. Кто этот Квазимодо?..

Набегавшись по опушкам, он вернулся к палатке и сразу увидел торчавшие из неё ноги. Приехавший шофер спал, как младенец. Рувик, видимо, пошел отпустить бревна.

Вовик занялся чисткой грибов и картошки. Шофер спал, пока Рувик не вернулся и не разбудил его. После его ухода студенты обнаружили, что тот лег на банку сгущенки, отчего половина содержимого вытекла на одеяло Рувика. Чертыхаясь, они соскребли, сколько могли, суповыми ложками, и поместили обратно в банку. Потом, экономя воду, увлажнили куски газет и попытались удалить остатки молока, вытащив одеяло из палатки. Однако вездесущие мухи учуяли запах сладко-молочного и слетались на одеяло стаями.

— Откуда они только берутся! — возмущался Рувик.

Они сложили из газет хлопушки и начали мушиное избиение. Потом Вовик предложил соревнование на кто больше убьет за один раз. Эта охота развлекла их на часок, со счетом сто восемьдесят семь на сто семьдесят один победил Рувик, у которого даже улучшилось настроение. Одеяло подсохло на солнце, и они его снова расстелили в палатке.

— А берутся мухи оттого, что здесь жили люди, долго жили и не убирали за собой, выкидывали паршивую еду и ходили

по нужде, не зарывая своё... А мы с тобой из-за них должны терпеть мух, — сказал Вовик назидательным тоном. — Пойдем-ка, проведем Мишу. Что-то он пропал...

Они прошли рядом с грунтовой дорогой, пробитой грузовиками, миновали пару казахов, молодого и старого, которые методично пилили поваленную сосну в полном молчании, и свернули с дороги направо. Ни палатки, ни парней не было. Осталась только бочка с перекисшей капустой.

— Ты знаешь, я с шофером отправил письмо Сашке Орловскому, чтобы нас побыстрее сменили, — сказал Рувик на обратном пути.

— С какой же стати нас сменят, если договор на две недели?

— А я написал, что мы с тобой каждый день ссоримся...

— Ну и сволочь же ты, Рувим Давыдович! Ведь Сашка подумает, в первую очередь, что виноват я! Ты же с ним близкий приятель, он тебя хорошо знает. Сказать, почему ты с ним подружился? — Потому что у него отец профессор химии. Что, не так? А сейчас ты подбиваешь клинья под Ленку Попкову, потому что у неё тоже отец профессор.

— Ты сам, Вовик, сволочь. Надо же такое придумать!

— Я все правильно сказал. Вон, у меня отец простой инженер и мать работает врачом в районной поликлинике. Кому я нужен? Живем в деревянной развалюхе вчетвером в одной комнате. А ты живешь на Ленинградском шоссе в шестизэтажном каменном доме. А еще говорят, что мы все равны!

Они надолго замолчали, возвратились к палатке, Вовик сварил макароны, в которые он добавил подсолнечного масла, а себе положил жареных грибов, что значительно улучшило вкус, но Рувик по-прежнему отказался, так как боялся повторения тошноты. Потом так же молча, они поели хлеба с намазанной сгущёнкой, посидели у костра и завалились спать.

Встав рано утром по естественной надобности, Вовик приметил у мусорной ямы рыжую лису, которая очень активно что-то выживала. Он хотел позвать Рувика, чтобы тот тоже

поглядел, но боялся спугнуть гостью. В конце концов, лиса подняла мордочку, огляделась, тут же засекла Вовика и рванула в лес. Хвост у неё был отнюдь не такой нарядный, как рисуют в детских книжках. Но лиса! Живьем! Рядом с палаткой!..

Рувик спал долго и сладко. После утреннего туалета и чая с хлебом и сгущенкой он посмотрел как-то особенно покровительственно на Вовика и сказал:

— Вот, я по поводу вчерашнего твоего выступления. У нас страна равных возможностей. Так используй их! Ты завидуешь, что у меня начались отношения с Ленкой? — Начинай за нею ухаживать тоже. Может тебе повезет больше, и ты ей понравиться. А копить злобу на меня не за что. И учиться на одни пятерки тебе никто не запрещает. А то еле-еле закончил первый семестр, потом получил тройку по химии во втором. В результате, ты лишился стипендии на лето и если бы не поехал на целину, остался бы совсем без денег. Если ты сачок по природе, то живи, как тебе нравится, но и не завидуй. Это некрасиво, непорядочно.

Вовик долго молчал, потом встал и ушел в лес. Там на опушке у большой березы, повесившей, как занавес, тысячи желтеющих листиков, он сел в задумчивости, пытаясь осмыслить свою обиду на окружающий мир, который оказался совсем не таким, каким грезился в выпускном классе, где он был одним из лучших учеников, хотя на серебряную медаль так и не вытянул.

Он сидел и обдумывал свою короткую жизнь, а обида на мир всё тлела в нем и воспоминания не давали ей погаснуть.

— Почему в природе все так гармонично и красиво, а внутри человека столько всякой гадости? — спросил он себя и тут же ответил: потому что все рассказы о доброй и щедрой природе — только сопли, развешанные толстыми, чеховыми и другими гоголями ради заработка, а если посмотреть, то и без микроскопа сразу видно, что все друг друга едят без всякой жалости, начиная с муравьев и комаров, и гадят кру-

гом, и несчастные голодные лисы роются в мусорных ямах. А нам читают мораль, какими мы должны быть хорошими и благодарными. Кому и за что? Я целый год отходил в институт в папиных обносках, у меня прыщи по всей спине, так что я не могу в присутствии девчонок раздеться и позагорать. А матери моей дела нет до моих мучений.

— *Слава богу, я дождала, что наш Вовочка стал студентом!* — вспомнил Вовик мамины причитания и сплюнул от отвращения.

Чтобы прийти в равновесие с самим собой, ему пришлось еще пару часов кружить по опушкам, потому что общаться с Рувиком стало совсем неприятно. Он понимал, что Рувик прав — он действительно раздолбай, и семье не до него, сестренке всего шесть лет. Вот, нарожают детей, а об их будущем зачем думать? Зачем учить музыке, иностранным языкам, танцам, боксу или гимнастике. Мы, мол, без всего этого росли и выросли. Партия и правительство дали нам всё бесплатно — медицина, школа, институт, дома пионеров, спортивные секции. Жилье почти ничего не стоит. Живи и радуйся! Если всё вам дали бесплатно, что же вы ничего не умеете. Знаете только свою специальность. С вами жить неинтересно!

— Я там нашел банку бобов в томате, но надо бы их разогреть, — встретил его Рувик.

— Сейчас сварганим, — отозвался Вовик. Надо добавить лук и масло, может немного соли... как бы нам сейчас пригодилась баночка шпрот, которую я по дуруости отдал на празднование сборного дня рождения. Одна баночка на сорок ртов!

— Ну, ты тогда нарезался так, что на ногах не стоял.

— Это же с голодухи. Ни жиров, ни витаминов. Какие-то помои в столовой. Хорошо, что девчонки договорились сами готовить. Продукты вроде бы всё те же, но стало полегче жить.

Спать легли в добром согласии, вроде бы никаких ссор и не было. Дни тянулись, однообразно, медленно, но вдруг оказалось, что они здесь уже десять дней. Через четыре дня должны их сменить.

— Слышь, Рувик, мы с тобой вроде как Маркиз и мисс Салли! — сказал Вовик за завтраком.

— В каком смысле? — нахмурился Рувик.

— Ну, ты такой изящный, тонкий в талии, как барышня, а я толстый повар, которого ковбои прозвали Мисс Салли.

— А почему я Маркиз? — спросил Рувик.

— Да ты что, О'Генри не читал? Мне мой друг Лева давал. У них шикарные книги в доме водились.

— А-а, это тот Лева, которого отчислили после первого семестра, потому что он кучу незачетов получил, и его не допустили до экзаменов... — вспомнил Рувик с издевкой. — Ты тоже много интересного не читал. Или скажешь, что всё-всё читал?

— Слушай, иди ты на три буквы! Чтобы говорить с тобой, надо гороху нажраться. Ты человеческую речь не воспринимаешь, отличник долбаный... А я хоть учусь с тройками, но никогда таким тупым технарём не буду.

С этими словами Вовик вскочил и снова побежал в лес.

— Лезет в начальники с первого курса! Как будто я не знаю, что он уже давно ошивается в комнате комсомольского бюро, карьерист хренов! Надо будет его этим ткнуть побольнее. Жалко, что я вовремя не вспомнил. Вот послал бог напарника! А ведь могли спокойно отдохнуть, подышать лесным воздухом. Для ребят грибов засушить. Девчонки приготовили бы шикарный грибной супец...

— Где ты шляешься? — накинулся на него Рувик, едва он появился у палатки. — За нами уже машина приехала, вместо нас сторожить будет один рабочий. Правильно решили — зачем две зарплаты платить вместо одной. Собирай свои шмотки!

Неторопливо Вовик собрал свой жалкий рюкзачок, вылез из палатки и поплелся вслед за Рувиком. Жизнь в лесу кончилась. Лес стоял в сентябрьском платье тихий, почти торжественный. Легкий ветер просвистывал среди начавших обнажаться ветвей. Повезло с погодой — ни одного затяж-

ного дождя за одиннадцать дней. Вовик повернулся к лесу и поклонился ему в пояс: прощай!

«Урал-ЗИС» уже был загружен. Их сменщик стоял у кабины и болтал с шофером. Грузчики поднялись в кузов. Студенты зачихали в кабину. Грузовик взревел и пошел-пошел по грунтовке.

— Видишь, письмецо моё все-таки сработало, — самодовольно произнес Рувик. — Молодец Сашка Орловский. Настоящий друг.

Вовик взглянул на напарника с ненавистью:

— Благодаря тебе мы опозорились перед всем коллективом, как маменькины сынки, да еще у меня теперь репутация подмочена, что я не могу ни с кем ужиться. А я, между прочим, комсомольских активистов всегда ненавидел. От вашей болтовни и бесконечных заседаний никому жизни нет никакой.

Рувик хотел возразить, но Вовик отвернулся от него к окошку. Трясая дорога укачала его, и он задремал легким и счастливым сновиденьем. Опять привиделась ему красавица береза и множество крепких подосиновиков вокруг неё. Рувик, видно, тоже подремывал. Оба прижались друг к другу, как недавно рожденные щенки-молокососы.

— Усё, хлопчики, прыбылы, — весело гаркнул шофер.

Студенты спрыгнули из кабины и пошли к зданию клуба, где их всех разместили на железных пружинных кроватях. Вечерами рабочие приходили в клуб подымить и потанцевать, и кровати быстренько сдвигали в угол.

Рувик тут же стал рассказывать что-то смешное, вокруг него образовался кружок, а Вовик пошел к своей койке и лег. Ему было ужасно одиноко.

Наконец началась уборочная. Перед этим вся студенческая команда полировала лопатами ток. Крытый ток строить дорого, за ним следить надо, а потому свезенное зерно было отдано на милость божию. Захочет боженька — просушит зер-

но, позволит довести до кондиции и сдать на элеватор, а не захочет — будет мочить дождями, пока оно не прорастет.

В прошлом году, как рассказывали местные, был фантастический урожай, который смогли убрать только наполовину. Пошли дожди и зерно на току начало гореть. Потом вывозили его на самосвалах подальше, потому что воняло так, что невозможно было дышать. Студенты лишь подчищали остатки спекшейся коричневой массы, которую потом складывали в горки вокруг тока.

Всем выдали большие совки с поперечной рукояткой, чтобы было удобнее перелопачивать прибывающее зерно. Оно явно нуждалось в сушке. Вовик подружился с Сашкой Демидовым из соседнего потока. Девчонки их обоих не любили за несдержанный язык, и они от этого страдали, но вот, нашли друг друга и стало жить полегче. Рувик за это время сделал маленькую общественную карьеру. Его выбрали начальником студенческого отряда, и он вместе с бригадиром распределял студентов на работы.

С прибывающим зерном начались бесконечные хлопоты. Оказалось, что оно заражено червячком по имени Совка. Этот симпатичный коротенький червячок так расплодился на току, что зерно непрерывно шевелилось. Чья-то умная девичья голова решила, что это дело рук вредителей, мол, такие случаи уже были описаны, к примеру, в книжке «Зеленая цепочка» про американских диверсантов. Демидов громко ругался на идиотов, которые сочиняют подобные байки.

— Где Америка и где Казахстан — подумайте! — взывал он к девчонкам. — Дуры несчастные!

Несчастные дуры обижались на него и награждали язвительными эпитетами. Между тем, в ночном небе над совхозом стало всё чаще появляться красное сияние. Это вызывало тревогу.

Студенты, как и всё население страны, знали слово *Надо!* И знали, что *Не Надо* никого ни о чем спрашивать. Когда власть сочтет нужным, — всё будет объяснено или в газете «Правда», или на закрытых партийных собраниях. Однако

причины красного свечения ночного неба стали всем понятны лишь спустя несколько лет: страна секретно готовилась к запуску Первого искусственного спутника Земли. Начиналась эпоха великих свершений. Студенческий отряд уже сидел в плацкартных вагонах, бегущих в Москву, когда по радио торжественным голосом передали сообщение об искусственном спутнике. Вовик и Сашка Демидов, Рувик и Ленка Попкова сидели, слушали, но еще не понимали, что произошло событие, которое перевернет всю их жизнь настолько, что их старость будет совершенно непохожей на старость их предков. Даже известнейшие писатели-фантасты не могли предположить, что через пятьдесят лет возникнет чудо, именуемое Интернетом, и все-все достижения человечества станут доступны любому жителю планеты, держащему в руках плоскую коробку компьютера.

— Про тебя все говорят, что ты сачок, потому что ты меньше всех заработал, — сказал Демидов, — но мне на них наплевать, потому что ты мне нравишься.

— Я не люблю однообразную работу, — ответил Вовик, — махать лопатой целый день напролет мне смертельно скучно. Если бы я устроился дворником на три месяца в нашем ЖЭКе, я принес бы больше пользы и заработал бы в три раза больше, а это зерно, которое мы перелопачивали, всё равно пропащее, некондиционное. Они его скормят скоту...

Знаешь, я был одиннадцать дней счастлив, когда жил в палатке и охранял напиленный лес. Кругом меня была настоящая лесная жизнь. Это я понял сейчас и, наверное, никогда не забуду. Рувик мне отравил это счастье, и я его возненавидел тогда, но сейчас мы едем в Москву, и мне он стал безразличен. Впереди столько интересного. Еще посмотрим, кто из нас быстрее выйдет в люди.

КОБЕЛИНО

Если начать с самых истоков, то так уж получилось в жизни, что три симпатичных женщины работали в Московском университете на отделении иностранных языков. Не только работали, но и дружили много лет и всё, что было положено женщинам, знали друг о друге. Первая из них была разведенкой, профессором Фирой. Её родной младший брат Мишка попал в университет не без помощи сестры, а сейчас преподавал английскую литературу в одном педвузе. Вторая подруга была доцентом, звали её Инкой Рыжей, чтобы отличать от третьей подруги Инки Черной, обе тоже были разведенками. Инка Рыжая была на десять лет моложе Фиры и у неё был роман... да что там — совместная жизнь с одним русским парнем Валеркой, прошедшим армию, поступившим в университет и соблаздившим свою доцентку, а сейчас работающим в библиотеке Иностранной литературы в кабинете антифашистского сопротивления. Инка Черная была русской, доцентом, а её сын Сашка спокойно поступил в университет, закончил и теперь работал в журнале «Театр». Ничего особенного сказать мы о нем не можем, кроме того, что он опубликовал статью о творчестве Эжена Ионеско, где всячески его превозносил, и это было его идеологической ошибкой, потому что наша партия непрерывно воевала на идеологическом фронте, и ей всегда казалось, что все кругом подсиживают единственно верное ленинское учение. Одновременно с Сашкой недалеко поступил известнейший литературный критик Аникст, который тоже похвалил Ионеско. Вот им и досталось обоим на орехи от партийной организации и партийной литературы. Сашка в одночасье стал знаменитостью, оказавшись в одной компании с Аникстом. Но дело

не в самом Сашке, а в том, что он был сокурсником Мишки и через свою маму был хорошо знаком с Валеркой, так как они встречались, когда Инка Рыжая таскала Валерку с собой в гости, чтобы он не пил в плохой компании без неё. А водки Валерка мог выпить немеряно.

Так вот, на встрече с Мишкой Сашка сказал, что Валерка ужасный волокита, он даже назвал его Кобелиной. Так и сказал:

— Это тот еще Кобелина! Ни одной юбки не пропускает. Уже окучил четвертый этаж (библиотеки) и третий начал.

Тут мы с Сашкой расстанемся, потому что в этот раз он в поход на байдарке не пошел, а вместо него пошел Валерка. Его женщина с ним не поплыла, а осталась пасти сына и собаку, да и как бы она чувствовала себя в обществе троих молодых парней со своими еще крепкими на вид, но втайне увядающими прелестями? Так что в поход пошли Мишка, Валерка и Мишкин друг со школы Левка. Про Левку ничего интересного мы сказать не можем. Это был рыжий еврей в очках, умеренно глупый, который ничего не смыслил в литературе и очень обижался, когда Мишка говорил о его полном непонимании Достоевского. Хотя, с другой стороны, чего ему было обижаться? Он с грехом пополам окончил институт по специальности «технология душистых и лекарственных веществ» и волею фортуны устроился в аспирантуру к профессору Шилову в фармацевтический институт. Лет через пять ему светила корочка кандидата наук и оклад рубликов двести пятьдесят, потому что научная фармация шла по низкой третьей категории. Мишка держал его возле себя не из жалости, а из-за ностальгических школьных воспоминаний. А Валерка Кобелино (это они вдвоем с Левкой придумали окончание «О» для благозвучности) его интересовал. Ну как же — простой русский парень с рязанской мордой полюбил и пленил немолодую рыжую еврейку, которая была старше его лет на десять, как минимум.

Человек проверяется в испытаниях, не так ли? Вот Мишка и решил взять с собой в поход Валерку. Левка нужен был для

смазки на случай возникших трений. Поссориться с Левкой было невозможно. Он был такой уютный, теплый и неприсохливый... и готовил вкусно, хотя Мишка непременно отдавал распоряжения, как готовить первое-второе — универсальное блюдо всех туристов.

Конечно, Мишка рисковал, беря с собой малознакомого человека. С Сашкой было бы куда проще, да и поговорить за литературу можно было бы. Кобелино явно для этого не годился. Ладно, неделю вытерпеть можно. Мишка проглядел карту Подмосковья и выбрал захудалую речушку длиной где-то в сто пятьдесят километров.

Конец апреля и начало мая выдались удивительно теплыми. Днем первого числа температура поднялась явно выше двадцати пяти градусов. За ночь берег речушки покрылся пушистым ковром нежной зелени, но и комары пробудились раньше обычного. Над каждым путешественником висело облако озверевших от голода самок, а ветра нет было совсем. Мишка бывал в партиях с геологами и плоты гонял по Иртышу. Многому научился. Приучился молчать и терпеть, а Левка все охал и шлепал себя ладонью по шее и лицу.

— Ты перетерпи, не маши руками и увидишь, что станет легче, — советовал Мишка. — Смотри, Валера не суетится, а его ведь тоже кусают.

Они проплыли километров пятнадцать, то и дело натыкаясь на частоколы, перегораживающие реку, чертыхаясь и перетаскивая рюкзаки. Потом это им надоело, и они пристроились в уютном мелководном заливишке, поставили палатку, развели костер, сварили первое-второе, и Мишка торжественно вытащил бутылку «Сливовицы».

— Будешь? — спросил он Леву.

Лева покачал головой. Он знал про себя, что после перехода и таскания тяжестей ему лучше не выпивать. У него ночью могло начаться сердцебиение, которого он очень боялся.

— Ну, как знаешь. А мы с Валерой выпьем обязательно.

Лева ходил вокруг приятелей, завидовал, а они хоть и собирались оставить полбутылки на завтра, но вошли в азарт

и быстро её прикончили. Посидели, подымили, потом стемнело, они еще с часок потравили разных историй и отправились спать. Палатка была не ахти какая, сделана в СССР. Лишь недавно Лева прикупил дюралевые стойки и колышки. Надоело каждый раз ходить с топором и подыскивать природный материал. Надувные матрасы тоже еще были редкостью, так что под дно палатки постелили лапник.

Пока они обустроивались засветло, прилетели две вороны, супружеская чета. Вороны всё присматривались к суетившимся внизу человечкам, но вниз не слетали. Потом одна, явно женщина, стала настойчиво приглашать супруга то ли слететь вниз, то ли пойти по делам. Супруг молчал.

— Кхарр,... кхарр,..кхарр, — настойчиво звала она, сердясь всё более на его безразличие и потом срывалась в скороговорку, — курх-курх-крухх-уррх

— Послушайте, послушайте, — взволнованно вскрикивал Лева. — Это же настоящий разговор! Прямо, как у людей! Ничем мы от них, по сути, не отличаемся. Я, кстати, читал про их сообразительность и еще, что их легко можно научить говорить.

После завтрака свернули палатку, пошли к байдарке и тотчас обнаружили здоровенную дыру посередине. Лева свалил все на серых проказников. Матерно ругаясь, путешественники вытащили заплаты, клей и принялись за ремонт.

— Это вороны проклевали, — сказал Лева.

— Ты ведь шутишь? — подозрительно спросил Мишка у Левы. — Мы на ночь оставили байдарку днищем вверх, а утром она оказалась перевернута! И это тоже вороны могли сделать? Так заткнись и не городи ерунды.

— Надо ставить байдару рядом с палаткой, — сказал Валера. — Тогда можно будет выскочить и наказать шалуна.

Наконец, поплыли. Река немного очистилась от запрудившего её деревянного хлама. Опять стало очень жарко. Лева решил окунуться. Разделся и полез в коричневатую воду. Друзья стояли, курили и смотрели на него. Стыдясь их наг-

лого разглядывания, Лева зажал в горсти свои достоинства и выбежал поскорей обернуться.

— Что-то у Левы кончик совсем усох, — сказал Валера.

— Какой есть, — ответил Мишка. — Другого не купишь.

— Жалко его жену...

— Всегда найдется, кому пожалеть женщину.

— Это правда... Я вообще-то так думаю, что неважно большой или маленький. Был бы злой.

— А у самого?

— У меня большой. Восемнадцать!

— Метров?

Тут они начали хохотать, и подошедший Лева спросил:

— Вы чего?

— У Валеры есть рыболовный крючок длиной восемнадцать метров.

— Поздравляю, — кисло сказал Лева, сразу смекнув, что речь шла о нем.

В тот день они проплыли километров тридцать. Погода стояла потрясающая. Птицы трещали и пищали кругом в кустах и на деревьях. К вечеру опять появилась пара ворон, которая внимательно наблюдала за путешественниками. Однако в этот раз жена не орала на мужа.

— Неужели они за нами весь день летели? — спросил с изумлением Лева.

— Сейчас посмотрим карту, — ответил Мишка. — Ну, всё ясно. Здесь река делает огромную петлю, так что напрямик мы находимся километрах в шести от места, откуда отплыли утром. А давайте-ка подкормим ворон крошками с нашего стола, вдруг кто-нибудь еще придет...

Перед сном подтащили байдарку к палатке. Мишка, как всегда разделся и голым полез в спальник, а остальные одели свитеры и улеглись поверх тонких одеял, поскольку спальниками до сих пор не обзавелись. Погасили свечку, горящую в консервной банке и отключились. Сквозь сон Лева услышал, как Валерка метнулся из палатки, затем послышался шум борьбы, завопил от боли мальчишеский голос и Валеркин ма-

терок. Лева выглянул из палатки. Уже рассвело. Возле кострища сидел худющий парень лет четырнадцати со связанными концом веревки руками. Валерка стоял возле него, поигрывая ржавым штыком-кинжалом.

— Успел-таки засранец сделать еще одну дырку в байдаре, — сказал он с досадой. — Будет чем залатать?

— А что с разбойником делать? — спросил Лева.

— Известно что — камень на шею и на дно.

— Что тут за шум? — Мишка появился из палатки. — Ты кто такой? Зачем нам лодку резал?

— Я скажу своему брату, он из тюрьмы вернулся. Он всех вас зарежет.

— За что же он нас резать будет? — спросил Мишка.

— Чтоб вы по нашей земле не ходили.

— Погоди, погоди, а разве вся эта земля не наша общая?

— А кто ты такой, цыган?

— Нет, я еврей. А что?

— А евреев вообще надо всех убивать!

— А твоего отца, случайно, не Адольфом Гитлером зовут?

— Почему это Гитлером? Его Афанасием зовут!

— Так вот ты сейчас сказал то же самое, что Гитлер про евреев говорил...

— А знаешь, как называется наша общая страна? — спросил Лева.

— Чего ты спрашиваешь, он в школу никогда не ходил, — заметил Валерка.

— Почему-то не ходил! Я в седьмой класс пойду осенью! — крикнул мальчишка.

— Ну, так как же называется наша общая страна? — опять спросил Лева.

— Я с евреями разговаривать не буду! — снова выкрикнул мальчишка.

— Значит так, сказал Валерка, — я сейчас тебя привяжу ремнем. Если будешь дергаться и орать, я тебе вот эту грязную тряпку в рот забью и ноги свяжу, и бросим мы тебя здесь. Пока твой брат тебя не отыщет. Понял?

Мальчишка поник головой, а путешественники стали готовить завтрак и заклеивать новую дыру в байдарке. Мишка сказал:

— Скажи-ка, гаденыш, это твои вороны за нами летали?

— Мои, я их выкормил — ответил мальчишка.

— Лева, намажь кусок хлеба плавленным сыром и дай этому разбойнику и юдофобу.

— Он не заслужил, — запротестовал Валера.

— Ты не понимаешь, евреи всегда платили добром за зло. Вспомни Христа! Эй, пацан, знаешь, кто такой Христос?

— Получше тебя, — огрызнулся парень.

— Лучше ты никак знать не можешь, потому что ты о нем никогда не читал, а церковь у вас коммунисты сожгли шестьдесят лет назад. Несчастный русский народ, кто виноват в твоих несчастьях и когда они кончатся? Ладно, поехали. Валера, тебе придется нашего пленника стеречь, пока мы будем удирать от его брата-бандита.

— Пошли вы на х..., я с вами никуда не поеду, — попытался орать парень, но Валера сунул свой каменный кулак ему под ребра, и тот закатил глаза, хватая воздух открытым ртом.

Загрузили байдарку, поплыли. Валерка сел сзади, пристроил парня у себя в ногах. Наклонился к его грязному уху и негромко сказал:

— Попытаешься бежать — задушу прямо в лодке.

Гребли не надрываясь. Часа через два устроили перекур на воде и снова гребли пару часов. Потом Мишка распорядился списать разбойника за борт. Валерка развязал пацану руки и выбросил в воду.

— Дядь, отдай штык, меня за него брат убьет, — заныл мальчишка, стоя по горло в воде.

— Пусть убьет, — спокойно ответил Валера.

— Пацан, хочешь пять рублей за штык? — спросил мягко-сердечный Лева.

— Не нужны мне твои еврейские деньги! — остервенился мальчишка. — Штык отдайте.

— Пошел вон, — спокойно и грозно сказал Валера. — Поплыли?

— Стойте, стойте — заорал мальчишка. — Давай пять рублей!

Обиженный Лева достал из кармана пятерку и бросил на воду. Пацан подплыл, схватил деньги и направился к берегу, поливая путешественников примитивным матом.

На четвертый день похода небо заволокли тучи. Пришлось срочно ставить палатку и уже под косым частым дождем разводил костер. Во время дождя лучше в лес не ходить, потому что промокнешь быстрее, чем на открытом пространстве. Особенно это касается ног. Необходимы бахилы до бедра. Хорошо подкормленному костру дождь не страшен. Вот только делать совершенно нечего. Остается лишь травить друг другу байки. Ну, конечно, без водочки совсем грустно. Чтобы поддержать товарищей, Лева надел сапоги, взял у Мишки прозрачный оранжевый плащ с капюшоном и отправился к дороге, которая должна была привести его в сельпо. Через час пути он нашел магазинчик, который был, по счастью, открыт, купил бутылку Московской, банку мелкого частика в томате, кило каменных пряников и в полном равновесии с самим собой потопал по размокшей глине к друзьям.

Они очень душевно распили бутылку дрянной водки и улеглись внутри палатки играть в канасту. Неизвестно, что это была за игра на самом деле, но она требовала аккуратности, тем более, что палатка была небольшой. Валерка в преферанс не играл вообще, а канасту освоил быстро.

— Я считаю, что этот паршивец не так уж неправ, — сказал Лева. — Вот, если бы мы плыли по Англии, нас вполне могли арестовать за нарушение права частной собственности. Я читал, что там не так уж просто проехать или проплыть по чужой местности.

— За землю или воду частный владелец когда-то уплатил деньги, а этот щенок и его родители ничего никому и никогда не платили, — заметил Валера.

— Ты когда был в магазине, не спрашивал, где здесь автобус до станции ходит? — спросил Мишка.

— Продавщица сказала, что ходит через день от соседней деревни Хитрово. Сегодня уже должен был проехать. А что уже нагулялись? Или мальчишкиного брата испугались?

— Если завтра дождя не будет, поплывем дальше, а если опять будет лить, то сидеть в мокроте нет резона.

Следующий день был пасмурный, но без дождя. Решили сделать марш-бросок до конечной точки маршрута, а там, если повезет, просушить палатку и лодку, свернуться и ехать в Москву от станции Лысая Гора двумя электричками. Всё сложилось удачно и в восемь вечера они уже были в городе. Тут Лева вспомнил, что у него в доме отключили горячую воду. Про Мишку и говорить нечего, он жил в коммуналке с одиннадцатью соседями, мыться ездил к сестре на Ленинский проспект, а в общежитии института, где он преподавал три раза в неделю, тоже была душевая.

— Валера, а можно заехать к Инне помыться, ведь ты сразу к ней? — спросил Лева.

— Давайте к нам. Отпразднуем окончание похода.

Встали в очередь на такси у трех вокзалов. Впереди стояли пожилая еврейская женщина с тяжелой сумкой и два кавказских человека с огромными чемоданами. Такси долго не появлялось, и очередь нервничала. Наконец, оно подъехало и тут кавказцы оттеснили женщину, сказав:

— *Ти падажди, пажалуста, а мы очен спешим.*

Женщина пыталась протестовать, но один из кавказцев сказал вполне миролюбиво:

— *Ти кто такая? Ти простая жидовка? Тебе сказали, что мы спешим? Нэ нада шуметь!*

Тут Валера выдвинулся, махнул правой рукой снизу вверх, и кавказец упал в отключке возле машины. Второго Валера за шиворот выволок из такси и посадил туда женщину, сказав водителю коротко:

— Поезжай!

Неизвестно откуда в считанные секунды появились менты, схватили Валеру под руки и повели в свою контору.

— Ну, всё. Пропал вечер, — сказал Лева в отчаянии. Давай, Мишка, быстрее за Валеркой, а я посторожу наши шмотки.

Мишка кивнул и устремился за ментами. Однако уже через пять минут они вернулись, веселые и довольные.

— Ну, ты, Мишаня, даешь! — восхитился Лева.

— Я тут ни при чем.

— Я с ними договорился, — объяснил Валера. Мы зашли за угол, и я сказал им: «Ребята, ну что вы мне из-за черножопого будете биографию портить? Я всё же партийный. А они сказали: «Ладно, давай чирик и вали!»

— От имени всего многострадального еврейского народа я ставлю бутылку нашему защитнику Валерию Кирееву! — торжественно прокартавил Мишка.

Рыжая Инка встретила путешественников приветливо и живо принялась накрывать на стол, Мишка уже купил бутылку у таксиста, а Лева попросил попользоваться душем, благо горячая вода шла, хотя горячий ручеек был весьма скудным.

Непросто быть возлюбленной молодого мужика, можете поверить. Надо всё время держать себя в хорошей физической форме. Надо быть веселой и находчивой, не задавать рискованных вопросов и всё-всё должно выглядеть естественно.

Леве очень хотелось рассказать Инке о подвиге Валерки, но он удержался. Однако, когда распили бутылку и она удалась, он спросил, не занимался ли Валерка боксом. Уж очень у него хорошо получается кулаками махать.

— Мне однажды хороший урок дал мой отец, когда я был пацаном, — ответил Валера. — Вышли мы из бани, идем довольные, чистые. Вдруг двое и к отцу — снимай пальто. Отец неторопливо так снял пальто и — раз мне на руки, мол, держи! И в секунду как начал этих двоих молотить, что они позорно бежали, один даже кепарь потерял. На всю жизнь я запомнил. А когда вырос, в армию пошел, вообще понял, что страха не

испытываю, наоборот, драчка меня веселит. Вообще, мой отец был славный мужик. Любил, к примеру, ходить к зубному. Когда ему зуб сверлили, он натурально засыпал.

Ну, что же, посидели, распили пузырь, пора и честь знать. Мужики поднялись, Мишка поцеловал Инке ручку, Лева шаркнул ножкой и разъехались по домам.

В те далекие теперь семидесятые люди легко сходились, пилось легко, радовались незатейливым шуткам, насмешничали над властью, азартно играли в карты по копейке, любили отмечать дни рождения — пели песни бардов, студенческие и дворовые, хулиганские и блатные, танцевали под пластинки. Валерка с Инкой вполне вписались в небольшую компанию. Даже прижимистая жена Левы однажды позволила пригласить.

Почему-то пить втроем особенно приятно, бабы не в счет. Валера после ста пятидесяти становился общителен и смешлив. Он же по традиции допивал последние пятьдесят граммов. Лева иногда уступал часть своей доли. Мучимый тщеславием, он хотел бы хоть в малости показать своё превосходство. Все мы чуть-чуть играем в шашки. Леве казалось, что он играет гораздо лучше приятелей, а что лучше Кобелино, так несомненно. И надо ж такому случиться! Пока дамы щебетали на нейтральные темы, Лева вытащил доску и предложил Валерке сразиться по рублю за партию. Мишка согласился быть зрителем и судьей. Начало у Левы как-то сразу не пошло. Кобелино не шел в ловушки. Потом его рожа стала хитрой и он сказал, что хочет обострить партию. Пока Лева сообразил, его противник уже прорвался в дамки. Поправить ситуацию было уже невозможно. Лева решил попытаться еще раз. Он и мысли не мог допустить, что этот не очень умный мужик может положить его на лопатки в умственной игре. Лева начал партию осторожно, прощупывая шашечную местность, как минное поле. Потом произошло что-то невероятное. Рожа Валерки опять стала нахально хитрой, и он опять сказал, что хочет обострить игру. Лева подумал, что это

блеф, потому что у противников было равное число шашек, но Кобелино поддал две шашки одну за другой и опять провалился в дамки. Чуть не плача от досады, Лева вытащил трешник. У Валерки сдачи не было. Мишка отдал за него.

Тут, кстати, пригласили на кофий со знаменитым ликером «Вана Таллин», и Лева смог справиться со своим настроением. Еще посидели, посмаковали ликер, поболтали о Таллине. Тут Лева сделал непростительный с точки зрения этикета шаг. Он взял рюмку Инки, которую она лишь пригубила, и перелил её обратно в бутылку. Одновременно боковым зрением он засек, как она остро взглянула в его сторону, и устыдился своей копеечной жадности, даже пот прошиб. Но сделанного не воротить. Распрощались весьма тепло, и Лева постарался поскорее забыть этот эпизод.

Валерка прилепился к Мишке с Левой. Мишку он уважал. Ну как же — и в геологических партиях работал, и грузовик водил, и на заводе «Калибр» валы точил, и плоты до Игарки гонял, и книги со своей сестрой переводил. И Лева молодец. Защитил диссертацию, но не хвастался. Еще он в Лева ценил всякие детские увлечения, скажем, собирание красивых камешков. Ездил с ним на карьеры, привозил Инке образцы кристаллов горного хрусталя, опалы, агаты и «чертовы пальцы», которых она почему-то побаивалась.

Инка Рыжая была женщиной мудрой. Понимала, что Валерку обязательно надо отпускать с приятелями, пусть порезвится, подышит вольным воздухом. А чем, спрашивается, может удержать сорокалетняя баба тридцатилетнего мужика? Детей заводить поздно, да и не нужно. Свой сынок школу заканчивает. Все трое друг с другом ладят, никто никому в душу не лезет, слава богу! А то, что Валерушка любит выпить, так это нормально. Одно дело выпить, а другое дело — пить. Но вот, недавно сорвалась. Пошли к Мише на день рождения. Народу набралось изрядно. Мама и сестра Фира, племянница с подружкой-красавицей Дашей, Лева, пара друзей Миши с филфака. Веселились от души. Валера, как всегда, выпил свой стакан и тут бы ему остановиться,

однако подсел к нему Володя Харитонов, восходящая звезда на литературном небосклоне, и они врезали еще по стакану. В результате, Валерушка стал чудить. Пошли танцевать под хороший такой джаз и выкрикивать речь Ленина перед красноармейцами, которую сочинил Володя. Было очень смешно. Потом вытянули потанцевать племянницу с подружкой. И тут милый совсем охамел и на ходу стал срывать с Даши блузку, чтобы украсить танец стриптизом. А она еще совсем юная, от стыда чуть не плачет. Тут Инка не выдержала, быстро оделась и — домой!..

Валерка потом со смехом рассказал Леве, как он пришел, спустя час-полтора, и увидел свою разлюбленную в постели под одеялом, натянутым до подбородка и сверкающими от негодования глазами:

— Ты, когда выпьешь, иногда совсем теряешь чувство меры! Полез раздевать совсем молодую девчонку-первокурсницу! Опозорил её! И меня опозорил! Как я теперь людям смотреть в глаза буду?

— Ну, ты повинился?

— А как же! И повинился, и утешил.

— В каком смысле утешил?

— Как обычно. Медленно и печально. Инку так забавляет любовная игра, что она предложила даже написать сценарий мультика «Похождения мальчика по имени Пеня». А кончается мультик так: портрет моей лысой башки и потом я делаю фрикции руками на своей шее, типа дrouchу, шея вытягивается, глаза вылезают из орбит и в конце густой длинный плевок, вот так. — Валерка изобразил настолько натурально, что Леву даже немного затошнило.

Леве Кобелино мог рассказать любую по откровенности историю. Другое дело Мишка. Держал всегда дистанцию. Валера гордился дружбой с таким талантливым переводчиком. Однажды решил похвастаться перед знакомыми и вечерком завалился с ними к Мишке, — якобы шли мимо, оказались рядом, ну как не заскочить на рюмашку. Мишка,

злой как черт из-за неожиданных гостей, выставил пузырь «Столичной», открыл консерву, нарезал черняшки — пожалуйте к столу. Мужики выпили, и Валерка начал амикошнствовать — Мишаня то, Мишаня сё. А вы знаете, как его студентки любят? Он их каждый сезон на уборку картофеля возит. Полтора месяца девок своих пасет и от местных парней охраняет! А еще он уже третью книгу перевел с английского, детективы. Покажи, Мишаня! Мишка терпел вплоть до ухода гостей. Потом, поздно вечером позвонил Инке, позвал Валерку и холодным от бешенства голосом сказал:

— Если еще раз со своими приятелями придешь без приглашения — выгоню с позором. Понял? — и бросил трубку.

Потом Кобелино пропал на всё лето. Лева особенно его отсутствия и не заметил. С Мишкой они встречались за канастой. Особенно жарко приходилось, когда он приезжал с молодой женой, которая была ужас до чего азартна. Однажды заигрались на всю ночь. Гости так много курили, что квартира провоняла дешевыми сигаретами. Когда, наконец, закончили игру, на несчастную девчонку было просто жалко смотреть — за ночь осунулась, искурилась, синяки под глазами. Лева тогда подумал, что зря Мишка приучает бабу к азартным играм, не помнит, чем кончила красавица графиня. Потом, спустя много-много лет, в другой стране Лева искренне жалел, что по своей слабости и азартности столько драгоценных часов убил на дурацкие игры. Скольким хорошим вещам можно было бы еще научиться! Прав был его чудесный и талантливый друг Сашка Сергеев, когда говорил:

— Играть с друзьями на деньги глупо. Если я выиграю, то ты огорчишься, а если ты — мне будет неприятно. Да и вообще, что может быть лучше неторопливой прогулки в лесу?

Кобелино вернулся лишь в начале октября. Оказалось, что он ездил на золотые прииски с одной бригадой, куда его порекомендовал один знакомый. Привез четыре с половиной тысячи, но какую ценой! Первый месяц по ночам часто просыпался от того, что судорога сводила ноги от изматываю-

щей усталости. Долгими часами приходилось стоять, держа в руках тяжеленный монитор-брандспойт и тугой струей размывать породу.

— Решили с Инкой купить домик в Электроутлях. Там хорошо, сделаны искусственные пруды на месте бывших карьеров, рыба водится, утки летают, — его лицо осветилось доброй улыбкой.

— И ты все добытые деньги отдал за домик у пруда? — спросил Лева. — А Инна свою часть добавила?

Валерка взглянул на Леву со злой насмешкой:

— Ты что, Лёвик, умом повредился? Я купил этот дом для нас обоих, уразумел?

Лева покраснел и опустил глаза. Он посчитал, что раз у них появилась собственность, то она должна быть правильно юридически оформлена. Вот они живут вместе, но Валера прописан у себя, у него своя жилплощадь. А тут совместная, но они не состоят в браке. Как бы не вышло неприятностей. Вдруг Кобелино взбрыкнет и уйдет к другой, которая не старше его на десять лет, а на пять или десять лет моложе... И она скажет ему однажды:

— Чего это ты свою собственность непонятно кому подарил?

Шли годы. Постепенно все старели, становились не умнее, но медлительнее. Встречаться стали реже. Вот, за окнами и перестройку объявили. Все, кто мог, стали работать в разных кооперативах, дутых фирмах, некоторые становились «челноками», то есть возили шмотки и всякое дешевое барахло из страны в страну. Кобелино устроился на работу в приличную фирму, благодаря знанию немецкого языка. Заехал к Мишке в роскошной машине и одетый с иголочки. Хвастался своими доходами и показывал карточку со своей молодой подругой, высокой и стройной блондинкой, прямо-таки фотомодель. Мишка в это время пыхтел над переводом очередного детектива, вел Московский семинар по теории перевода, был принят в Союз писателей, но со всеми своими

достижениями выглядел на фоне Валерки просто нищелюдом в своей коммуналке.

Каким Кобелино стал пижоном, Мишка со смехом потом рассказывал Леве, потому что все эти прибабасы ему были не интересны. Ему, дважды разведенному вечному жениху, нужна была лишь треть бутылки водки на вечер, нехитрая закуска и денежка на такси, так как он не любил общественный транспорт. К студентам на лекцию он выходил десять лет в одном и том же тёмно-сером пиджаке, темносиреновой водолазке и тщательно отутюженных бежевых брюках.

Лева пытался скорбеть по поводу брошенной Рыжей Инки, но Мишка резко заметил, что она должна была знать, на что шла.

— Жизнь есть жестокая штука, — добавил он, помолчав.

ОТКРОВЕНИЕ ОТ...

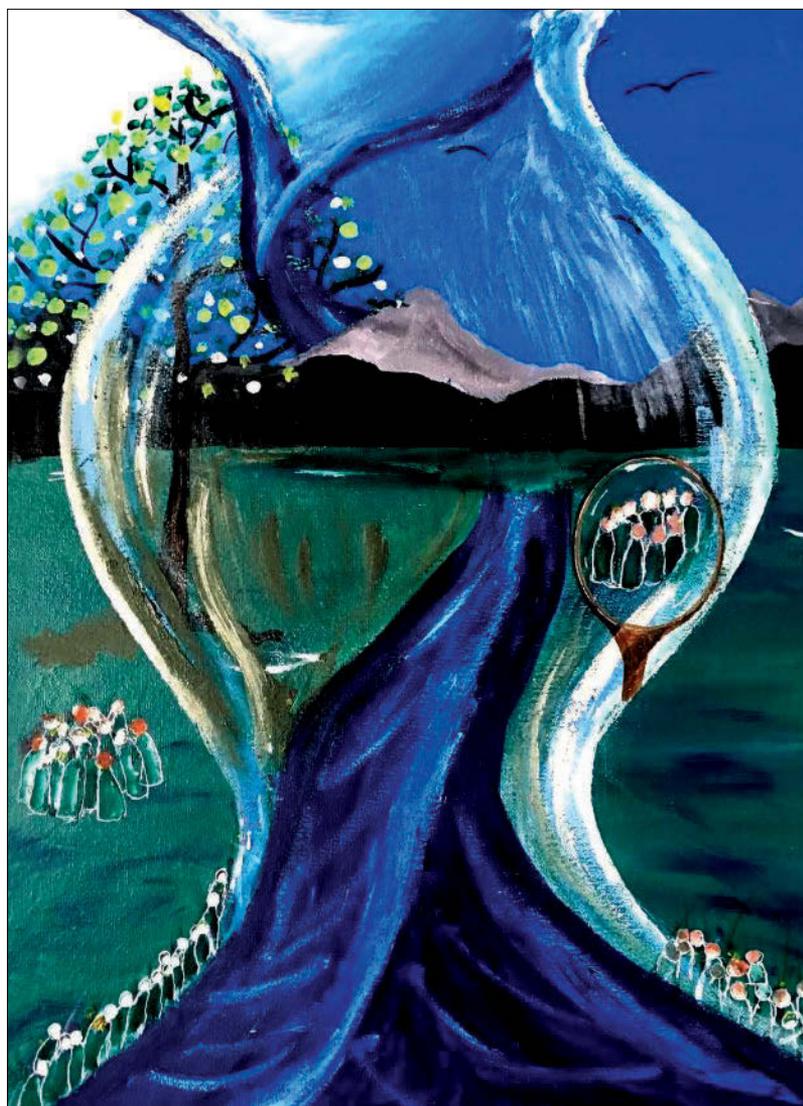
Откровенно говоря, я не помню, почему все мы называли его Учителем. Это был жесткий, волевой человек, умевший командовать. Скорее в нем обнаруживались черты человека, прошедшего годы военной службы. Его познания и способ мышления покоряли нас. Все мы, малограмотные сельские парни, находили особую прелесть в самостоятельном развитии без опеки со стороны семьи. Жизнь в чисто мужском коллективе и почти военная дисциплина не могли не сказаться положительно на формировании наших характеров и физической силы, а также чувства ответственности перед Учителем и нашим маленьким коллективом.

Он сказал нам, когда мы собрались ночью перед крыльцом его жилища:

— Взгляните вверх на ручку Малого Ковша. Последняя звездочка есть основание огромного стержня, который перпендикулярен плоскости нашей земли в нашем полушарии, где бы мы ни стояли. На этом стержне покоится коромысло весов окружающей нас Вселенной. Так задумал Творец миров. Математика есть первая из всех наук, так как ученые первыми из всех создали понятие уравнения, описывающее состояние равновесия во всём.

Весь мир нуждается в силе, поддерживающей равновесие. Если его нарушить, наступит конец всего. Если снять с одной из чаш нашу землю, которая есть лишь букашка, крутящаяся вокруг нашего солнца, — тотчас весы придут в движение, которое будет всё ускоряться и ускоряться и никто, кроме Творца, не сможет его замедлить.

— Могу ли я задать вопрос? — спросил Креонт.

А. Толчинский. «Пятое измерение»

Учитель кивнул.

— На что опирается этот огромный стержень?

— Я тебе отвечу вопросом на вопрос. А на чем подвешены все окружающие нас светила? Мир так устроен, что всё парит в бесконечном пространстве и, вроде бы, ничего не весит, но это не так. Изгои, нарушившие равновесие сил, прогоняются из системы и находят свой жалкий конец в столкновении с другими мирами. Их иногда ошибочно называют посланцами неба, но это изгои. Некоторые из них в древние времена падали на нашу планету, и были свидетели, которые наблюдали, как с грохотом и в пламени они вонзались в землю.

— Учитель, вы сказали, что наша земля подобно букашке, оббегающей солнце, но разве не солнце вращается вокруг нас, о чем свидетельствуют ежедневные заходы и восходы? — робко спросил Бойко.

— О, безмерная широта невежества! — воскликнул Учитель. — Прошло уже более пятидесяти лет со дня кончины Джордана Бруно на костре Святой Инквизиции, а вы всё еще идете вослед Птолемею. Вы должны нести свет знания людям, но мне кажется, что некоторые из вас до сих пор считают, что наша земля есть плоскость, стоящая на трех китах. Кто из вас наблюдал лунные затмения? Ты, Феодор? Какая форма тени от земли на луне? Правильно, круглая. Отчего?

— Простите меня, Учитель, — возразил Креонт, но если плоскость земли ограничена окружностью, то и тень на луне будет круглой.

— Самое главное, что земля вращается вокруг своей оси, и если бы она была плоской, то тень на луне могла бы иметь форму овала и даже иногда и прямоугольника в зависимости от того, как земля повернута к солнцу. Великий Магеллан еще за сто лет до вашего рождения совершил кругосветное путешествие. Какие еще вам нужны доказательства шарообразности земли?

— А скажите нам, если земля это шар, то как же вода из моря не выливается на сушу?

— Опять отвечаю вопросом на вопрос: Почему камни, которые вы бросаете вверх или в цель, всегда падают на землю? Это означает, что земля притягивает всё, что на ней лежит или движется. Это таинственная сила, которую создал Творец миров.

Теперь я должен рассказать тем, кто придет после нас, как мы нашли Учителя и стали трудиться рядом с ним, черпая силу в его необычайной мудрости. Когда-то он пришел в этот негостеприимный край и выстроил для себя убежище из камней, скрепленных раствором из намолотого известняка. Землю он приносил издалека в куске мешковины день за днем. Недалеко от его жилища журчал ручеек. Он сделал для него отвод под прикрытием нависшей скалы и вырыл бассейн, заделав в нем щели глиной. Тогда же он изготовил своими умными руками гончарный круг и произвел из глины множество сосудов, которые обжег на костре, а потом в печи. Так, трудясь день за днем, он сделал себе жилище, где делил свое время между заботами о поддержании жизни и размышлениями о мудрости Творца.

Никто не знал о его прошлом, а он никогда о себе не рассказывал. Однажды в его края забрел молодой парень, который заблудился, когда искал пропавшую козу. Он буквально умирал от жажды. Учитель напоил его родниковой водой и потом покормил ячменной лепешкой. Парень звался Зия, говорил на словенском языке, знал греческий. Он прожил у Учителя около года, а потом Учитель вывел его на тропу, и тот ушел, казалось, навсегда. И вот, этот Зия, вернувшись к своим, соблазнил двоих сверстников, взяв с них клятву молчания, рассказами о жизни отшельника и они ушли в ночь, унеся с собой орудия труда и с десятков ягнят. Путь предстоял неблизкий. По дороге к ним примкнуло несколько совсем молодых, среди которых были и греки, и славяне, и даже один из Сардинии. Там был и я.

Нас было семеро. Учитель сразу же приказал начинать работы по строительству жилья, сооружению двух больших

бассейнов для сбора дождевой воды, так как весна была в разгаре. Один из нас отправился пасти ягнят и искать места выпаса, потому что рядом были в основном каменистые участки. Четверо пошли искать сушины и таскать землю для расширения поля для выращивания ячменя. Учитель жестко приказал не трогать зеленеющие деревья. Первый разговор вообще был очень жестким. За нарушение приказа полагалось немедленное изгнание.

— Вспомните, как живет обыкновенный пруд, — говорил нам Учитель. — Ведь ему никто не помогает, а в нем обитают и растения, и рыбы, и насекомые, и водяные твари. Это потому, что пруд есть система, находящаяся в равновесии. С вашим приходом ко мне образовалась новая система, которая должна сама себя обеспечить едой, чистой водой, укрытием от непогоды и передачей знаний друг другу. Иначе мы, как система, погибнем. Кстати, пруд сам способствует росту по своим берегам деревьев и кустов, которые в жаркие дни отбрасывают тень и способствуют сохранению запасов воды. Вот так Творец придал смысл существования всему на земле, потому что всё на свете связано между собой.

Никогда в жизни мы не работали так упорно. Каждый день с рассвета до полной темноты мы были заняты строительством и улучшением построенного. Я удивлялся безмерности практических знаний Учителя. Однажды я не выдержал и спросил его, когда никого не было поблизости, где он мог взять столько знаний. Учитель строго взглянул на меня и ничего не ответил. Мы с Ним в это время набирали в один из кратеров темную и очень густую жидкость, которая выступала из-под земли в одном из естественных углублений. Оказалось, что она горит ярко-жёлтым коптящим пламенем, достаточным для освещения наших келий.

— Всегда бери пример с нашего Творца, — сказал Он, когда мы возвращались домой.

Я тогда это понял так, что всю жизнь человек должен трудиться и даже в старости до последнего вздоха, и только тогда

он уподобляется Творцу. Как только он уходит от своих дел, он становится никому не нужен и не интересен.

Когда мы шли долгой дорогой к Учителю, каждый из нас нес с собой Книгу, ибо так нам сказал Зия. Только оказавшись вдалеке от своей семьи и друзей, мы начали понимать, как много в этой Книге знаний, которые мы по своему невежеству и неумению думать, не видели. Однажды один из нас спросил Учителя, отвечает ли Книга на вопрос, как всё произошло в мире? И Учитель ответил, что отвечает, только не каждый это может понять.

Здесь я хотел бы рассказать о некоторых низменных вещах, без которых, однако, мы, твари земные, никак не можем обходиться. Учитель велел нам сразу после нашего прибытия, поскольку нас было семь, каждому разыскать укромное место для совершения некрасивых действий на расстоянии не менее трех сотен шагов и на склоне выкопать каждому ямку. Там же пристроить вылепленный сосуд для омовений и не забывать им пользоваться. А для легких испражнений он велел отрыть бассейн, в который повелел всем ходить, чтобы моча в нем копилась. С течением времени моча превращается в щелок. Он добавил, что так древние римляне создавали пруды с моющим раствором, в котором мадонны стирали одежду. А здесь он не потерпит неряшества и грязи, потому что от них могут развиваться тяжелые болезни. Еще он сказал, что не потерпит блуда. Если он найдет хоть однажды занимающихся содомским грехом, он в ту же минуту прогонит их домой. Для уменьшения соблазна он велел строить наши кельи по одной на каждого и не ходить даже в них в обнаженном виде.

Мы жили у Учителя с апреля по сентябрь. Постоянно при нем находились только трое: Зия, Махаз и я. Мы должны были поддерживать порядок в нашем общем хозяйстве, чтобы нам было, куда вернуться весной. Учитель взял с нас клятву, что мы никогда и никому не расскажем о нашей школе и, в первую очередь, потому, что это не была обычная религиозная школа наподобие монастыря, хотя мы все по утрам и перед

сном усердно молились. Он считал, что недоброжелательность людей и особенно духовных лиц погубит наше сообщество, а Его и нас всех сожгут на костре, как еретиков.

Каждый из нас был обязан по отбытии из дома взять с собой как можно больше металлических инструментов и полезных приспособлений, в том числе и деревянных палок.

Но вернемся к вопросам, которые мы задавали Учителю. На вопрос, как всё произошло в мире, он отвечал, что Книгу начали писать более тридцати веков назад и, хотя некоторые утверждают, что сам Творец диктовал её, скорее всего Он вдохновлял пишущего, а исправлять ошибки — не дело Творца. Это должен делать человек.

— Удивительно, — продолжал Учитель, — что уже в те далекие времена люди понимали последовательность творений день за днем. Сначала отделение света от тьмы, потом тверди от вод, потом появление на суше всякой зелени, затем появление рыб в водах, потом пресмыкающихся и птиц и лишь потом животных и зверей. Так шло развитие жизни на земле от простого к сложному, и каждый день Творца, как я думаю, означает для нас, смертных, многие тысячи тысяч лет, ибо даже кедр или дуб для своего роста и расцвета сил требует более ста лет. А загадка появления живых существ настолько сложна, что человеческий разум вряд ли сможет её понять.

Я хочу обратить ваше внимание на те ошибки, которые сделали записывающие Книгу и которые вы должны им простить, потому что тогда люди еще многого не понимали. Во-первых, они пропустили среди творений насекомых, которые идут одновременно с цветами, а без опыления цветов не бывает плодов. Во-вторых, они неверно представляли себе небо, называя его твердью. Уже при моей жизни Галилео Галилей показал с помощью телескопа планеты, движущиеся в небе на разных расстояниях от солнца и даже спутники, вращающиеся вокруг Юпитера. Значит, небо является очень слабой субстанцией, не препятствующей их движению, как воздух не препятствует нашему движению, когда нет ветра.

Главное, что упустили записывающие в Книгу, это то, что Творец положил начало времени. До дней творения времени не существовало. Всё началось с началом исчисления времени. Сперва была полная тьма, потом Творец отделил тьму от света и зажег звезды и наше солнце, и дал нам в спутники луну для ночного освещения. У древних эллинов время есть самый страшный бог, который пожирает своих детей, то есть всех нас, рожденных во времени. Даже бессмертные боги его боятся. Но теперь мы знаем, что те боги были выдуманы человеком и потому ушли, спустя десять веков, а Творец миров был, есть и пребудет всегда, потому что он создал время.

Один вопрос я сам не могу разрешить, сколько над ним не думаю. Говорится в Книге, что Он создал человека по Своему образу и подобию. Здесь явная ошибка записывающего в Книгу. Нет и не может быть образа и подобия на земле, которые напоминали бы очертаниями Творца, ибо Его черты — это бесконечность во всех проявлениях, полнота Всезнания и мощь Всесилия.

А вас я прошу подумать и постараться ответить на мои вопросы. Почему ночью небо черное? Почему растения растут вверх? Почему луна не падает на землю? Почему облака не падают на землю? Откуда берется радуга? Почему в первые дни творенья на земле было темно?

Пожалуй, на последний вопрос вы не найдете ответ, потому что у вас мало жизненного опыта. Вы не раз видели, как над кипящей водой висит облако пара. Облака в небе — это тот же пар, только очень слабый. Иногда вы можете видеть небольшие облачка, спустившиеся на вершины гор в виде тумана. Однако вы знаете, что облака могут сгущаться и вы их видите с земли, как тяжелые сине-черные тучи. Это тоже пар, только в нем гораздо больше воды, чем в светлых облаках. Когда его накапливается слишком много, идет дождь или ливень с градом и раскатами грома.

А теперь представьте, что тысячи тысяч лет назад земля была горячая, как та кипящая в котле вода. Тогда в воздух

уходило в тысячу раз больше пара, чем сейчас, и из этого пара получалось в тысячу раз больше облаков, и они висели над головой и закрывали солнце, и было очень темно. Вы ведь видели много раз, как перед сильной грозой становится темно, как ночью. А потом земля остывала, остывала и вода на ней всё прибавлялась из облаков, которые становились всё тоньше, и, наконец, солнце пробилось сквозь них и вся земля осветилась уже навсегда.

Я спросил Учителя, отчего облака любого цвета плывут по небу, и он ответил, что они не плывут подобно лодке в воде, направляемой гребцами, а движутся вместе с воздухом, перемещения которого мы называем ветром.

Однажды, когда Махаз пас наше овечье стадо в небольшой долине, он обратил внимание, что овцы подходили к невзрачному светло-серому камню и лизали его. Он тоже решил попробовать его на вкус и обнаружил, что он соленый. Наметив место, он вечером вернулся домой и поспешил рассказать Учителю о находке. Тот был очень доволен и на следующий день втроем, прихватив кирки, они отправились за Махазом.

Возвратились они с богатой добычей. Учитель был очень доволен и сказал, что теперь они могут заготавливать овечий сыр и мясо. Однако сперва он велел вскипятить воду и варить принесенные камни, пока вся соль не растворится. Потом мы выставили сосуды с рассолом для охлаждения и затем осторожно слили рассол в чистые кратеры, где рассол высыхал целый месяц.

Еще я вспомнил, что Учитель велел нам всегда убирать золу из костра и сыпать в отдельные сосуды, куда тоже заливалась вода. Потом, когда раствор отстаивался, мы использовали его для мытья лица, шеи и разных частей тела. Еще Учитель велел нам истолочь известняк до тонкого порошка, смешивать его с водой и этой пастой чистить зубы. Кроме того, он велел изготовить тонкие щечочки и чистить ими между зубами после каждой еды. Кто-то спросил Его, зачем мы

тратим на это время, ведь ежедневно надо опять все повторять, и Учитель ответил:

— Ведь должны мы хоть чем-то отличаться от животных! От вас требуется не засорять землю остатками ваших работ и развлечений, все ваши испражнения должны быть хорошо укрыты внутри земли, не харкайте и не плюйте пред лицом вашего ближнего, дабы не заразить его вашей скверной. Если увидите павшую птицу или мышь, которую одолевают голодные мухи, старайтесь аккуратно отнести этот груз подальше от жилья и вымойте после руки ваши щелоком от золы.

Пройдет немного лет, и вы покинете меня, но я тешу себя мыслью, что привычка к чистоте у вас останется и поможет пережить вам тяжелые времена, а их будет много в жизни вашей и ваших потомков.

Прошло немногим более двух лет, и трое старших, и среди них Махаз, не вернулись к Учителю, потому что нашли себе женщин. Я очень тосковал без Махаза. Он был такой красивый и сильный! Я мечтал вырасти таким же, как он. Учитель заметил мою грусть и сказал мне:

— Человек всегда платит страданием за свою привязанность, и чем она сильнее, тем горше страдание. Таков закон. Положись на время. Течение времени приносит забвение. Забвение дает успокоение душе.

— Но ведь забвение подобно смерти! — воскликнул я.

— Пожалуй, ты в чем-то прав, — ответил Учитель со слабой усмешкой. — Уехать, уйти значит, немножко умереть.

Креонт был, наверное, самый изобретательный из нас. Он заметил, что на дне кратера из-под лампового масла скапливается тяжелая и очень густая масса. Он смешал её с мелким песком и после того, как костер прогорел, разгреб золу, положил туда черную лепешку, разгладил и засыпал золой. Утром он вытащил эту штуку, и она оказалась твердой, как камень. Потом он обтер её тряпицей и куском известняка начертал на ней своё имя. Оказалось, что можно писать и стирать на-

писанное много-много раз. А раньше мы использовали размягченную глину, на которой выдавливали буквы тонкими заостренными палочками.

Хотя мы все умели читать Книгу и писали буквы так, как они были нарисованы в ней, мы совсем не знали арифметики, и Учитель передал нам знания о четырех действиях арифметики и действиях с дробями. К сожалению, я должен признать, что не все смогли осилить премудрости арифметики, как ни старался Учитель им помочь. Более того, я заметил, что отстающие в учении Маркус и Давид, прониклись злобой к тем, кто освоил эту науку. Они же и ушли, не попрощавшись с Учителем в один из дней, прихватив два круга сыра и большой кусок вяленого мяса.

Стадо овец разрослось настолько, что мы могли не реже двух раз в неделю готовить мясное. Кто-то из наших принес две пары больших ножниц, и мы освоили стрижку овец. Учитель велел нам всем освоить искусство прядения и вязания. Маркус сказал Махазу, что это бабье ремесло и он не будет им заниматься, а Учитель, проходя мимо, услышал и, когда мы собрались на ужин, сказал, что землю и всех, кто на ней проживает, могут ожидать разнообразные несчастья — пожары, наводнения, землетрясения, войны, падение небесных тел, моровые язвы. Он рассказал, что около четырехсот лет назад чума опустошила Европу и под вопросом было существование человека на земле. После таких бедствий может начаться одичание оставшихся в живых, потому что некому будет передать тысячелетний опыт предыдущих поколений.

— За каждым предметом, изготовленным человеческими руками, стоит труд наших предков, — сказал он. — Этот труд был полон ошибок и разочарований, потому что за каждым ремеслом, за каждым умением стоит тяжелый жизненный опыт. И вам надо овладеть простыми навыками создания необходимых для жизни вещей, потому что утрата таких навыков приведет вас в пещеры, в которых вы будете мерзнуть, потому что не будете знать, как развести огонь.

По приказу Учителя Зия сходил домой, научился этому не очень сложному делу, а мы потом довольно быстро переняли вязание и прядение у него. После этого каждый из нас получил задание связать тунику и короткий плащ на свой размер. Это занятие очень помогло нам коротать вечера, потому что руки быстро запоминают технику вязания и на них не надо смотреть, и можно при этом поддерживать беседу. За два месяца мы связали туники, плащи и даже шапки. Нельзя сказать, что они нас сильно украшали, но в них было тепло. Потом Учитель велел нам вымачивать наши одежды в щелоке от золы и в моче, чтобы они не воняли овцой, а потом мы их отстирывали в воде и долго сушили под солнцем.

Еще я забыл сказать, что тот же Махаз обнаружил в небольшом распадке крохотный ручеек и вблизи него несколько оливковых деревьев. Это было довольно далеко от нас — несколько часов пути. Мы знали, когда оливы созревают, и на рассвете отправлялись в путь с корзинами, которые плели из местных кустарников. Возвращались мы с полными корзинами на вечерней заре. Все хитрости засола мы уже знали и спустя месяц мы могли себя порадовать этим вкусным и очень полезным продуктом. К сожалению, мы сами не могли изготовить пресс, чтобы отжать оливковое масло.

Как я уже говорил ранее, у нас никогда не было минуты, проводимой в праздности. Если мы не делали тяжелую работу, то нам позволялось чертить, рисовать, вырезать по дереву, сочинять стихи, учить отрывки из Книги, вести диспуты. Учитель с большим вниманием относился к нашим рассуждениям и поощрял остроумные доводы в спорах. Чаще всего он сам давал нам тему для размышлений.

Он понимал, что мы пришли к нему не навсегда. Потребность в семейном укладе жизни искоренить трудно. Да и не всякий характер выдержит длительное испытание отшельничеством. На четвертый год нашего совместного существования нас осталось всего пятеро. За четыре года мы повзрослели, возмужали, ежедневный упорный труд закалил наши тела и дух. Изредка, но все чаще мы стали слышать как

бы зов больших человеческих сообществ, в которых мы хотели бы опробовать свои силы. Однако мы не могли предвидеть внезапные испытания, которые вскоре выпали на нашу долю.

Как сейчас помню, это произошло в середине сентября. Учитель рассказывал нам об учении Демокрита, что всё-всё на свете состоит из мельчайших неделимых частиц, называемых атомами. Тогда еще Андреа спросил:

— Как же из одинаковых частиц получаются разные металлы, камни, деревья?

— Насчет камней и металлов я могу лишь предполагать, — сказал Учитель — но если ты возьмешь любое дерево и сожжешь на костре, то всегда в итоге получишь одно и то же, то есть уголь. Это означает, что любое дерево, трава, кусты построены прежде всего из атомов угля. Это несомненно. Даже человек, когда его сжигают, обугливается, как дерево, и после полного сжигания превращается в золу, как у нас в костре. Значит, и мы состоим из атомов угля.

Относительно металлов, например, медь, олово, железо, которые совсем разные и плавятся при разных температурах, я могу лишь предположить, что они состоят из атомов разного сорта, но каждый из них состоит из совершенно одинаковых атомов.

И вот, в этот момент в свете костра появился Махаз. Он отозвал Учителя в сторонку и стал что-то жарко ему объяснять. Учитель выслушал его, кивнул головой и сказал, что ему нужно подумать, после чего он удалился к себе. Махаз подсел к костру, и я ему принес еду и воду из родника. То, что мы услышали от него, повергло нас в тоску и смятение. Оказывается, Маркус разболтал жене о нашем приюте, а она поделилась с другими бабами, и сплетня о нашем житье-бытье пошла гулять в народе. Случилось там быть и одному странствующему монаху, который определил наше объединение, как происки дьявола, и стал накручивать мирян собраться с оружием и пойти искоренять ересь, сжечь наши постройки, а нас всех предать смерти. Он так застрашал

Маркуса, что тот выдумал жуткие сцены надругательства над христианским вероучением и над Книгой.

Махаз зашел к Маркусу в дом ночью и предупредил, что если он покажет на него, как члена нашего сообщества, то он прирежет и Маркуса, и всю его семью, а дом спалит.

Учитель вышел к нам утром и сказал, что у нас есть целый день на сборы. Мы все должны уйти в разные стороны, избегая деревню, где жил Маркус. Опасность очень велика. Он тоже уходит и берет с собой Зию и меня. Каждый должен взять с собой запас еды на неделю, инструменты, овечьи шкуры для ночлега и всё сколько-нибудь ценное. Никто не должен никому говорить, куда он направляется, потому что если толпа во главе с монахом кого-то поймает, то будет пытаться и мучить, чтобы узнать, куда ушли другие.

На рассвете Учитель всех поднял и велел побыстрее собираться в путь. Потом он обнял Махаза и сказал ему, чтобы тот появился в деревне скрытно и последил за своим домом, потому что там может быть засада. Лучше всего было бы успеть незаметно убить монаха до того, как он возглавит толпу погромщиков. Жертв может быть много, когда люди объединяются в толпу, которую науськивают на легкую добычу.

Мы втроем дождались, пока все уйдут, потом из дома вышел Учитель в полном рыцарском вооружении. На нем поверх туники была надета кольчуга, а поверх вязаный шерстяной плащ, на голове железный шлем, на ногах сапоги, в один из которых был заправлен короткий ножной меч. Через плечо был перекинут на ремне кожаный кошель, в котором, как оказалось позже, хранились важные документы и изрядное количество золотых монет. Он протянул Зие железную кирасу и тяжелую саблю и сказал, что тот будет нашим защитником. Мне он дал узкий длинный кинжал и небольшой кошелек с серебряными монетами. Еще он надел на меня кожаную кирасу и приладил её с помощью ремней.

Все остальное мы распределили в соответствии с нашими силами и отправились на Северо-запад к Венгерской гра-

нице. Я в последний раз взглянул на нашу обитель и не смог сдержать слез.

Учитель рассчитал, что мы должны проходить не менее двух римских миль за час, учитывая большую нагрузку, которую несли наши плечи. Затем мы получали десятиминутный отдых и снова отправлялись в путь по компасу, который указывал на Северо-запад. Нам предстояло пройти около трехсот миль и это означало, что делая шестнадцать миль в сутки с учетом перерывов на еду и отдых, мы должны идти не менее двадцати дней. Однако Учитель рассчитывал купить лошадей, и это сэкономит бы нам массу времени. Поселения могли начаться дней через пять. Первую деревушку мы обнаружили на берегу крохотной речушки уже на третий день путешествия, но Учитель решил в неё не заходить, чтобы следователи не получили шансов узнать о нас информацию. Поэтому мы стали лагерем на пару миль выше по течению. Наличие воды было для нас великим благом. Мы смогли поесть горячей ячменной каши с мясом и запить эту прекрасную еду горячим настоем целебных трав.

Время в дороге тянулось мучительно медленно. Я шел и представлял себе, сколько необходимо самых различных вещей для того, чтобы поддерживать жизнь, и сколько еще нужно для того, чтобы сделать свою жизнь разумной, украшенной добродетелями, чтобы растить детей и учить их. Я стал составлять список и когда он перевалил за сотню, я сбился. Главное, что я понял, — человек всегда нуждался в источнике огня, потеря огня означала возвращение к дикости. Вторым необходимым элементом была вода. Вода была всюду — в воздухе, на земле, под землей, внутри всего растущего и внутри всех животных и всех плодов. Без неё живая жизнь кончалась очень быстро. Воду надо было в чем-то держать, иначе мы должны были бы сидеть возле ручья или реки, боясь уйти дальше, чем на день пути. Значит, нужно было уметь делать сосуды для её хранения. Тут я вспомнил, что Учитель наставлял нас никогда не пить неподвижную воду, потому что в ней могут таиться опасные болезни. А как

же козы, овцы, лошади? Ну да, они все равно едят с земли, наверное, вместе с букашками, червяками, значит, они могут и из пруда или из лужи пить...

Учитель рассказывал нам, что древние считали основой мира четыре стихии. Я вспомнил две. Еще две — это воздух и земля. Ну, чтобы жить, воздух нам дан Творцом, и он — везде. Земля нам, вроде бы, тоже дана в дар, и из неё всё растёт, и всё живое ест всё, что растёт и даже ест тех, кто ест то, что растёт. Смешно: есть, значит быть, и есть значит кушать, пожирать. Учитель говорил, что было время, когда люди ели людей, и что даже сейчас в далеких землях существуют людоеды.

Но как же древние не догадались, что есть еще пятая стихия! Это свет, который струится к нам от солнца и без которого земля была бы голой, как камень и в воде ничего бы не водилось. Творец зажег солнце и звезды. Что они Книгу не читали? Надо спросить Учителя.

Местность, по которой мы шли, постепенно меняла свой вид. Появлялось больше растительности, тут и там возникали ручьи и даже приходилось переходить вброд небольшие реки.

По дороге Учитель делился с нами мыслями о том, как меняется сознание людей, когда они собираются в толпу.

— Скорее всех объединяются в толпу люди, которые не умеют мыслить, их ведет стадное чувство, — говорил он. — Когда число людей в толпе превышает определенный предел, у них возникает ощущение внутренней силы. Один человек этого ощущения не может иметь и, кроме того, наличие даже небольшого ума позволяет ему себя контролировать, то есть, к примеру, взрослый мужчина не пойдет убивать ребенка или женщину, даже если они ему неприятны или раздражают. У человека в толпе этого контроля нет. По мере её роста довольно быстро определяются лидеры. Совсем не обязательно ими должны быть наиболее сильные мужчины. Главное — они должны громко и решительно ставить цели перед толпой, и эти цели разрушительные. К созиданию толпа совершенно неспособна.

Стихия толпы — разрушение и убийства. Достаточно вспомнить, как Савонарола собрал и возбудил толпу, которая разграбила сокровищницу Лоренцо Великолепного. Толпа безжалостна и труслива одновременно. Боеспособный небольшой отряд способен рассеять и обратить её в бегство. Чем дольше длится бездействие правителя или военачальника, тем быстрее нарастает агрессивная толпа и тем большие усилия приходится затем применять для наведения порядка.

Теперь вы оба понимаете, почему я так поспешно распустил наше небольшое содружество. Я вас не учил военному делу, и нас было слишком мало, чтобы противостоять той толпе, руководимой монахом, хотя я не вполне уверен, что ему удалось её собрать. Однако я предпочел не рисковать жизнью своих учеников.

На шестой день мы вышли к большой реке, на берегу которой располагался городок, украшенный храмом. От него расходились правильным крестом четыре улицы, на которых я заметил несколько торговых мест и харчевен. Мы заглянули в одну из них, и Учитель спросил хозяина, нет ли поблизости гостиницы. Оказалось, что в конце улицы, уходящей вправо от храма, есть постоялый двор, куда мы и отправились, купив у хозяина бутылку венгерского вина.

На постоялом дворе к нам отнеслись с подозрением, поскольку мы пришли пешком, но Учитель сказал, что наших лошадей увели цыгане, и заодно спросил, где можно купить приличных коней.

— Вообще-то, хороших коней лучше купить на ярмарке, — ответил хозяин. — Кстати, в воскресенье она и ожидается, а я советую вам пока у нас поселиться.

Учитель кивнул, заказал две комнаты на втором, верхнем этаже: одну для себя и вторую для нас, как для слуг. Потом Учитель заказал два бочонка горячей воды, два кувшина и корыто, чтобы искупаться после дороги. Еще он спросил, нет ли у хозяина хорошего мыла, и тот ответил, что у него есть

пара кусков французского мыла, но оно дорогое, очень дорогое. Учитель купил это мыло и банные услуги за серебряный талер, который взял из моего кошелька, чем вызвал большое уважение хозяина.

В первый раз в жизни я мылся совершенно голый, пользуясь мылом, и Зия тер мне спину, а я помогал ему, а потом Зия ушел в комнату Учителя и помог ему в мытье. Слуги унесли грязную воду. Учитель распорядился приносить еду к нам наверх и спросил чайник с кипящей водой. Он налил нам в кружки на три четверти кипятка, а потом влил туда немного венгерского вина. Мы очень хорошо поужинали и запили еду разбавленным вином. Учитель предупредил нас, чтобы мы ничего не пили в его отсутствие или на улице во избежание заразы.

— Если вы заболете, то лечить вас нечем, — сказал он, — а путь нам предстоит неблизкий.

Тут я не удержался и спросил его, куда же мы направляемся. Учитель нахмурился и сказал, что я об этом узнаю позже, и я прикусил язык. Потом мы стали укладываться на ночь, и Учитель предостерег нас, что хозяин уже понял, что мы люди не бедные и возможно, что нас попытаются обокрасть. Поэтому деньги лучше спрятать у себя на теле и крепко привязать. Оружие тоже должно быть готово к бою, окна и двери следует завесить веревками, к которым привязать кружки и ложки, чтобы они зазвенели, если нагрянут гости.

Насколько проницателен был наш Учитель! Где-то часа в три пополуночи, Зия услышал падение тела и одновременно ложка звякнула о кружку. Я тоже пробудился. Зия, большой, как бык, и гибкий, как кошка, изловчился и ухватил вора за ногу. Другой рукой он схватил его за волосы. Молча, стараясь не будить Учителя, мы зажгли свечу. Перед нами стоял парень лет пятнадцати-шестнадцати с веснушчатым грязным лицом и нахальными карими глазами.

— Кто тебя послал? — спросил Зия.

Парень явно не понимал. Я повторил вопрос по-итальянски. По его глазам было видно, что он не хочет говорить.

— Дай кинжал, — сказал Зия. — Скажи ему, что я сейчас отрежу ему уши, потом нос, а потом вырежу язык.

Я перевел. Парень вдруг начал плакать. Из его бормотаний я понял, что послал его хозяин, но если он узнает, то убьет его. После этого Зия обкарнал его голову кинжалом так, что она напоминала плохо ощипанную курицу, запихнул отрезанные волосы ему за пазуху, вытащил его за дверь и дал ему хорошего пинка в зад. Потом Зия задул свечу и завалился спать, как ни в чем не бывало, а я почти до рассвета крутился, и всё не мог успокоиться.

Утром выяснилось, что Учитель всё слышал, но решил не вмешиваться. Однако после завтрака он вызвал хозяина и сказал ему:

— Ночью нас пытались обворовать. Если это еще раз повторится, ты ответишь своей головой. Понял?

Что-то было такое в голосе и взгляде Учителя, что хозяин упал на колени и смиренно попросил прощения у знатного синьора и клятвенно обещал, что никто отныне не нарушит его покой.

Наконец, наступило воскресенье. Рано утром Учитель велел нам отправиться на ярмарку и купить три лошади, шесть переметных сумок, седла, уздечки и все остальное, что нужно для конного похода. Он предостерег нас, чтобы мы разложили деньги в несколько мест, а кошелек оставили у него.

— Ваша крупная покупка неизбежно вызовет внимание, и обязательно найдутся воры, как на всякой ярмарке, которые захотят вас обокрасть и даже отбить лошадей. Поэтому будьте очень внимательны. Оружие возьмите с собой и держите на виду. Купив лошадей, сразу попросите продавца помочь вам снарядить их для похода и только после этого, сев верхом, отдайте деньги и поезжайте ко мне, и смотрите, нет ли за вами слежки. Я надеюсь, что ездить верхом вы не разучились.

Мы с Зией потратили уйму времени, пока всё купили, снарядили и смогли выехать с ярмарки. Зия направил коней к храму и велел мне незаметно время от времени оглядываться, что я и делал. Спустя с десяток минут я заметил, что

нас сопровождает небрежно одетый всадник, который прижимается к оврадам. Я сказал об этом Зие, который дождался, когда дорога расширилась, круто развернул коня, выхватил саблю и кинулся на преследователя. Тот не ожидал нападения и в панике соскочил с коня и кинулся через ограду вглубь разросшихся кустов. Зия поймал его коня и рысью повел за собой. Спустя полчаса мы достигли храма и по правой улице направились к нашему приюту.

Следующий день прошел в хлопотах, связанных с отъездом. Мы запаслись полезными продуктами на случай ночевки в дороге, Учитель купил себе шпагу с перевязью и шляпу с пером, поменял мой кинжал на свой короткий меч и с рассветом мы уложили вещи и отправились в путь. Был уже конец октября, стояла прекрасная погода. Наши кони шли резвым шагом. За три часа мы сделали не менее двадцати миль. Потом дали коням часовой отдых и корм, пока подкрепились кипятком с вином и мясом в придорожной корчме, и снова отправились в путь. Так мы двигались еще шесть часов, пока не дошли до следующего городка уже на южной границе Австро-Венгрии. Начальник стражи потребовал документы, и Учитель вытащил их из своей сумки и показал, после чего тот отдал ему честь и пропустил нас.

Когда мы через несколько дней оказались на территории Австрии, я понял, насколько жизнь цивилизованных народов отличается от нашей. Прежде всего, это сказалось на дорогах, по которым мы путешествовали.

— Сейчас мы двинемся в направлении города Грац, — сказал Учитель. — Он известен своим университетом. Если ты в него поступишь, то я буду считать, что не зря взял тебя с собой. Но пока ты еще ничего не знаешь и тебе предстоит долго и усердно учиться. Согласен? Здесь тебе будет легче докапываться до истины, потому что в этом районе Австрии сильны словенские корни, и ты сможешь найти соотечественников.

А знаешь ли ты, как трудно постичь истину? — спросил Учитель, спустя десять минут. — На это может не хватить всей жизни. Наверное, поэтому большинство людей и слышать не

хотят об истине и живут в потемках, потому что истина — это свет!

Вспомни откровение Иоанна. Христос был приведен к Пилату и тот спросил его, за что его народ и первосвященники предали Его для казни? Что Он сделал?

Иисус отвечал:

— Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царствие Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда.

Пилат сказал Ему:

— Итак, Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об **истине**; всякий, кто от **истины**, слушает гласа Моего.

Наверное, Иисус думал, что Пилат заинтересуется, в чем истина, и тогда Он расскажет ему о том, что это такое и как её достичь. Но Пилат понял лишь, что этот человек не может серьезно претендовать на роль царя иудейского, а философские рассуждения об истине его совершенно не интересовали. Он был направлен Римом для управления провинцией Иудеей и для сбора налогов. Поэтому он без всякого интереса спросил Иисуса:

— Что есть истина?

И, не дождавшись ответа, вышел к Иудеям, чтобы сказать им:

— Я никакой вины не нахожу в Нем.

Вот так мы остались без ответа на крайне важный для всего человечества вопрос «Что есть **истина**?» Шестнадцать с лишним веков церковь ищет ответа на этот вопрос, философы ищут, ученые ищут... Но никто не может с уверенностью сказать, что есть **Истина**.

Я был совершенно поражен рассуждениями Учителя. Мне казалось, что я родился заново и заново увидел окружающий меня мир. Так во мне созрело желание овладеть мно-

гимии знаниями, чтобы помочь человечеству ответить на этот крайне важный вопрос.

Между тем, мы продолжали двигаться на Северо-Запад через Германские княжества и государства, останавливались в больших городах, заходили в магазины и храмы. Учитель расплачивался за гостиницы золотом, и я боялся, что вот-вот деньги кончатся, и мы не сможем продолжать путь. Наконец, спустя два месяца мы пересекли границу Нидерландов, и Учитель сказал, что мы близки к цели нашего путешествия. Через несколько дней мы прибыли в Делфт. Учитель, видимо, хорошо знал этот город. Вскоре мы подъехали к дому, где красовалась вывеска мануфактуры, и постучали в дверь. Выглянула средних лет женщина в белой блузке с кружевным воротничком и черной длинной юбке. Учитель спросил, может ли он видеть господина Антони ван Левенгука.

— А как вас представить? — спросила служанка.

Учитель наклонился и прошептал ей на ухо своё имя.

Через пару минут в дверях появился полный улыбающийся мужчина и распахнул руки для объятия:

— Привет, Франц, привет, дорогой! Я получил твоё письмо две недели назад. Каким ветром тебя принесло из такой дали? Как я рад тебя видеть! Ну, заводи коней. Эй, Йохан, Якоб, откройте ворота гостям!

Мы въехали в просторный двор мануфактуры, спешили, и Учитель представил нас хозяину, как своих учеников. Хозяин распорядился предоставить нам комнату, помочь с наведением чистоты тела и одежды. Учителя он пригласил в другую комнату и приставил к нему слугу. Часа через три, когда наступило время обеда, нас пригласили к столу. Хозяин и Учитель уже сидели в соседней зале, у них еда была более изысканной, но меня страшно интересовали их разговоры и, разумеется, всё, что касалось жизни Учителя. Ведь я, наконец, услышал его имя! Слух у меня в те годы был отменным, и я старался не сильно жевать, чтобы не пропустить ни слова.

Оказывается, наш хозяин был выдающимся изобретателем. Он сделал линзу величиной с горошину и вставил

её в тонкую трубочку, а над ней он закрепил другую линзу и когда он совместил оптические оси этих линз, то получил устройство, способное увидеть мир крошечных существ, живущих вокруг нас и даже внутри нас.

— Представляешь, Франц? Однажды утром перед завтраком я поскреб зубочисткой между зубами и намазал этими остатками вчерашней еды стеклышко с каплей воды. Потом я навел свой микроскоп, так я назвал своё устройство, на стеклышко, которое подсветил с помощью зеркала и увидел миллионы живых существ, которые двигались перед моими глазами в разных направлениях. Мне даже стало дурно. Что же — мы даем приют внутри нашего тела другим живым существам?! Потом я выпил очень горячий кофе и снова сделал соскоб зубочисткой. Как ты думаешь, что я увидел? — Они все были мертвы, неподвижны.

— Знаешь ли, Антони, я как бы предчувствовал твоё открытие. С самого начала нашего путешествия я запрещал пить своим ученикам сырую воду. Мы пили только кипяток, разбавленный вином для вкуса. Но мне кажется, что вино тоже способствует уничтожению заразы в воде.

— Но я сделал еще несколько важных открытий с моим микроскопом. Во-первых, я смог увидеть, что придает крови красный цвет. Это такие круглые красные подушечки, которых, очевидно, страшно много в каждой капле крови. И во-вторых, в человеческом семени я нашел живые существа, которые способны быстро двигаться, но сразу умирают, когда попадают в воду. Сейчас я готовлю научные записки в адрес Лондонского Королевского Общества. А теперь скажи мне, как другу, что подвигло тебя бросить карьеру религиозного философа и удалиться от мира на полтора десятилетия?

— Если можно, ответу кратко: «Оттого, что я не согласен, что от грехов можно откупиться деньгами. Раз церковь так не считает, то я прекращаю отношения с этой организацией и выяснять, кто прав, я не намерен».

Теперь послушай. Мой старший ученик — очень достойный и надежный человек. Я прошу тебя дать ему работу у тебя

в мануфактуре. Уверен, что ты не пожалеешь впоследствии. Он владеет греческим и словенским, немного понимает немецкий, потому что мы почти два месяца шли сюда по Германии. Он еще молод и легко освоит голландский и другие языки. Мой младший ученик очень способный, владеет греческим, итальянским и словенским. Немецкий схватил на лету. Я был бы тебе очень признателен, если бы ты взял его себе в обучение. Ему сейчас не хватает образования, но года через два он вполне сможет поступить в университет, если не будет лениться. Я видел, как загорелись его глаза, когда он увидел твою мастерскую, где ты делаешь линзы. Он будет тебе опорой и хорошим помощником, поверь мне.

Вот так решилась моя судьба. На дворе стоял ноябрь 1672 года и вскоре мой новый учитель стал всемирно известен. А мой духовный отец, мой Учитель с большой буквы, растворился во времени и пространстве, одарив на прощанье меня и Зию десятком золотых монет. Я верю, что Творец миров, как его называл Учитель, найдет ему достойное место среди великих мира сего — Джордано Бруно, Галилео Галилея, Мишеля Монтеня, Мигель де Сервантеса, Данте Алигьери, Альбрехта Дюрера, Николы Коперника и многих других достойных упоминания в вечно обновляемой Книге бытия, наравне с Екклесиастом.

ДИССИДЕНТЫ

СЛАВА ГЕРОЯМ

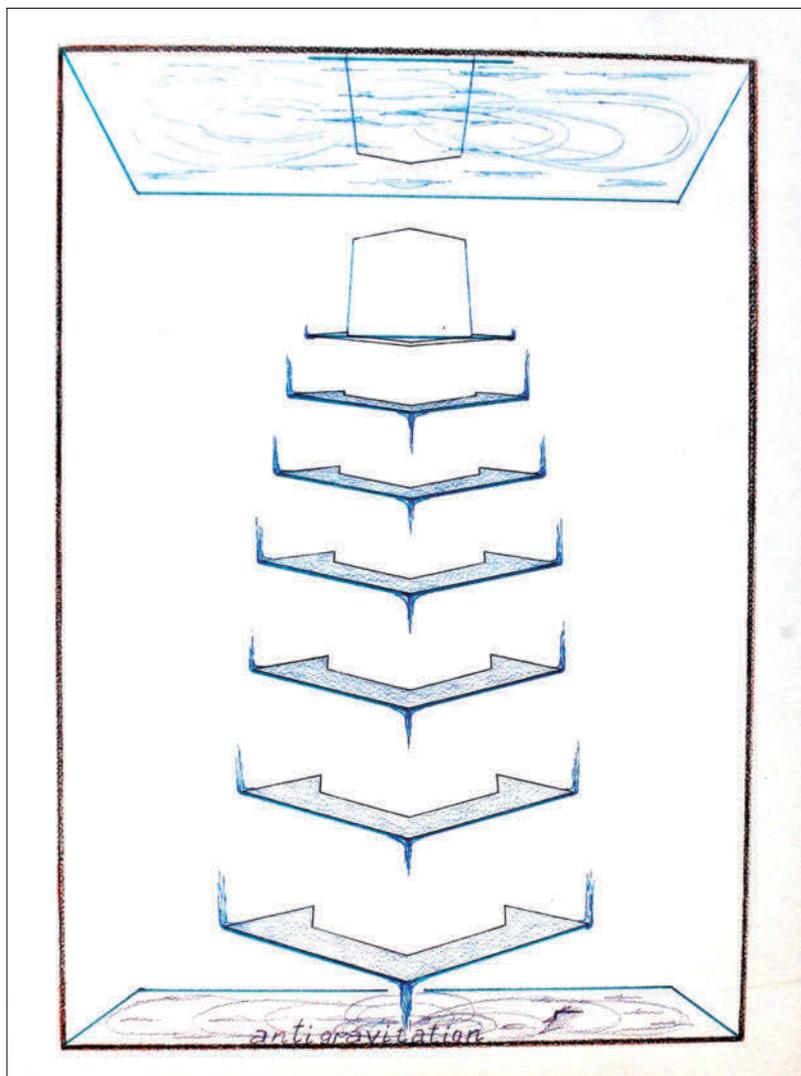
Начну с цитаты из книги Федора Раззакова «Владимир Высоцкий. По лезвию бритвы». Изд. Язуз. М. 2004:

«В далеких теперь 70-х я часто задавал себе вопрос: почему тех же диссидентов, которые в открытую бросали вызов существующему в стране режиму, порой кладя на алтарь борьбы за свободу свое здоровье, а иногда и жизнь, народ наш, в большинстве своем, почти не воспринимал? Более того, люди верили официальной пропаганде, твердившей о злокозненных происках «наймитов Запада» против нашей горячо любимой Родины.»

А как относился народ, и в том числе многие наши инженеры, к диссидентам, можно судить по анекдоту, гулявшему в тех же 70-х: Диссиденты делятся на три категории: *до-сиденты, сиденты и от-сиденты!*

И все-таки, несмотря на жалкие успехи демократизации общества за последние пятьдесят лет, слава, слава, слава героям!

Столько исписано бумаги, столько сказано речей, снято документальных фильмов, а результат ничтожный. Прочли, покивали головами и продолжили свое выживание. Спорят о прошедших событиях со страстью, достойной лучшего применения. Что было бы, если бы... Бывшие жертвы репрессий приписывают себе главную роль в разваливании СССР. Нет, не

А. Толчинский. «Антигравитация»

зря мы сидели в психушках! Не зря наши отцы сидели в лагерях! Мы разрушили мир насилья!

Всё это есть лишь неодолимое стремление выдать желаемое за действительное. СССР сгнил на корню, не дав доброго плода, *исключительно по экономическим причинам*, поскольку задуманная и созданная модель оказалась ложной. Теоретики считают, что основным дефектом модели было отсутствие обратной связи. Ведь даже внутри крошечной живой клетки существует взаимодействие её отдельных структур и элементов, каждый из которых подает сигнал о своем состоянии. Однако отрицание обратной связи внутри СССР тоже ложно. Она существовала, но работала на уровне катастроф, то есть не давала о себе знать, пока не появлялись признаки разрушения самой социальной структуры в виде голода, эпидемий, пожаров, взрывов военных складов, участвовавших в крушениях поездов и проч. Тогда власть вводила в стране или в отдельных районах страны чрезвычайное положение и худо-бедно справлялась с бедой.

Почему при наличии вполне достойных научно-технических кадров, продукция наших предприятий уступала по качеству капиталистическим странам? Если мы правильно ответим на этот вопрос, можно будет продолжить поиск ответа на другой вопрос: имело ли положительное влияние на развитие страны диссидентское движение? Ведь оно боролось за гласность. Может ли любой из читающих эти строки сказать с уверенностью, что гласность способствует повышению качества выпускаемой продукции?

Если взять пример Китая, то власть там безжалостно карает любые проявления диссидентства, но экономика растет, и наш рядовой обыватель склоняется к мысли, что свобода высказываний никак не связана с экономическими успехами. Между тем, авторитетные люди говорят, что население Китая живет в массе своей даже хуже, чем в России, где 30 миллионов находятся у официально признанной черты бедности.

Человеческая жизнь слишком коротка, чтобы на её протяжении понять, как экономические законы связаны с поли-

тическими свободами. Если через тридцать лет экономика Китая начнет стремительно слабеть, то можно будет связать эти две глобальные величины, но кто из нас проживет еще тридцать лет, чтобы засвидетельствовать начало этого явления? Однако ответить на вопрос, почему Китай вырвался вперед, мы, кажется, уже можем. Китай ввел «НЭП», допустил частный сектор в экономику, и как видим сегодня, это решение оказалось кардинальным. Думается, что Ленин, в отличие от окружающих его придурков, обладал гибким и глубоким умом и если бы прожил еще хотя бы десять-пятнадцать лет, мы сейчас делили бы первые места с наиболее успешными государствами.

И все-таки над авторитарной системой правления витает призрак дамоклова меча, поскольку власть в этих странах по определению должна внушать страх. Страх, в свою очередь, побуждает чиновников любого ранга отсылать наверх приукрашенную, то есть ложную информацию о реальном состоянии дел. Он же побуждает чиновников к бездействию в сложных и опасных обстоятельствах подобных Чернобыльской катастрофе.

Какое, спрашивается, всё изложенное имеет отношение к диссидентскому движению в СССР? Имеет и очень близкое. Все эти люди искренне верили, что гласность, доступ к закрытой информации, свобода высказываний автоматически приведут к прогрессивной системе правления и процветанию страны. И вот, получив политические свободы, общество оказалось неспособно сохранить хотя бы ту экономику, благодаря которой народы имели, пусть самую скромную возможность, поддерживать свое существование. Новая власть позорно оставила народ перед лицом надвигающейся анархии и голода.

Возникает естественный вопрос: Если вы в течение тридцати лет (1954–1985) боролись с авторитаризмом, как же тогда получилось, что у вас в нужный момент не оказалось в руках достаточно продуманных планов по реформации об-

щества? Да, планы могли содержать множество ошибок, но они должны были существовать, чтобы было что корректировать. Господа историки, используя метод аналогий, должны были предвидеть возможные опасные направления после смены власти и даже возможность новой гражданской войны. Ведь гласность, за которую боролись, практически наступила в 1988 году. Вожди диссидентского движения оказались полными импотентами, когда власть коммунистов рухнула, и в результате экономика разошлась по рукам отъявленных воров, многие из которых имели солидное коммунистическое прошлое. Спрашивается, как можно было после провала путча оставить во власти самую подлую в мире организацию НКВД-КГБ. Ведь логически самым первым шагом должен был стать декрет о запрете этой организации и преданию всех её членов суду. И в конституцию должна была введена поправка № 1 — никогда, ни при каких обстоятельствах не может быть разрешено создание террористической организации, имеющей своей целью защиту властных структур от собственного народа.

Существует понятие: правительство в изгнании. Оно может жить за границей, но может жить и в подполье. Оно должно выждать тот момент, когда существующая власть ослабевает, одряхлеет и станет возможным относительно бескровным способом совершить переворот.

Кажется, имеет смысл привлечь к оценке роли диссидентства теорию пассионарности, выдвинутую в свое время Львом Гумилевым. Отставляя в стороне психофизиологическую основу явления пассионарности, мы можем настаивать на мысли, что при достижении некой критической концентрации пассионариев в обществе, это общество становится неустойчивым и склонным к изменениям своей социальной структуры. Открытые диссиденты являются именно пассионариями, потому что чувство самосохранения у них отходит на второй план, а некоторые из них способны публично пожертвовать своей жизнью ради идеи. В качестве примера можно привести акты самосожжения, как протест против

войны США во Вьетнаме. Даже в такой традиционно демократической стране отчаянные акты протеста не привели к прекращению войны, пока США её не проиграли. В случае авторитарных государств диссиденты вообще ничего практически сделать не могут. Движущими силами являются социальные потрясения, то есть войны или кризисные состояния экономики. Лишь на фоне подобных социальных бедствий появляется шанс изменить социальную структуру общества, причем исторический путь сплошь и рядом проходит через гражданскую войну.

Хорошим примером развития общества от социальной нищеты к умеренному благоденствию являются события в Чили, когда попытки построить социализм (и даже с помощью СССР) привели к экономической катастрофе, закончившейся гражданской войной, из которой переход к военной диктатуре оказался единственным выходом из тупика. Количество жертв было велико, но в случае победы законного социалистического правительства все равно потребовалась бы диктатура для наведения порядка в стране и число жертв было бы в разы больше (см. работы Бисмарка). Рекордсменом по части жертв является, без сомнения, СССР. Будь на месте Сталина Троцкий, или Тухачевский, решительно ничего бы не изменилось, ибо дело не в личности, а в законах развития даже уродливого общества. Слабых диктаторов убивают сильные кандидаты в диктаторы.

Точно так же можно сказать, что генерал Франко, вырвавший власть у социал-коммунистов, сделал для Испании огромное дело. Он спас страну от оккупации, имея собственных умеренных фашистов, и в послевоенные годы получил помощь по плану Маршалла. Для России был бы чрезвычайно полезен исторический опыт Испании в смысле перехода от авторитарного режима к демократической форме правления.

Отдавая должное храбрости советских диссидентов, всё же не будем упускать главного, то есть ответа на вопрос: приблизила ли политическая борьба падение власти КПСС?

Сразу же можно ответить, что диссидентство в целом никак не сказалось на качестве и количестве внутреннего продукта и прежде всего из-за малочисленности отряда диссидентов. Они не смогли организовать мало-мальски значимого профсоюзного движения, которое отвечало бы на бездарные действия руководства экономическими и политическими забастовками. Что же касается борьбы за гласность, открытость внутренней политики, то выпуск с риском для жизни книг (в основном, художественных, в которых в завуалированной форме критиковалась власть), эта борьба затрагивала интересы лишь части интеллигентского сословия и практически была неизвестна всему остальному населению страны. Иначе говоря, жертвы были почти напрасны.

В послевоенной истории СССР мы видим только две фигуры, из которых только Солженицын реально повлиял на положение СССР во внешнеполитическом плане. Войнович в своей брошюре «Портрет на фоне мифа» сводит с ним счеты, пишет, что и писатель он был не шибко талантливый, и человек он был не очень хороший. Да не в этом дело. Не читая «Архипелаг Гулаг», мы и без него предполагали, что число погубленных НКВД жизней исчисляется на миллионы, что рядовые члены этой преступной организации являются отпетыми негодьями и садистами. Но этого не знал сладенький и инфантильный западный мир. И книга открыла этим политическим младенцам глаза. Оказалось, что власть СССР должна быть осуждена так же, как гитлеровский режим за бесчисленные преступления. В результате, большое число идеалистов (социалистов и коммунистов) потеряли веру в то, что СССР является флагоманом, образцом социального общества, воплотившего идеи равенства, братства и счастья всех людей. Когда розовые очки спали с носа простаков-идеалистов, они стали вспоминать, что когда-то слышали и читали о фактах страшного насилия над людьми с применением пыток и заключений в психбольницы от людей, чудом бежавших из этой прекрасной страны. После выхода книги, как говорили знающие люди, начался массовый отток из компартий западных стран.

Однако зададимся вопросом, привела ли дошедшая до западного обывателя информация к ухудшению экономического положения СССР? — Отнюдь нет! Поставки сырья и материалов на Запад продолжались и в ответ в страну везли ширпотреб, зерно, машины и даже современные технологии. Валюты, разумеется, не хватало, потому что нефть стоила очень дешево. Население росло, и удовлетворять даже самые элементарные жизненные потребности становилось всё сложнее и сложнее. И при этом — научно-технический прогресс, влияющий также и на распространение информации, разъедал, казалось бы, на века построенную монолитную политическую и идеологическую структуру. Никакие глушилки не могли полностью перекрыть всё растущий поток информации о недостатках государственной системы СССР.

Идеологическая установка требовала отвечать агрессией на любую критику внутри страны. Критика могла идти только сверху вниз. Жесткость системы являлась гарантией её прочности. Это признавали все, включая самых ярких диссидентов. Почти все считали, что эта власть на века. Только сейчас властные структуры России поняли, что можно просто игнорировать неуютную информацию, разоблачения в воровстве и проч., не нужно никого расстреливать, просто набить морду наиболее активным и подержать за решеткой месяц-другой. Техника воздействия на протестующих и сейчас продолжает совершенствоваться. КГБ подбирает подонков и направляет их на совершение террористических актов против единичных активистов протестного движения: это могут быть избиения, отравления, похищения близких и многие другие способы изощренного насилия. В морально-этическом плане КГБ и власть растлевают физически здоровых молодых людей, предлагая им вместо получения уважаемой и нужной специальности службу в Росгвардии, которая гарантирует хороший заработок и многие льготы за насильственные действия в отношении протестующего населения. При этом с них снимается какая бы то ни было ответственность за жестокие до садизма действия против женщин, стариков, школьников и студентов.

В кругах интеллигенции еще со времен Хрущева стала бродить мысль о возможной конвергенции двух систем — капиталистической и социалистической, то есть капитализм станет более социализированным в смысле заботы о трудящихся, а социализм постепенно допустит развитие частной инициативы. Экономистов, способных глубоко проработать эту концепцию не нашлось. Однако академик Сахаров, не будучи экономистом и политологом, решил предложить для всеобщего рассмотрения некий проект, объединяющий обе социальные системы. Западные СМИ тут же стали передавать этот проект для жителей СССР, а власти тут же поспешили объявить Сахарова чуть ли не врагом народа. Диссиденты безоговорочно приняли сторону Сахарова. В результате, в обществе, которое лишь формально считалось единым монолитом, усилилось брожение умов, которое с яростью преследовалось властью.

А что собой представлял диссидент номер два? Вопрос отнюдь не праздный. Это был необыкновенно талантливый физик, абсолютно не приспособленный к практической жизни с её бытовыми проблемами. Время от времени его голову посещали совершенно идиотические идеи, которые не должны были её посещать, поскольку он был творцом самого разрушительного оружия — водородной бомбы. Так, однажды он обратился в политбюро с предложением раз и навсегда покончить с самым злостным противником, то есть Америкой, взорвав у её берегов супертяжелую водородную бомбу, которая вызовет волну цунами, которая смоем половину городов страны и вызовет экономическую катастрофу, от которой США уже не оправятся. Как бы ни были глупы и необразованны генералы и члены политбюро, даже им этот проект показался слишком рискованным.

Что же касается теории конвергенции, образованные люди слушали этот бред и говорили: «А что Сахаров понимает в экономике и в политике? Законы физики в обществе не работают». Тогда еще информация о частной жизни великого ученого была совершенно не известна, и люди не знали, что

у него была счастливая семья, которая жила с ним в закрытом наглухо городе и жила неплохо, потому что их снабжали по высшей категории. Дети ели каждый день черную икру и другие деликатесы. Чего еще надо? Но случилось непредвиденное несчастье — умерла его жена. Великий физик погоревал и забыл и её и троих своих детей. Известно ли публике, что ни один из потомков Сахарова не получил ни высшего образования, ни творческой специальности?! И этот человек решил осчастливить всё человечество!!! Этот человек обладал детским восприятием действительности. Если им овладевала идея, то она вскоре становилась идеей фикс. Он, безусловно, был одним из выдающихся пассионариев и просто не понимал, как можно отступить от пути, который кажется самым правильным. Он стал самым стойким бойцом за прекращение бесславной афганской войны. Однако остается вопрос, насколько была велика его роль в её прекращении?

Ответ недвусмысленный: если бы не экономический развал, эта война продолжалась бы еще много лет, потому что роль общества в управлении страной была ничтожной. И еще одна важная деталь — эта война была очень выгодна генералитету. Многие из «бумажных полководцев» и ловких командиров сделали себе состояния на солдатской крови. Мы никогда не узнаем их славные имена, так же как никогда не узнаем имена садистов и палачей из НКВД-КГБ, славных исполнителей великого Дела Ленина-Сталина.

К сожалению, мы скоро забудем большинство имен борцов за справедливость в стране, фундамент которой замешан на презрении к человеческим ценностям, и нам остается только ждать, что очередной авторитарный режим, в конце концов, одряхлеет, и сам собой рассыплется, затеяв очередную преступную войну.

В качестве концовки.

Последние 25 лет подарили человечеству такие возможности компьютерного контроля, что благополучие оказалось напрямую связано с качественной обработкой информации

онного материала. Если бы ГОСПЛАН в своё время имел на вооружении современный компьютерный парк, то действительно можно было бы планировать общество развитого социализма, в котором все были бы обеспечены едой, одеждой, жильем и медициной. При единственном условии — не врать, давать правдивую информацию о состоянии дел. Но врут все и при любом режиме правления. У капиталистов, скажем, для уклонения от налогов, а у нас еще и от страха перед наказанием за незаконные деяния. Значит, и компьютеры России не помогут.

Очень живой Довлатов

В самом начале цитата: *«Допустим, счастья нет. Покоя — нет. И воли — тоже нет. Но есть какие-то приступы бессмысленного восторга. Неужели это я?»*

Самое удивительное, что некие персоны, окончившие с золотой медалью среднюю школу, потом факультет журналистики, потом ставшие безмерно популярными и читающие всем желающим лекции на тему «Who is who?» в литературе, не замечают, а, пожалуй, не желают замечать, что рядом с их опубликованными нудными романами, повестями, рассказами и эссе расцветают в руках все новых читателей веселые и одновременно трагические шедевры Сергея Довлатова. Как бы они хотели, чтобы этого чуда на русском языке никогда не было! Противопоставить этому чуду свои тугомыслые опусы невозможно, а если критически мыслящие читатели начнут сравнивать, то скоро выяснится, что и сравнивать нечего. Талант не пропьешь. Поэтому сколько Довлатов ни пил, талант оставался при нем.

И вот что придумали недоумки! Вытащили на свет божий алкаша-недоучку и стали публично превозносить его до небес. Да дело не в том, что недоучка. Горький тоже университетов не кончал. Пушкин закончил Лицей, а про Гоголя никто толком не знает, получал ли он диплом. Важен сам факт: в мире существует великая русская литература.

Престарелый доктор Левин, который охотно оформлял приезжим евреям документы на хроническую депрессию, выделял меня из общей массы и удостаивал разговорами

о прочитанном и увиденном. Однажды зашла речь о знаменитой книге «Москва-Петушки», и доктор признался, что читая её, он часто смеялся. Я тоже когда-то читал сей жиденский опус и ничего в нем не нашел, кроме бесконечных аллюзий на общеизвестные шедевры.

Особенно раздражали меня перечисляемые крепкие спиртные напитки, которые главный герой употреблял, смешивая в совершенно дурацких пропорциях. Его невежество в этом трепетном для русского человека вопросе, кажется подозрительным: а был ли он настоящим алкоголиком? Имитатором Гоголя, Рабле, Гомера и других великих он был никаким. Мыслится, что и алкоголиком он был бездарным и мог запросто сделать коктейль из пива и коллекционного муската. Доктора я понять могу. Это был тихий еврей, который, наверное, ни разу в жизни не напивался и не мог отличить «Зубровку» от «Зверобоя». Но оставим спиртной ассортимент, который не понять дилетантам.

Я видел собственными глазами, как властитель дум зачитывает перед трепетно внимающей ему аудиторией байку, как один алкаш сто раз был в Москве и ни разу не вышел на Красную площадь. Это казалось Учителю необыкновенно смешным, он даже, изображая смех, пританцовывал на сцене жирной ляжкой, держа перед носом книжицу.

Говорят, что уже некто собирается ставить то ли оперу, то ли балет на текст великой поэмы «Москва-Петушки». Ох, как нам иногда не хватает маленького мальчишка из толпы, который крикнет: «А король-то голый!» Господа, неужели вы все не видите, грубо сделанную кальку с «Записок Сумасшедшего»?!

Почему же, все-таки, замалчивают Довлатова? Ведь его остроумие совершенно великолепно. Он ничуть не уступает Ильфу и Петрову, его сравнения не ниже Чеховских в юмористических рассказах, но Чехов как бы подгонял читателей — смейтесь! смейтесь! А у Довлатова это органично смешно и в деталях, и в целых сценах.

Ответ прост: нынешним литераторам нечего противопоставить Довлатову и поэтому они его просто замалчивают. Некоторые из них обвиняют его в банальности, некоторые в пошлости. Конечно, эквивалентность массы покоя и энергии сегодня стала банальностью, но для этого должен был состояться Эйнштейн.

Что еще не понимают академики от литературы: на зоне жизнь в тысячу раз ужаснее, чем в школьном коллективе или в пединституте, но она в сто раз интереснее, потому что каждый день несет в себе непредвиденный риск. Это понимаешь, спустя годы. Точно так же потому и интересны романы и повести о приключениях, войне, пиратстве, потому что из них сочится, словно кровь из раны, живая жизнь.

Кто не смотрел «Комедию особого режима»? Только ленивый. Но в книге есть место, когда Зэк, загримированный под Ленина, запекает «Интернационал» и пять сотен воров и бандитов подхватывают. «Вдруг у меня болезненно сжалось горло, — пишет Довлатов. — Впервые я был частью моей особенной, небывалой страны. Я целиком состоял из жестокости, голода, памяти, злобы... От слёз я на минуту потерял зрение».

Над этим стоит задуматься, хотя с тех дней прошло пятьдесят лет и многое изменилось в наших душах.

Хотите ли вспомнить, как Довлатов мастерски высмеял биологический славянский антисемитизм? Пожалуйста:

Сидят на КПП трое — Борташевич, Гусев и Алиханов. Борташевич рассуждает о бабах:

— ...Сначала ЗАГС, а потом уж низменные инстинкты... Инстинкты, видишь ли, её не устраивают. А если для меня это святое, что тогда?!

— Опять-таки жиды, — добавил караульный (Гусев).

— Чего жиды? — не понял Борташевич.

— Жиды, говорю, повсюду. От Райкина до Карла Маркса... Плодятся, как опята... К примеру, вендиспансер на Чебью. Врачи — евреи, пациенты — русские. Это по-коммунистически?

Довлатова надо читать, нельзя же цитировать весь текст сплошняком, а там — то и дело сверкающие зерна великолепного юмора. Вот, мы остановились на последней странице «Зоны», преодолев досаду, что какой-то Генис (недопечатанный то ли Гений, то ли Пенис) имел нахальство поучать Довлатова в недостатке оригинальности, то есть в банальности. Лев Толстой не зря не любил подобных «писателей», которые делают Писки, Выписки, Описки и Приписки. Мелкие душонки, которые бранятся, как бабы на коммунальной кухне.

Довлатов цитирует Набокова: «Случайность — логика фортуны». Это красиво и не зря Довлатов увлекается этой афористичной фразой. Не уверен, что Набоков исповедывал экзистенциализм, но в текстах Довлатова он чувствует-ся. При этом совершенно нет необходимости штудировать Сартра или Камю. Он чувствовал этот «УКАЗУЮЩИЙ ПЕРСТ СУДЬБЫ».

Мой друг Саша Сергеев называл ПЕРСТ «Его Величество Случай». Случайность правит миром, это она является основой теории эволюции, потому что случайность есть основа энтропии, при том, что энтропия всегда стремится быть максимальной (как и свобода). Думается, что термодинамика была не по зубам ни Набокову, ни Довлатову, да это и неважно. Всё человеческое по сути своей стремится к уменьшению энтропии, то есть от беспорядка к порядку. Весь вопрос в том, какую цену мы, люди, за это платим. Литература дает нам иллюстрацию к этому вопросу, но как область эстетического, она не в состоянии подсказать правильное решение, да и есть ли оно? Не является ли решением векторная сумма многих сил только в данный, особенный момент времени?

Литература непрерывно дает нам примеры борьбы Добра и Зла. На самом деле, эти понятия есть отражения динамического равновесия между увеличением и уменьшением энтропии. То, что способствует здоровью и процветанию растений, животных, человека, продлению их существования на планете, именуется добром, а противоположная тенденция

называется Злом. Государство является необходимым злом, потому что без него все будут пожирать всех. На этом основана вся органическая жизнь. Однако государство способно принимать уродливые болезненные формы и тогда оно сжигает самое себя. России страшно не повезло после 1917 года. Огромная и безобразно управляемая империя исковеркала жизнь миллионов населяющих её людей и испортила жизнь соседним странам. Однако, поскольку структура общества чрезвычайно сложна и за всеми всё равно не уследишь, отдельные люди могут преодолеть преступную идеологию и насилие власти и разными путями донести до мыслящей части населения идеи о непригодности власти и необходимости её смены. В первую очередь, эти возможности возникают у литературы, журналистики, политологии.

Происходит ли смягчение режима власти во времени? — Разумеется. На протяжении последних 50–60 лет произошел разрыв «железного занавеса». Сначала выехали наиболее активные евреи, а затем стала возможной массовая эмиграция на Запад. Крышку над паровым котлом приоткрыли.

Однако если бы целью литературы была единственно правозащитная деятельность, мы бы не открывали книг. Книги — источник эстетического удовольствия, хотя их творят самые обыкновенные люди, иногда с нездоровым пищеварением, страдающие ожирением, склонностью к частой выпивке, головными болями, комплексами неполноценности, с испорченной моралью, завистливые, вредные и прочее. Ничего не поделаешь, даже великий талант хочет есть, пить и испражняться, и самая красивая и нежная женщина, вдохновляющая поэтов и композиторов, носит внутри себя несколько килограммов микроорганизмов, которые помогают ей перерабатывать и усваивать пищу.

Эстетика Довлатова — это литературное явление настолько сильное, что читатель забывает о той ужасной стране, в которой происходит действие, а люди, даже самые страшные, как Зэк, отрубивший себе кисть левой руки, чтобы не работать, или нелепые, как те две эстонки в закрытом, партийном доме

отдыха, вызывают симпатию или смех. Кстати, считается, что смех убивает быстрее, чем ненависть.

Роль интеллекта в искусстве не столь определяющая, как в естественных науках и в математике. Дело не в том, что Довлатов умеренно умён (и поумней видали), а в том, что он необыкновенно остроумен. Взять хотя бы его шарж на псевдонаучные потуги объяснить творчество Пушкина в «Заповеднике»: «...Пушкин — наш запоздалый Ренессанс... А «Маленькие трагедии» естественно продолжают один из жанров Ренессанса. Такова же и лирика Пушкина. И если она горька, то не в духе Байрона, а в духе, мне кажется, шекспировских сонетов...».

Наглядно продемонстрирован метод оживления литературоведческого занудства (там еще и Гете приплетен), потому что если не сравнивать (неважно, что именно), то вообще будет нечитабельно. Один из мэтров с успехом применил этот метод при сотворении творческих биографий Пастернака (с привлечением Маяковского), потом Маяковского (с привлечением Ходасевича, Брюсова, Хлебникова и проч.). Можно, конечно, пленить обывателя, рассказывая о восьми пассиях Маяковского, но так и не дать внятного и развернутого объяснения, толкования с цитатами, про что поэма «Про это». Потому что блестящие её фрагменты не складываются в единую сюжетную картину.

Когда читатель берет в руки стихотворение «Пророк», он испытывает сильнейшее эмоциональное воздействие. И ему нет дела до фиоритур и вообще, каким размером этот шедевр написан. Что ему до того, что Некрасов часто использовал дольник? Есть стихотворение «Рыцарь на час», от которого щемит сердце... И этим всё сказано.

А вот Пушкина не сравнивают ни с кем. Может прав Усатый — Пушкин это наше всё. Люди продолжают рассматривать жизнь Александра Сергеевича под микроскопом. Найденная строчка из письма является основой публикации. Чего только не знают о нем? Сколько народу кормится!

А что заинтересовало Довлатова? — «Олимпийское равнодушие Пушкина. Его готовность принять и выразить любую точку зрения. Его неизменное стремление к последней высшей объективности. Подобно луне, которая освещает дорогу и хищнику и жертве.

Не монархист, не заговорщик, не христианин — он был только поэтом, гением и сочувствовал движению жизни в целом.

Его литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет её. Его литература сродни молитве, природе...».

Даже если я не согласен с его трактовкой, это интересно читать и обсуждать.

Так же мимолетно, несколькими мазками представлена личная жизнь поэта: «У Пушкина тоже были долги и неважные отношения с государством. Да и с женой приключилась беда. Не говоря о тяжелом характере...».

Я думаю, что эти два крошечных отрывка гораздо выше по смыслу, чем брошюра «Дон Жуанский список Пушкина». У нас на кафедре была шутка, что в бывших Пушкинских деревнях до сих пор встречаются курчавые и смуглые. И что? Это куда лучше, чем алкоголизм и педерастия.

В «Заповеднике» немалое место отведено пьянству, и мы чувствуем, что это **трагедия**. А как можно было сохранить трезвость, служа в ВОХРе? И дело не в том, сколько Россия пьет, а дело в том, как она безобразно пьет. Как она подменяет пьянством мечты о будущем. Изменилась ли ситуация сегодня, спустя пятьдесят лет? Если вы просмотрите с десятков новых русских детективов, вы обратите внимание, что все положительные и отрицательные герои непрерывно пьют.

А жалкая и глупая болтовня Венички по поводу выпивки кажется еще глупее из-за стремления рассмешить.

Еще несколько слов об остроумии Довлатова. Часто прочитывая и перечитывая его блестящие находки, не можешь

удержаться от соблазна сравнения их с многочисленными островами Ильфа и Петрова в знаменитом романе. И все-таки это не эпигонство, это свое. В качестве примера возьмите кратчайшее описание их «интеллигентной» коммунальной квартиры (в которой драк не было): «Это не означает, что здесь царили вечный мир и благоденствие. Тайная война не утихла. Кастрюля, полная взаимного раздражения, стояла на медленном огне и тихо булькала...»

Теперь придется сказать о самом неудачном проекте, где Довлатову просто не надо было принимать участие и тем более не следовало делать из этого материала отдельную публикацию «Марш одиночек». «Служенье муз не терпит суеты» — более суетной и нетворческой работы, чем работа газетчика, трудно придумать. Что может быть скучнее, чем газета недельной давности?! А если прошел не один год со дня последнего выпуска, то вообще с лупой в руках ищешь, что же там было забавного или достаточно серьезного, что перешло бы в сегодняшний день?

Если даже вы имеете 30 тысяч подписчиков в довольно узком географическом регионе, неизбежно от вашей газеты начинает вонять местечком, провинцией. Мир сужается и в нем ничего не происходит выше уровня подгоревших котлет у соседки Хаси. Сколько убито Довлатовым времени и сил ни на что. Насколько лучше было бы ему пойти возить тележки в супермаркете, помогая семье и вынашивая замыслы новых рассказов или повестей!

Евреи, которых должно было тянуть в Израиль, понаехали в США. И вскоре выяснилось, что это была не политическая эмиграция, а экономическая. Когда эмиграция становится безыдейной, она превращается в безличное болото, и вот в это болото попал Довлатов. Его газета «Новый Американец» быстро стала национальной, причем даже не еврейской, потому что у издателей не было ни религии, ни истории, ни борьбы за существование, ни идиша, ни иврита. Другими словами, она стала газетой еврейских местечек Российской империи.

Блестки Довлатовского остроумия есть и в ней. Он хотел сделать газету независимой и свободной трибуной. Кому нужна такая газета? Хочешь спорить — иди в клуб или пивную. А что представляет собой читатель?:

«Цены на бензин понизить. Велфер у пуэрториканцев отобрать. Чернокожих — по лагерям и тюрьмам!.. Что, нету лагерей? Значит, надо это дело в стахановском порядке организовать. Кубу оккупировать немедленно! По Тегерану водородной бомбой — раз!

Иначе — демократии конец!..»

«И вот мы приехали... И выяснилось, что евреем быть не каждому дано. Что еврей — это как почетное звание».

А это очень серьезно, потому что истинная правда о нашем прошлом, которое не отпускает:

«...Не бывать тебе американцем. И не уйти от своего прошлого. Это кажется, что тебя окружают небоскребы... Тебя окружает прошлое. То есть — мы. Безумные поэты и художники, алкаши и доценты. Солдаты и зэки.

Еще раз говорю — помни о нас. Нас много, и мы живы. Нас убивают, а мы живем и пишем стихи...»

В конце раздела хочется привести одно из пророческих посланий Довлатова 1980 года, немногое, что осталось актуальным и по сей день:

«Советские вожди догадываются, что их называют бандитами. Они привыкли. Они даже чуточку этим гордятся. Им кажется, лучше быть сильным, чем добрым. Сильного уважают и боятся. А добрый — кому он нужен, спрашивается?

.....

Хапнут завтра Советы какую-нибудь Полинезию. А мы в припадке благородного негодования отменим симпозиум. Какой-нибудь биологический форум по изучению ящериц. Да что там — экспорт устриц приостановим...»

«Коммунисты» сильно обидели Довлатова. Я не зря взял это слово в кавычки, потому что практически все они с самого верха и до самого низа были мелкими мерзавцами,

вырожденцами, и от них терпеть обиды и притеснения было особенно тяжело. Чтобы справиться с обидой за поломанную жизнь, писателю надо изобразить в смешном и нелепом виде тех, кто его мучил и предавал. Но ведь призвание настоящего писателя — это творить нетленку, а нетленки из этого материала не получается. Лишь на 70-й странице работы «Ремесло» можно найти интересную мысль: «Вообще, я заметил, что упадок гораздо стремительнее прогресса. Мало того, прогресс имеет границы. Упадок же — беспределен...»

Однако одна мысль по мере чтения укрепляется в мозгу: грамотные литературные критики в издательстве «Советский писатель» (в данном случае Урбан) не могут стерпеть наличие таланта у человека, предлагающего к изданию свой труд и чем более он талантлив, тем меньше шансов у него быть опубликованным. Более того, даже писатели следующего поколения не могут преодолеть своей ревности по отношению к таланту. Либо отзываются пренебрежительно-высокомерно, либо стараются не замечать. Так что дело не только в «коммунистах».

Когда-то Лев Толстой, придя из армии, познакомился с писателями и вскоре понял, что они ничтожные и дрянные люди, гораздо хуже тех, которых он встречал в своей прежней разгульной военной жизни, но еще и высокомерные от сознания своей общественной значимости (скорее всего, фальшивой). Последняя главка под названием «Костер» из первой книги «Ремесло» фактически иллюстрирует эту тему. Нечто похожее читатель мог прочесть в книге Арчибальда Кронина «Цитадель», хотя там описывается деятельность врачей, которые отфутболивают пациентов друг другу с целью увеличения заработка. Бизнес есть бизнес, говоря современным языком. Законы природы, таящиеся в глубине наших тел, предельно жестоки, ибо, только неукоснительно следуя их логике, мы встали на ноги и завоевали планету. Мораль и нравственность появились только после того, как мы перестали помирать ежедневно от голода и холода. А если такая ситуация иногда и возникает, то мы верим, что она не бес-

конечна, что на нашей улице еще будет праздник. Так что можно и потерпеть, и не сразу превращаться в зверей.

Вторая часть книги «Ремесло» куда сильней. Довлатов предлагает нам зеркало, чтобы мы, наконец, поняли, что мы из себя представляем. Зрелище ужасное.

«Излюбленным нашим занятием было — ругать американцев... В стране беспорядок. Бензин дорожает. От чернокожих нет спасенья. А главное — демократия под угрозой. Не сегодня, так завтра пошатнется и рухнет. Но мы её спасем! Расскажем всему миру правду о тоталитаризме... транзисторы у чернокожих подростков — конфисковать! Кубу в срочном порядке — оккупировать! По Тегерану водородной бомбой — хлоп!..

...Взятки у нас явление распространенное. Раньше, говорят, этого не было. Затем появились мы, советские беженцы. И навели свои порядки.

Помню, мы опубликовали... рецензию на книгу Солженицына. И были в ней помимо дифирамбов мягкие критические замечания.

Боже, какой начался шум!

Кто смел замахнуться на пророка?! Его особа священна! Его идеи вне критики!..

Десятилетия эти болваны молились Ленину. А теперь готовы крушить монументы, ими самими воздвигнутые.

...Кругом свобода, а мы за решеткой. За решеткой своей отвратительной нетерпимости...

...Дроздов украл килограмма четыре мороженого трескового филе...»

Последняя фраза заслуживает обсуждения. Воровство приуще людям со времен первых человекообразных. Воруют все, кроме единичных личностей, и американцы воруют в магазинах сплошь и рядом. Но наши! Которые приехали из такой ужасной страны! Приехали за свободой и, оказывается, тоже воруют. Воруют, хотя ни в чем не нуждаются, обеспече-

ны лекарствами и медицинской помощью, ходят в «садики», где их бесплатно кормят и развлекают, возят в бассейны и на прогулки.

А некоторые из тех, кто помоложе, совершают просто ужасные преступления: воруют деньги с банковских карт, устраивают жульнические схемы с Медикэром, организуются в банды... И это те евреи или дети тех евреев, которые боролись за свободу выезда из СССР?!

Я знал одну замечательную учительницу математики, которая даже зажигала в пятницу свечи, так хотела почувствовать себя еврейкой. Однако, когда она ездила за покупками в *Costco*, она вытаскивала из соседних коробок апельсины и заталкивала в свою, зная, что на кассе пересчитывать апельсины не будут.

Довлатов отлично понимает, что знающие врачи, инженеры, научные работники, которым не перевалило за пятьдесят, в основном, быстро влились в жизнь трудовой Америки и вскоре стали типичными представителями среднего класса. Для них эта газетенка-еженедельник на русском языке с её провинциальными замашками не представляла никакого интереса, так что основными читателями её были Бывшие Интеллигентные Человеки, которые сидят на Велфере. И вообще рассказ об этой затее с газетой не стоил бы выеденного яйца, если бы не юмористический талант автора, который в конце повествования смог-таки устроить «крещендо», благодаря которому вся вещь приобрела некую значимость. А какого успеха можно было ожидать от основателей газеты-еженедельника, только что приехавших из Совдепии и совершенно не знающих реалий Америки. Вся информация, которой они располагали, исходила из шести больших дешевых домов, плотно заселенных эмигрантами из СССР.

И вот в этом крошечном местечковом мирке, пропитанном страхами, недоброжелательностью, грошовой завистью, всеми совковыми комплексами, накопленными за семьдесят лет существования с двойной моралью, вдруг расцвел

необыкновенной красоты цветов, посаженный Довлатовым. Цветок, нареченный *Милосердием* в противоположность жестко-колючему кустарнику под именем *Справедливость*.

Речь, конечно же, идет о шедевре «Иностранка». Налицо все приметы ярмарочного театра. Вокруг вас смешно раскрашенные маски, которые тем смешнее, чем серьезнее они стараются выглядеть. И, разумеется, в центре повествования Коломбина, которая достается Арлекину в награду за его легкость восприятия жизни. Жизнь коротка, но она есть главный праздник, а праздник не может длиться вечно. Так будем веселы и милосердны друг к другу! А в конце повествования свадьба-карнавал и да благословит Господь Автора!

«Кто честной бедности своей стыдится и всё прочее...». А, знаете ли, что от бедности человек устает смертельно, независимо от того, чем она порождена — неумением жить, или неумением зарабатывать, или постоянным невезением. Сколько несостоявшихся планов, разрушенных семей, сломанных судеб таит в себе хроническая бедность! Всё богатство Довлатова — в 33 буквах русского алфавита! Не много же ему было дано, нет так ли? Еще ему было дано огромное прожорливое тело. На этом выдача подарков закончилась? Нет, не закончилась. Он и его семья были в приятельских отношениях с большими и яркими людьми, и поскольку они были связаны с миром искусства, они получали подарки (или подачки) от своих более успешных приятелей, но в искусстве, в отличие от земных нужных профессий, нельзя быть в разряде обыкновенных, нужно обязательно стать если не знаменитым, то достаточно известным. Иначе — прозябание, безысходное прозябание, бесконечное перехватывание рублишек до зарплаты или до выплаты крошечного гонорара. Отсюда постоянное желание заглушить тоску от сознания своего неумения заработать на жизнь, не роняя человеческого достоинства, не приспособившись к капризам начальника или высокопоставленного партийного демагога. Если бы Довлатов обладал скромной конституцией, то спился бы окончательно годам к тридцати и мы никогда бы не прочи-

тали его яркой и неповторимой иронической прозы. Юмор для него — это средство не сойти с ума от ощущения полной ненужности. Спиртное — это источник радости, возможность пусть на время расслабиться и забыть, во что ты одет, чем ты сыт, где ты обитаешь с семьей. А для нас, еще не потерявших способность чувствовать современный русский язык во всех оттенках, это получать высокое эстетическое наслаждение от работы Мастера.

Все истории цикла «Чемодан» — это тема житья в бедности в бедной стране с идеологическим насилием, заместившим и весьма неудачно знаменитые десять заповедей. Что же нажил Довлатов за тридцать с лишним лет жизни в СССР? — Увы, немного:

Три пары синтетических носков, часть своей доли от неудачной попытки спекулировать;

Полуботинки, украденные у мэра Ленинграда;

Двубортный черный костюм, подаренный редакцией, чтобы он мог ходить на похороны важных персон, как её представитель;

Офицерский ремень с наваренным на пряжку паяльным сплавом, использованный однажды против самого Довлатова пьяным сослуживцем;

Изношенная кожаная куртка, якобы принадлежавшая Фернану Леже;

Поплиновая рубашка, подаренная женой перед отъездом;

Зимняя шапка, оказавшаяся у Довлатова в качестве трофея после драки;

Шоферские перчатки-краги, оставшиеся у Довлатова после неудачных съемок на киностудии вместе с костюмом, в котором он должен был играть Петра Первого.

Что такое бедность? — Это двадцать лет щеголять в финских гороховых носках, которые остались после неудачной фарцовки.

У Довлатова нет костюма, чтобы пойти в театр. Майор госбезопасности этого не понимает:

— Почему у вас нет костюма? — спросил майор. — Что за ерунда такая? Вы же работник солидной газеты.

— Зарабатываю мало, — ответил я.

Тут вмешался редактор:

— ...Есть решение наградить товарища Довлатова ценным подарком. Через полчаса он может зайти в бухгалтерию... Потом заехать во Фрунзенский универмаг. Выбрать там подходящий костюм рублей на сто двадцать...

Те, кто тогда еще жил в СССР, знает, что это был недорогой костюм, очень даже обычный. Из тех, что поставляли нам поляки, чехи, венгры. А наши костюмы были ужасны. И по цвету, и по выкройке.

Довлатов пишет: «Я не жалею о пережитой бедности. Если верить Хемингуэю, бедность — незаменимая школа для писателя. Бедность делает человека зорким. И так далее. Любопытно, что Хемингуэй это понял, как только разбогател».

На самом деле у Довлатова это болит. Он помнит, как уверял маму, что ненавидит фрукты, отказывался примерить в магазине новые ботинки и т.д. Бедность — это проклятие!

«Я работал в многотиражной газете. Получал около ста рублей. Плюс какие-то малосущественные надбавки. Так, мне припоминаются ежемесячные четыре рубля *за освоение более совершенных методов хозяйствования*».

У него не получалось завести благополучных, порядочных друзей. Он был одержим комплексами. Большинство бедняков знает это. Многие кладут жизнь, чтобы стать богатыми, солидными, но достигают цели единицы.

Довлатов не стал богатым. Он стал очень известным. Если бы не он, никто бы не вспомнил физика Андрюшу Черкасова, сына известного актера, который даже защитил докторскую диссертацию, не говоря уж о маме Андрюши, неглупой, но бездарной актрисе.

И это потому, что он, Довлатов, глубоко думал о нищете и богатстве: «Вмиг облетает с человека шелуха покоя и богатства. Тотчас обнажается его израненная, сиротливая душа».

Серьезнейшая тема — отношение российского народа к власти. Никто не знает, как оно сформировалось, но народ хочет одного, — чтобы власть ему не докучала, а он сам как-нибудь устроит свою жизнь. Опыт жизни показывает: что бы власть ни предпринимала, положение дел всегда становится хуже. Власть хотела бы поменять народ, чтобы он не мешал проводить реформы, а народ не верит власти и старается её не замечать. Её как бы — нет. Чудесная аллегория этой парадигмы приведена в рассказе «Шоферские перчатки». В бесконечно-длинной очереди за пивом появляется Довлатов в костюме Петра Первого, и никто из очереди не удивляется этому феномену. Люди хотят утолить похмельную жажду и им нет дела до Царя. Даже механику возникновения спонтанного народного бунта Довлатов подметил необыкновенно умно и тонко. Одно слово — Мастер!

Мастерство не пропьешь! Одна страничка в рассказе «Поплиновая рубашка» весит больше, чем целая повесть о любви. Много лет автор живет с женщиной, которая стала матерью его дочери, с которыми у него, кажется, нет ничего общего. И разговоров о любви, наверное, никогда не было. И вот, случайно ему попадается её личный фотоальбомчик, в котором обычные серые фотографии, уже никому не интересные. И вдруг он видит в её альбоме свою фотографию с рабочего пропуска, и всё переворачивается у него внутри. Это надо прочесть и перечитать. Хочется спросить у нынешних мэтров литературы: «А вы так смогли бы?!»

Возвращаясь к самому началу исследования темы диссидентства, опять-таки хочется настоять на мысли, что «коммунистический» режим развалился сам силой экономических обстоятельств, а не происками врагов и выступлениями несогласных. В рассказе «Виноград» дана в гротескном изображении вся картина экономического хаоса огромной страны. Картина напоминает сцены из «Сталкера» Тарковского. Это уже не Апокалипсис, а то, что остается после него.

.....

«Я употреблял такие слова, как «философема», «экстраполяция», «релевантный» — пишет Довлатов. — Наконец редактор вызвал меня и говорит:

«Такие передачи и глушить не обязательно. Все равно их понимают только аспиранты МГУ».

Господин Арьев, который помог издать нынешний четырехтомник, тоже не мог избежать соблазна и начертал:

«Довлатовский жанр возник на фоне избыточно стиховой культуры ленинградской творческой молодежи начала шестидесятых и был в общих чертах на неё реакцией и её же детищем. Сюжеты Довлатова представлялись рожденными для этой поэтической вакханалии, казались застольным её вариантом ... Когда б ни одержимость выработывавшего новый художественный дискурс автора.

...Воссозданная художником действительность намеренно публична даже в камерных сценах. Она излишне узорчата, чтобы быть копией не стремящейся на подмостки тусклой реальности. Жизнь здесь подвластна авторской режиссуре, она глядит вереницей мизансцен...»\

Много высокопарных слов, ничего не проясняющих читателю, неспособных объяснить даже, почему он назвал свою вещь «Филиал».

А другой властитель дум, вообще напичкал свои лекции терминами типа «амбивалентность», «эмпатия», «промоушен» и прочим псевдонаучным мусором. Для них, высокообразованных, очень важно вставить свои пять копеек по чисто формальному поводу, например, отметить, что стих написан пятистопным ямбом или дольником, или что в прозе слышится стихотворный ритм. В результате чтения этих комментариев в памяти не застревает ничего, может быть, потому, что мэтры сами ничего не могут разглядеть в глубине текста. Зачем-то Арьев в обсуждение рассказа «Ариэль» притаскивает длинейшее рассуждение о пьесе Шекспира «Буря», хотя у Довлатова дан типичнейший портрет занудного еврейского подростка; имя Ариэль (дух воздуха) как раз оттеняет его

неприятную физиологическую противоположность имени. Автор должен был сразу грубо прогнать мальчишку с крыльца, но душевная организация не позволила. Вот эти-то щепетильность, нерешительность, закомплексованность свойственны Довлатову, и он может справиться с ними только *post factum*, изображая самого себя в иронической форме.

.....

Холодная война шла к концу. Россия проиграла её по всем пунктам, включая информационную, и несмотря на все уступки, сделанные в сторону международной общественности. К моменту написания Довлатовым последней книги «Филиал» евреи и диссиденты, желающие покинуть СССР, смогли осуществить свои стремления. И тут оказалось, что их интересует не новая жизнь со всеми плюсами и минусами, а положение дел в стране, которую они недавно покинули. На исходе холодной войны добровольно уехавшие евреи стали активными участниками бессмысленных с точки зрения политической практики симпозиумов и совещаний, которые финансировались главным врагом СССР, то есть США.

По мнению инженера, ученого-физика, агронома и других, ценных для страны людей, антисоветская пропаганда ничего, кроме негативных эмоций по поводу ЦК КПСС и КГБ достигнуть не могла, потому что недовольство внешней и внутренней политикой властей на хлеб не намажешь. Экономический коллапс системы был предрешен. Афганская война и низкие цены на нефть ускорили крах СССР.

Однако выехавшие и выгнанные из СССР никак не хотели и сейчас не хотят признать ничтожность результатов порой действительно героической активности.

Довлатов пошел работать на радио из чисто меркантильных соображений, потому что жить только на гонорары от публикуемых в США книг было очень сложно. Он и не отрицал этого. А эмигрантские крикуны, в отличие от Довлатова, считали свой отъезд в США подвигом, за который их следует вечно уважать и цитировать весь их бред относительно будущего России.

Предоставим слово Довлатову:

«...На заседании общественно-политической секции выступал Аркадий Фогельсон, редактор ежемесячного журнала «Наши дни». Говорил Фогельсон примерно то же, что и все остальные. А именно, что «Советы переживают кризис». Что эмиграция есть «лаборатория свободы». Или там — *«филиал будущей России»...*» (курсив мой — А.Т.).

Участники симпозиума составляющие 97% евреев и лишь 3% остальных наций Советского Союза, имели нахальство объявить себя Филиалом будущей России! При этом Солженицына они оставили в стороне. Кроме Наума Коржавина и Юза Алешковского на этом сборище даже и назвать было некого. Всё остальное — крикливая и бездарная мелочь. И вот эта мелочь собралась избрать будущих повелителей России, строителей жизни!

Автор этих заметок дважды побывал в России после эмиграции и заметил, что близкие его друзья и даже троюродный брат очень недоброжелательно относятся к замечаниям типа: *у вас ничего не изменилось к лучшему, или та же грязь в подъездах и на улицах, или такие же недоброжелательные рожи в метро, как и восемь лет назад...*

Их реакция была совершенно объяснимой: ты уехал в другую страну, так живи там и радуйся, а наша страна — это теперь только наше дело, обойдемся без твоих сентенций.

Всё это еврейское сборище было размещено в отеле *Hilton*, одном из самых дорогих отелей США. До чего же богата Америка! Участники бессмысленного сборища оттянулись за счет наивных америкосов на полную катушку. Довлатов с насмешкой говорит о них: «В тюремных камерах они (почвенники и либералы) жили дружно. На воле им стало тесновато».

Что думал Довлатов о них, о всех, ясно из текста книги, но в самом её начале есть провидческие строки:

«...Я думаю, через пятьдесят лет мир будет единым. Хорошим или плохим — это уже другой вопрос. Но мир будет единым. С общим хозяйством. Без всяких политических гра-

ниц. Все империи рухнут, образовав единую экономическую систему...»

Это было написано тридцать лет назад, когда еще существовала последние дни Восточная Германия и, даже если в 2040 году мир еще не успеет объединиться, сама мысль Довлатова вызывает уважение.

На фоне фиглярствующих деятелей эмиграции, никого толком не представляющих, протекает странный роман между Довлатовым и его бывшей любовью Тасей. Более неудачный фон трудно себе представить. Все комплексы влюбленного неудачника по жизни вылезают наружу и причиняют боль, как нарывы при опоясывающем лишае (Shingles). У читателя возникает вопрос: Зачем эта бифуркация? Зачем вскрывать когда-то отболевшие раны, расчесывать их до крови да еще на таком безобразном фоне? Наверное, эта книга является творческой неудачей Довлатова, несмотря на талантливость отдельных фрагментов.

Двухчастное собрание анекдотов из записных книжек Довлатова... Это анекдоты в том смысле, как они трактовались еще во времена Пушкина — занимательные короткие истории. Примечательно одно свойство таких историй: если в анекдоте приведено суждение или курьезный поступок человека известного многим, то читатель получает гораздо большее удовлетворение, чем в случае человека ему неизвестного, просто чьего-то знакомого. Суть в том, что Довлатов обладает особым мастерством вклеить в историю какую-нибудь совершенно дурацкую деталь, нелепый довод, неожиданную эмоцию — и рассказ становится необыкновенно смешным.

Иногда в этих коротких заметках встречаются мысли, которые составили бы честь собраниям афоризмов. К примеру: «Гений враждебен не толпе, а посредственности» Пересказывать остроты — дело неблагодарное. Не зря говорится: сколько ни повторяй *халва-халва*, во рту слаще не станет.

«Соло на ундервуде» значительно слабее по качеству острот, чем вторая часть «Соло на IBM», и вообще следовало бы перед публикацией привести разнообразный материал записных книжек в некую систему. Упрек, конечно, не к автору, а к редактору.

Наверное, не будет преувеличением считать Довлатова одним из достойных наследников традиций, заложенных Ильфом и Петровым, поскольку он развил дальше метод иронического в русской литературе.

Как вы поняли, автор этих строк не очень-то привечает «гения», сочинившего «Москва-Петушки». А вот у Довлатова хватило широты и милосердия пригреть «гения»:

«Я часто думаю, откуда такие берутся?! Эти голодные недоучившиеся российские мальчики?! С невероятными фило-софскими реформами?! С гениальными картинами?! С романами вроде «Москва-Петушки»?!

Кто их создает?

Я знаю — кто. Советская власть!»

Но вот, те, кто мечтал о свободе, так или иначе оказались вне СССР. Всё. Борьба окончена. Прошло еще десять лет и выезд за границу стал обычным делом. Это неизбежно следовало за позорным поражением СССР в холодной войне. Довлатов застал время, когда информационная война против СССР еще велась, хотя уже всё было ясно. Огромная третья волна эмиграции вскоре накрыла тех, кто бежал или был изгнан раньше. Умные и молодые заняли хорошие позиции и присоединились к среднему классу, на плечах которого выросло всё, чем гордится Америка.

Потребность в критике России сейчас вполне удовлетворяется несколькими радиостанциями, которые уже давно не глушат, хотя каждый раз мы слышим заставку — «Глушить уже поздно!». Время тех диссидентов практически ушло. То, что они могут сказать сейчас, каждый слышит в открытом эфире таких передач, как «Эхо Москвы». Возникает вопрос: нужны ли консультации бывших диссидентов тем молодым ребятам,

которые бесстрашно выходят на улицы российских городов с протестами против жульничества власти?

Успокойтесь, господа. Новое поколение само будет решать свои задачи. Скорее всего, даже более эффективно, чем вы. Время есть штука ужасно жестокая, неумолимая. Это еще царь Соломон понимал. Какие бы симпозиумы вы сейчас ни созывали, никто, кроме ваших современников, за исключением считанных единиц из молодежи, не придет.* Можете сколько угодно уверять друг друга, что без вас Россия так и осталась бы советской. Можете сколько угодно презирать русский народ и всех, кто не уехал вместе с вами. Мадам А. Свиридова вообще считает, что в России сейчас живут лишь потомки воров, бандитов и разного ранга охранников. Вы, мадам, хоть раз прослушали бы передачи Станислава Дробышевского, Владимира Сурдина, Сергея Попова! Какие головы у этих ребят! К сожалению, Довлатов не дожил до нашего времени. Он, думается, оценил бы колоссальный потенциал нового поколения России.

Бродский сделал для Довлатова в Америке очень многое. Благодаря ему через несколько лет Довлатов смог опубликовать свои сочинения на английском языке и его признали американские читатели. А вот «друзья» так и не смогли простить ему успех. «Ох, эти мне друзья, друзья», — писал Пушкин. «На дне рождения Бродского присутствовало тридцать знаменитых американцев. С десятью из этих знаменитостей Бродский счел нужным меня познакомить...» — Вот как познаются истинные друзья!

* Автор неоднократно бывал на таких собраниях. Их участники очень напоминали персонажей, которых Довлатов так смешно изображал в своих текстах.

А. Толчинский. «Муза»

Осколки

СОНЕТ ДОН ЖУАНА

Все женщины — переходящий приз!
В желаньях не найти душе спасенья.
Готов терпеть любой её каприз,
Впадаю просто в умопомраченье.

Мне тридцать. Ей... Иду на эшафот,
Взыскуемый псевдоиндийской мантрой.
Я словно тот юнец пред Клеопатрой.
Пусть жизнь мою спокойно заберет.

Задумчива улыбка гордых губ,
Завесой тайны, облаком одета.
Супруг ревнив, безжалостен и груб.
Убив его, с ней буду до рассвета.

Всесилью женскому равно покорны мы.
Они, как Ангелы, что встают из тьмы.

МОИ СТИХИ ТЕБЕ*

Мои стихи тебе... Мои стихи...
Представь: горит свеча в старинном зале.
Одна свеча горит и освещает
Побеленную стену перед ней.
Я руки подношу к стене, а ты
Глядишь на тени. Тени славно пляшут:
Залает пес беззвучно, заяц уши
Торчком поставит, птица пролетит.
Но вот я близко подхожу к свече —
Моя рука размером с полстены
Становится десницей великана.
Вот сам я, став огромным, как циклоп,
Закрыл собою стену. Головою
Я упираюсь в потолок, и блещут
Зловеще, как глаза волков голодных,
Куски слюды, вмурованные в стену.

Мои стихи тебе... Мои стихи...
Представь: морозный день. И светит солнце.
Оконное стекло заледенело —
Цветы зимы взамен цветенья лета,
Забавы злой старухи. Если хочешь,
Дыханьем жарким тот обман развей.
Стечет обман холодной водою,
И солнце хлынет в комнату потоком.

* Строго говоря, это просто ритмически организованная проза, в которой важен лишь смысл сказанного.

Сейчас царит зима. Тоскует сердце
И ждет явления признаков весны,
Когда тепло растопит сонный холод,
И карканью ворон придет на смену
Веселый гомон птичьего семейства.
А мы, как королева с королем,
Пойдем аллеей в наш знакомый парк.
И парк, узнав нас, словно встрепенется,
Заплещет вмиг ладонями листвы,
Так выражая восхищенье нами.

Мои стихи тебе... Мои стихи...
Они по стенам памяти твоей
Промчатся словно свет автомобиля,
В котором кто-то в сумерках спешит.
Пускай лишь на мгновенье озаренье!
Но наша жизнь — не тот ли краткий миг?
А мы — не те ли тени на стене
В старинном зале? Не цветы ль зимы?

Из вечности пришли, уходим в вечность.
И лишь любовь, сестра весны, бессмертна.
Да, ей одной по силам растопить
Холодной вечности окаменевший лед.
С движением Земли тепло вернется
И шустрая синичка-невеличка
Качнет весенний маятник крылами.
Часы пойдут, и в унисон забьются
В который раз усталые сердца.

СНЫ НАКАНУНЕ 15 ДЕКАБРЯ

*Судьбу и жизнь перебирая
Вдали от суеты мирской,
Я понял, что коснулся рая,
Когда нарушил твой покой.*

Своенравный и глупый старик.
Перед тем, как покину я землю,
От Тебя всё на свете приемлю
За один ослепительный миг.
Из глубин моего естества
Рвутся песни восторга и нега,
И предвижу я миг торжества
Перед вечным покоем ночлега.
Этот сон, упоительный сон,
Он спустился на ангельских крыльях,
Чтобы мне дать блаженство всесилья,
О, как я безнадежно влюблён!

.....

Физиологии чума
Способна нас свести с ума.
Здесь места нет воспоминаньям.
Заканчивая жизни путь,
Я спрашиваю, в чем же суть?
Что открывается страданьям,
Блаженству, думам и мечтам?
И отчего к твоим ногам
Уж столько лет я припадаю,
Как будто, грешный, я не знаю,
Что начал этот путь Адам
И заповедал нам потомкам
Идти след в след за роем рой.

Едва ли сыщется герой,
Который оборвет постромки.
Сегодня, в тихий зимний день
К тебе с протянутою чашей —
Да сбудутся желанья наши,
Хотя в ней просто дребедень.

.....

Мой сердечный привет Донне Инне.
Я мечтаю о встрече живу.
Словно Нансен, прикованный к льдине,
Вижу странные сны наяву,
Будто наглый и краснорожий
Ворвался в нашу жизнь и покой.
Чем-то мерзко на зверя похожий,
Что смердит гробовою доской.
Но мечом своим смертно-разящим
Разрублю этот ужас и мрак.
Паладин — и повергнутый враг!
Что сравнится с мечтою слепящей!

Я в служенье своем нахожу
Оправданье земного обета.
Пусть сквозь холод проявится лето,
Обогреет душистым теплом,
И мы вместе вперед понесем
Книгу «Жизнь», на странице Завета
Приоткрытую нашим Отцом.

ТАНЦУЮТ ВСЕ

Звенит Рио-Рита,*
Сухое шелканье веселых кастаньет.
Бурлит Рио-Рита,
И сердце сердцу шлёт свой пламенный привет...
Ведь эта жизнь уныния не знает,
Хотя красавица заманет и обманет.
Пускай Рио-Рита
Нам всем танцующим удачу принесет!
Та-та, та-та, та-та, там —
Мы слышим стук изящных каблучков.
Та-та, та-та, та-та, там —
Охота кроликов на яростных волков...
Кипит Рио-Рита,
Мы в вихре танца все безумно влюблены!

* Популярный танец 20–30-х годов XX века. Вспомните его мотив.

СПАСИТЕЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Эту небольшую историю, почти анекдот в том смысле, как его понимали двести лет назад, мне рассказал Вячеслав Калинин, человек известный в нашем эмигрантском кругу, благодаря многим артистическим талантам, которыми его щедро наградила природа. Он жил в те далекие семидесятые годы в Алма-Ате, что в переводе на русский означает «Отец яблок». Этот чудесный город во время войны стал пристанищем для многих творческих людей, которые легко нашли друг друга и тесно, и подолгу общались. Многим из них Отец яблок так приглянулся, что они не стали возвращаться по окончании войны в холодные и негостеприимные наши столицы. Так сложился в Алма-Ате обогащенный слой творческой интеллигенции. В.К. часто бывал в одной компании, где однажды познакомился с пожилым кинорежиссером К. О. Тот был отменным рассказчиком и фантазером, и вокруг него мгновенно собирался кружок, в котором царили две очаровательных дамы лет тридцати. Давно всем известно, что запах славы и успеха притягивает прекрасный пол так же, как аромат цветов привлекает пчел.

Приезд К. О. был связан с организацией творческого семинара по проблемам современного киноискусства в Алма-Ате, потому что идеологическая линия партии требовала равномерного распределения достижений человеческой деятельности на всю территорию СССР. Как водится, перед закрытием семинара его знаменитые участники были приглашены в самый известный ресторан казахской столицы, где хозяйева упоили гостей до состояния полнейшей откровенности, и на вопрос «Нравится ли вам наша столица?» отвечали восторженно и со слезами, что да!да!да!

После застолья гости разбились на группы по интересам и в той группе, где оказался К.О., горячо дебатировался вопрос, кто из присутствующих подвергался в процессе своей работы смертельной опасности и как часто. Чего там только не было! Падающие лестницы, внезапные взрывы пиротехнических средств, столкновение машин с поездами и прочее, и прочее. Ясно было одно: все собравшиеся благополучно пережили моменты страха за свою жизнь и сейчас решили похвастать, какие они все непростые и храбрые парни. К.О. предпочитал держать язык за зубами, отлично зная, что эти ребята могут в случае чего и доложить куда надо, и приврать с три короба, а потом кое-кто вызовет рассказчика на ковер и пригрозит оргвыводами. Однако в уютной и немного провинциальной столице дружественной республики, на частной дореволюционной квартире, куда его пригласили местные красавицы, К.О. немного расслабился под призывными взглядами и начал свою историю.

«Это было в сороковом году. Меня в числе других кинорежиссеров пригласили в Кремль по случаю двадцать третьей годовщины Октября. В самый разгар приема под бурные аплодисменты гостей появился Сталин и так, знаете ли, попросту подсел к Ворошилову, выпил вина, улыбнулся, закурил свою знаменитую трубку. Тостов было сказано более чем достаточно, все захмелели, в огромном зале стало шумно. Сталин поднялся и стал мягко так ходить вокруг стола, подсаживаясь то к одной компании, то к другой. Видно было, что он в хорошем настроении. Подошел он и к нам. Память у него, скажу я вам, была просто потрясающая. Взглянув на меня, он тут же обратился ко мне:

«Товарищ О., как ваши успехи, нет ли проблем, которые мешают вашей работе?»

Я отвечаю: «Серьезных проблем нет, всё решаем в рабочем порядке...»

Тут он улыбается и говорит: «Я знаю, что в вашей среде ходят разные анекдоты, вот вы, товарищ О. расскажите нам какой-нибудь анекдот про товарища Сталина».

Я мгновенно ощутил такой леденящий страх, что язык прилип к гортани.

«Товарищ Сталин — сказал я умоляюще, — я не слышал про вас никаких анекдотов».

А в голове моей в этот момент уже крутилось их несколько десятков, но я никак не мог выбрать тот, который гарантировал бы мне жизнь.

«Да бросьте притворяться, товарищ О., — сказал Сталин, и я видел, что он начинает сердиться. — Давайте, вспоминайте побыстрее!»

И тут я нашел свой спасительный вариант:

«Вспомнил, товарищ Сталин, вспомнил один анекдот!!»

«Вот это другое дело. Я знал, что вы непременно вспомните...».

«Слышал я, что приехала в СССР иностранная делегация, и после приема вы водите гостей по залам Кремля, показываете разные редкости. Потом вы с гостями входите в Грановитую палату, и все видят, что в углу стоит на голове товарищ Микоян. Иностранцы удивляются и спрашивают вас, почему Микоян стоит в углу и почему на голове, а вы отвечаете: «Мой Микоян. Куда захочу, туда и поставлю!»

Тут Сталин залился смехом, как ребенок. Смеется и смеется. Ворошилов подошел. Сталин хлопает его по плечу: «Клим! Мой Микоян, куда захочу, туда и поставлю!!».

Три раза повторил он эту фразу, потом, всё еще посмеиваясь, покачал головой и ушел на другой конец стола. Я же ощутил вдруг, что на мне совершенно мокрый пиджак. За несколько минут смертельного страха из меня вышла вся вода. Я почти упал на стул и выпил залпом два стакана знаменитого грузинского вина».

Автор этих рассказов — авторитетный ученый, доктор химических наук, и параллельно с плодотворной работой в науке — одаренный прозаик, написавший ряд книг, тепло встреченных литературной критикой и читателями. Включенные в этот сборник произведения — живописное путешествие в молодость, совпавшую по времени с застоем, перестройкой, надвигавшимся закатом советского режима в стране.

Герои рассказов — молодые кандидаты, доктора наук, работавшие в научных центрах, которые при тогдашней тотальной склонности к секретности носили название «почтовый ящик номер такой-то...» Звучит безраздостоно — «работали в ящиках». Но и в условиях проблемы выживания, ломки всяческих устоев молодость брала свое: в решение научных проблем вносила страсть и задор, обогащая свои труды и дни дружбой и любовью.

В целом из этих рассказов проступает колоритный портрет поколения, которое живет и работает в «империи зла», сталкиваясь с трудностями, лишениями, национальной рознью, все же находит отраду в той жизни, что бурлит вокруг. Даже в неласковых обстоятельствах, молодость всегда — какой ни есть, праздник жизни.

Один из героев этой книжки делится интересным соображением: «Я тут пришел к важному философскому выводу, что более сложно устроенная система всегда подчиняет себе более простую, и это только вопрос времени. Этот принцип распространяется на всё во Вселенной и означает, что со временем человек научится использовать энергию солнца не только с помощью солнечных батарей и ископаемого топлива, а также и сил тяготения, радиации и прочего. Из этого принципа также вытекает, что более сложно устроенное общество, например, демократия, обязательно одержит верх над более примитивно устроенным, как например, деспотия или автократия, потому что у первого больше степеней свободы».

В пожилые годы автор этих строк выплавляет из минувших лет памятную золотинку опыта, одаряет ею нас и новые поколения читателей.

Михаил Хазин, Бостон

Алик Толчинский — москвич, доктор химических наук. По окончании МИТХТ занимался исследованиями в различных областях физической химии. Живет в пригороде Бостона.

Печататься начал в конце 90-х годов. Автор нескольких сборников рассказов и повестей — «Мозаика жизни», «Окончательный вариант», «Два гения», «Перед заходом солнца», сборников эссе «Нонкомформист» и «Продолжение разговора» и других, изданных в США в 2004–2019 годах.

ISBN 978-1-950319-23-7

M-GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com